

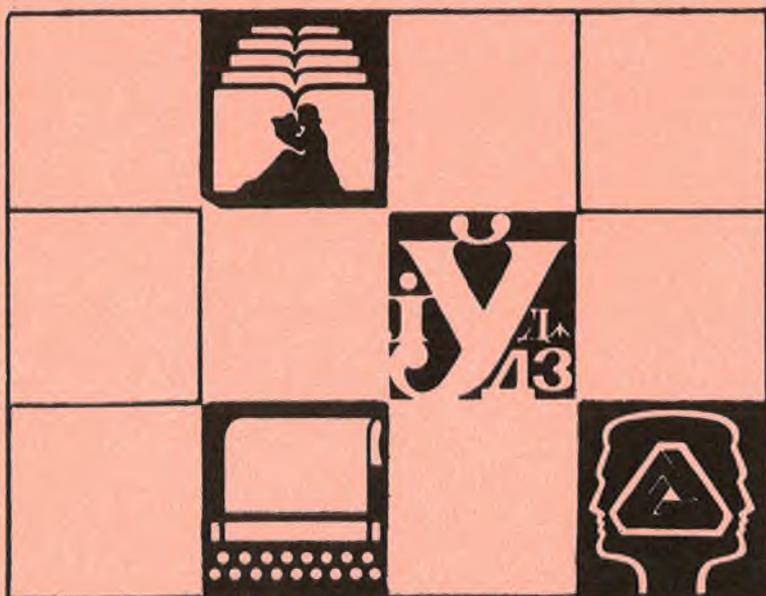
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 4

Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія

2'92

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Максімовіч В. А.</i> Кантэкст і каларыстычная сімволіка ў раскрыцці эстэтычнай сутнасці вобраза (на матэрыялах паэзіі «Узвышша»)	3
<i>Канаплянік Л. М.</i> Патрыятычныя матывы ў творчасці Янкі Лучыны (1851—1897)	7
<i>Станюта А. А.</i> Достоевский в восприятии Буннина	11
<i>Алешка Т. В.</i> Пушкинские традиции в поэзии Б. Ахмадулиной	15
<i>Лысенко С. А.</i> Воскрешенная судьба	18
<i>Ковальчук И. С.</i> Художественная атмосфера романа П. Модigliano «Бульварное кольцо»	23

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Бурак Л. І.</i> Няпоўнастаўныя канструкцыі ў аповесці Я. Коласа «На пра-сторых жыцця»	27
<i>Прыгодзіч М. Р.</i> Складанні з першым кампанентам-прыслоўем у гісторыі беларускай мовы	30
<i>Ляшук В. М.</i> Слова са значэннем <i>'радзіма</i> , у беларускай паэзіі XIX—XX стст.	35
<i>Кулеш Г. І.</i> Да вызначэння грамадска-палітычнай лексікі	38
<i>Абрагімовіч М. Я.</i> Арганізацыя работы над балгарска-беларускім слоўнікам з дапамогай ЭВМ	41
<i>Вольнец Т. Н.</i> О некоторых особенностях функционирования причастных форм на уровне текста	43
<i>Леонович В. Л.</i> Структурно-семантические особенности образований с элементами <i>суб-</i> и <i>транс-</i> в современном русском языке	47
<i>Ияхиа Кадум Ахмед.</i> О вариантах форм родительного падежа существительных мужского рода в русском языке	50
<i>Коваль В. И.</i> К происхождению фразеологизма <i>задать баню</i>	53
<i>Адуцкевич Л. Б.</i> Словообразовательная структура слова в процессах его семантизации	56
<i>Мечковская Н. Б., Гурина Н. М.</i> Языковые средства презентации речи и смежные функциональные категории	60
<i>Галай О. М., Зубовская Н. К.</i> Сравнительно-сопоставительное исследование атрибутивных словосочетаний в русском, немецком, французском языках	63
<i>Лойко М. О.</i> Семантический дифференциал интенсивности признака	66

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Радкевіч Я. Р.</i> Радыё і палітыка	70
<i>Герасімовіч М. М. М. Е.</i> Салтыков-Щедрин о реакционной и либерально-буржуазной печати	73

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Ратникова Н. И.</i> Развитие письменной речи иностранных учащихся на начальном этапе обучения	77
<i>Майхуб Снан</i> (Сирия). О профессиональных интересах студентов	80

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з красавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 4

**Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія**

2'92

ЖНІВЕНЬ

**МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”**

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, І. К. ГЕРМАНОВІЧ,
У. Б. ЖУРАВЕЛЬ (*адказны сакратар*), С. В. КАНДРАЦЬЕВА,
Ф. І. КУЛЯШОУ, А. А. ЛОЎКА, І. С. СКАРАПАНАВА,
А. Г. СЛУКА, Б. В. СТРАЛЬЦОУ (*нам. адказнага рэдактара*),
П. У. СЦЯЦКО, П. І. ТКАЧОУ, І. В. ШАБЛОЎСКАЯ,
Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4, № 2, 1992

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычой*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Р. У. Кондрад*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 18.06.92. Падпісана да друку 23.07.92. Фармат 70×108^{1/16}.
Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0. Ум. фарб.-адб. 7.52.
Ул.-выд. арк. 7.74. Тыраж 1010 экз. Заказ 1138. Цана 1 р. 50 к.

Адрас рэдакцыі: 220080, Минск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Минск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220041, Минск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Вестник Белдзяржуніверсітэта, 1992.

В. А. МАКСІМОВІЧ

КАНТЭКСТ І ҚАЛАРЫСТЫЧНАЯ СІМВОЛІҚА Ў РАСКРЫЦЦІ ЭСТЭТЫЧНАЙ СУТНАСЦІ ВОБРАЗА (па матэрыялах паэзіі «Узвышша»)

Паэтычнае слова сваім зместам, сэнсам, шматзначнасцю і выразнасцю пераканаўча адрозніваецца ад звычайна-побытавага, агульнаўжывальнага, «празаічнага». Яно, «будучы эстэтычнай адзінкай мастацкай мовы, уступае ў складаныя ўзаемаадносіны з ідэяй твора, сістэмай вобразаў, характараў, аўтарскім бачаннем свету і вяртаецца чытачу ўзбагачаным, падпарадкаваным строгай сістэме эстэтыкі майстра, якая хоць і будзеца па тыпу і падабенству агульнанароднай, агульнамоўнай, але характэрна, спецыфічна толькі для творчасці данага мастака»¹.

Зразумела, функцыянальнае прызначэнне слова абумоўлена многімі мастацкімі і немастацкімі фактарамі. Мы маем на ўвазе механізм творчасці, звязаны з асобай аўтара, асаблівасцямі яго ўнутрана-стэмулюючых «генерацый». Адно з граней праяўлення выбарчнага, мэтанакіраванага ўзнаўлення слоўнага матэрыялу раскрыў В. Вінаградаў, які гаварыў, што «слова прысутнічае ў свядомасці з усімі сваімі значэннямі, з прыхаванымі і магчымымі, гатовымі пры першым выпадку ўсплыць на паверхню. Але, канешне, тое або іншае значэнне слова рэалізуецца і вызначаецца кантэкстам яго ўжывання»². Відавочна, пад гэтымі словамі патрэбна разумець не толькі тое, што малаўжывальныя, незразумелыя для нас словы набываюць сваё «існае» значэнне дзякуючы кантэксту. Можна вылучыць і другі аспект праблемы. Справа ў тым, што бываюць моманты, калі словы з прамым значэннем у пэўным моўным акружэнні, абстаўленыя дадатковымі стылістычнымі і рытарычнымі фігурамі, своеасаблівай моўна-метафарычнай каларыстыкай, атрымліваюць як бы ўнутраную, «падтэкставую» падсветку сканцэнтраванага ў іх сэнсу, новае адценне значэння, якое «патэнцыяльна існавала ў моўных сістэмных сувязях, але стала рэальным, жывым толькі дзякуючы аўтарскаму тэксту»³. Адсюль істотную сэнсавую ёмістасць і шматпланавасць набывае пераноснае (метафарызаванае) значэнне слоў, звязанае з магчымасцю адзіначаснай рэалізацыі двух ці больш значэнняў. Да такіх слоў (актывізатараў значэння вобраза) адносяцца і колераабзначэнні, якія спрыяюць рэалізацыі эстэтычнага і сімвалічнага значэння паэтычнага вобраза.

Зводзячы функцыю колеру да псіхалагічнага ўздзеяння на нашы органы пачуццяў, трэба мець на ўвазе, што «ў мастацтве вырашаюць не абсалютныя адпаведнасці, а адвольна вобразныя, якія дыктуюцца вобразнай сістэмай таго ці іншага твора. Тут справа ніколі не вырашаецца і ніколі не вырашыцца нязменным каталагам колерасімвалаў, але эмацыянальная асэнсаванасць і дзейнасць колеру будзе ўзнікаць зайсёды ў парадку жывога станаўлення колеравобразнага боку твора, у самім

працэсе фарміравання гэтага вобраза, у жывым руху твора ў цэлым (курсіў наш — В. М.)⁴.

На нашу думку, патрабуецца ўдакладніць значэнне выразу «адвольна-вобразныя адпаведнасці». Калі іх разумець у прамым значэнні — як выпадковы, ідэйна і сэнсава неапраўданы набор мастацкіх сродкаў, слоўна-вобразнага матэрыялу, уключаючы яго каларыстычную адпаведнасць (ці неадпаведнасць) пастаўленым мастацкім мэтам і задачам, — то такі падыход будзе мець шмат нараканняў, прычанняў з прычыны сваёй мэтафізічнасці, структурнай разарванасці, непаўнаты. Бо сапраўдны мастак заўсёды падбірае слоўны матэрыял згодна са сваім эстэтычным густам, талентам, прафесійным вопытам, улічваючы характар і змест традыцый, спецыфіку абыходжання з моўна-вобразнымі сродкамі, жанрава-кампазіцыйную адметнасць твора. Думаецца, невыпадкова С. Эйзенштэйн супрацьпастаўляе абсалютныя адпаведнасці адвольна-вобразным, падкрэсліваючы тым самым рухомы, выбарачны, суб'ектыўны характар творчасці, робячы акцэнт на «жывым стаўленні», на «працэсе фарміравання», «жывым руху твора ў цэлым». Паказальна, што ўсе гэтыя фактары вядомы сцэнарыст і кінарэжысёр падае ў непасрэднай сувязі з «колеравобразным бокам твора», які ўключае ў сябе (калі ісці за думкай аўтара) глыбокі сэнс і эстэтычную змястоўнасць.

Гаворачы аб працэсе фарміравання вобраза непасрэдна ў межах мастацкага цэлага, С. Эйзенштэйн, па сутнасці, закранае ролю кантэксту ў рэалізацыі эстэтычнай функцыі колеру, якая дапамагае высветліць змест усяго твора. Безумоўна, у даным выпадку мы павінны гаварыць пра кантэкстуальны колер, які, у адрозненне ад па-за тэкставага, ізаляванага, характарызуецца амбівалентнасцю псіхалагічнага ўздзеяння.

Паспрабуем прасачыць рэалізацыю колеравых значэнняў на прыкладах твораў паэтаў «Узвышша», многія з якіх вылучаюцца каларытнымі, насычанымі фарбамі, суквеццем колераў і гукаў. Такімі асаблівасцямі вылучаюцца, напрыклад, прыродапісальныя цыклы П. Глебкі. Папярэдне неабходна адзначыць, што прырода існуе ў творчасці паэта не ізалявана ад яго настрою, пачуццяў, душэўнага неспакою. Усе святлаколеравыя сродкі — толькі дапаможны антураж для «высвятлення» аўтарскіх адносін да свету прыроды і чалавека: *Вее вецер — лёгкі подых, // на дарозе сьнежны пыл. // Перажытага — ня шкода, — // маладым бы толькі быць*⁵.

Аўтар выкарыстоўвае тут своеасаблівы прыём мінівобразнага паралелізму, калі, пачынаючы з паказу рэальнай карціны прыроды, адразу пераходзіць да «інэрвацыі» стану лірычнага героя. Падобны прыём ужывае П. Глебкі таксама ў вершах «Дрыжаць у шэрані», «Клён завяў», «Ах, не лісце», «Зара купаецца», «Гнуцца вербы», «Спаткаем вясну», «Дзяўчына», «Месяц нурцуе», «Вее вецер». Асабліва часта ён сустракаецца ў такой разнавіднасці верша, як трыпціх. Тут мастацкі вобраз амаль цалкам трымаецца на ўмелым выкарыстанні моўных каларатываў, на ўнутрыстрофным чаргаванні барвовага, белага, шэрага, кармазынавага колераў: *Адцьвілі ў барваванні сады, // забялелі сады ў палёстках. // Пашарэў, як над хатамі дым, // у душы кармазынавы росквіт* (с. 63).

Як бачым, асноўнае вобразастваральнае ядро страфы будзеца з двух інкарпаральных колеразначэнняў — белага і чырвонага; пры гэтым белы колер выступае як уласцівасць прыроднага, а чырвоны (кармазынавы) асацыіруецца з пэўным духоўным станам. Абодва колеры, як можна заўважыць, найбольш выражаюць сваю сапраўдную існасць у момант змянення, пераходу станаў і, адначасна, найвышэйшую ступень іх рэальна-сутнаснага праяўлення. Падобная «мадэль», дзе індукіраванае вылучэнне псіха-прыродна-метафарызаванага элемента цягне за сабой і ўзбуджэнне ўласна ўнутрана-сенсорных, суб'ектыўна-афектыўных працэсаў і дзеянняў, уласціва і маладому У. Дубоўку:

Журавінамі плача восень,
апавіўся тугою абшар.

Я ня ведаю, можа здалося,—
нязвычайна баліць душа.

Апавіўся тугою абшар,
а верасень сэрца калечыць.
Нязвычайна баліць душа,
быццам цісьне нешта на плечы.

А верасень сэрца калечыць
пальцамі жоўтых кляновых лістоў.
Быццам цісьне нешта на плечы,
галаву схіляе на дол ⁶.

Ланцуговая кампазіцыя, якая кладзецца ў кампазіцыйную аснову верша, градуіруе вершаваныя радкі ў парадку нарастання іх эмацыянальна-сэнсавай выразнасці. І ў гэтым выпадку прырода дапамагае больш поўна і глыбока высветліць душу паэта і, такім чынам, не выступае ў якасці самадастатковага, самакаштоўнага арганізму, а мае падпарадкаванае значэнне, другасную функцыю — забеспячэнне адпаведнага жывапіснага і гукавога фону для сапраўднай рэалізацыі мастацкай ідэі аўтара.

У П. Глебкі сустракаем і такое кампазіцыйнае размяшчэнне строф (часцей — пастрофных двухрадкоўяў), дзе прэвалюе лінія суб'екта: *Я не кажу, што вечна малады, // і не кажу, што бровы паліняюць: // цвітуць сады, адцвітаюць сады // вось гэта ведаю, вось гэта знаю.* (с. 14). Такой пабудове адпавядаюць вершы «Нашто захавала», «Дарогія мае», «Не спазналі мяне» і інш.

Не рэдкія моманты, калі лінія «суб'ектыўнае — аб'ектыўнае» як бы спраецывавана «на сябе», адначасна падпарадкавана абмалёўцы пэўнага мікравобраза і ідэявобраза: *Я хацеў бы рассыпаць прасторам // беларускіх маўклівых палёў // радасць ціхую шоўкавых зораў // і вяночкі узорчыстых слоў* (с. 61).

Або: *І кажу — не паверу ніколі: // хмары сіняга неба ня зацяць // калі сонца ільсніца колер, // дык красуе і радасць, і шчасце* (с. 17).

Відавочна, што гэтыя нібы бачныя вобразы з'яўляюцца ў досыць слабай ступені тымі, што даюць прамыя ўспрыняцці, і што яны з'яўляюцца толькі шляхам да прывядзення ў рух души, да паэтычнага перажывання, якое ніколькі не затрымліваецца на самых простых вобразных элементах, уключаючы і колеравыя адценні. Паэт заўсёды імкнецца вылучыць у прадметах-вобразах такія падрабязнасці, праз якія больш за ўсё гаворыць душа гэтых прадметаў, высвечваецца іх непаўторна-«антрапалагічны» змест.

А. Бабарэка, разважаючы пра прыроду творчасці сапраўднага мастака слова, заўважаў, што ён не задавальняецца тым, што дае прырода, а «сам імкнецца зрабіць свой уплыў на прыроду, ён гадуе і выгадоўвае той ці іншы від, ён робіць вопыты прышчэплвання і г. д.»⁷. У кожнага значнага мастака ёсць свой месяц, сваё сонца, з вышыні якога ён аглядае зямныя далягляды. Калі мець на ўвазе ступень каларыстычнай афарбаванасці твораў любога ўзвышэнскага паэта, то трэба зазначыць, што амаль за кожным з гэтых твораў ўсталявалася пэўнае сімволіка-метафарычнае значэнне, адпаведная ступень сэнсава-ідэяматычнай абагуленнясці. Гэта можна растлумачыць тым, што любое колеравае адчуванне вельмі тонка і індывідуальна выклікае адпаведныя псіхалагічныя імпульсы, якія рэалізуюцца ў самых нечаканых асацыяцыях, эмоцыях, адцягненых і складаных вобразах.

Як кампаненты вобразнага паэтычнага мыслення, гэтыя асацыятыўныя сэнсы для правільнага свайго разумення патрабуюць ад даследчыкаў суаднясення іх з ідэйна-кампазіцыйнай структурай твора, з індывідуальна-паэтычнай сістэмай мастака, а на больш шырокім узроўні — з культурна-гістарычнымі традыцыямі народа. Падобныя «абертаны зместу (выраз Л. І. Данецкіх) мажліва адшукаць у звычайных сталых словазлучэннях, адзін з кампанентаў якіх — ад'ектыўнае або ідэма-

тычнае слова, значэнне якога суадносіцца са значэннем слоў колераабазначэння. Напрыклад, слова «сіні» ў паэзіі С. Дарожнага (паэт-узвышэнец), як і ў С. Ясеніна, М. Лугаўскога, М. Танка, М. Стральцова і інш. выконвае важную функцыю ідэявобраза. Гэта значыць, яно характарызуецца вялікай ступенню абагуленасці, змястоўнасці, у якую ўвайшла складаная гама пачуццяў і настрояў паэта, увабраўшая шматгранную індывідуальнасць аўтарскага бачання свету, яго маральную, эстэтычную, грамадзянскую пазіцыю ў жыцці і літаратуры. Такім чынам, ад «сімвала псіхічнага ўспрымання» (паводле А. Белага) слова здольна пераходзіць у разрад не толькі паўнацэннай мастацка-вобразнай адзінкі, а і вышэй — у разрад стылеўтваральнага і ідэйна-мастацкага кампанента.

Тое ж самае можна прасачыць на прыкладзе слова «кармазынавы» (ярка-чырвоны з лілаватым адценнем)⁸, якое ў мастацкім кантэксце складае адзіную моўна-вобразную інфраструктуру са словамі *мак, рака, песні, аксаміт, росквіт і г. д.* Як бачна, усе выяўленыя паэтычна-вобразныя спалучэнні звязаны са значэннем 'які робіць уражанне хараства, паўнаты, сакральнасці, вялікасці, жыццёвага спакою, раўнавагі'. У Дубоўкі, напрыклад, чытаем: *І няхай мешчаньнё гаворыць, // што быў і ўжо няма. // «Пазарасталі мохам-травою», // дык расьцьвітай, кармазынавы мак!*⁹

Яшчэ большымі сэнсава-стылістычнымі магчымасцямі валодаюць колераграфы са словам «васільковы». Надаючы прадметам, рэаліям, станам, працэсам святлаколеравыя характарыстыкі, яны закліканы: *абагульняць* узнікшыя асацыяцыі ў самастойныя значэнні: *васільковы колер вачэй, васільковы блакіт, васільковы шум і г. д.*; *абстрагаваць* адцягненыя прыкметы пры характарыстыцы фізічных і псіхічных якасцяў чалавека: *васільковы+погляд, душа, радасць, смех, туга* («туга ў васільковай абрысе»); *перадаваць* стан прыроды: *васільковы+поўдзень, ранне, усход*; *выяўляць* характэрную прыкмету прадмета: *васільковы+луг, поле.*

Намінатыўнае значэнне, падмацаванае вобразна-эмацыянальным, перарастае ў абагульнена-эстэтычнае, якое ўзнікае ў ідэйна-мастацкім кантэксце. Прыклад таму — «васільковая праўда» С. Дарожнага — сімвал нязгаснай светлай мары, веры ў добрае пачынанне людзей, у іх шчаслівы лёс, імкненне спасцігнуць высокую праўду жыцця. Нездарма Хрыстос з прытчавай легенды М. Багдановіча «Апокрыф» гаворыць: «Добра быць коласам; але шчаслівы той, каму давялося быць васільком. Бо на што каласы, калі няма васількоў?»¹⁰

У дамінуючым слове як носбіце колераабазначэння найбольш поўна выяўляе сябе суб'ектыўнае, калі вобраз атрымлівае шмат абагульнена-сімвалічных канатацый у межах ідэйна-мастацкага цэлага. Складанасць, працаёмкасць выяўлення розных форм эстэтычных значэнняў вобраза, які ўключае ў сябе і сістэму мастацкіх сродкаў, і аўтарскае ўспрыняцце свету, і затэкставыя і падтэкставыя сувязі слоў, патрабуе ад даследчыка развітасці яго эмацыянальна-эстэтычнага густу, эрудыцыі, ведання спецыфікі і шляхоў развіцця ўсяго культурна-гістарычнага працэсу.

У творчасці П. Глебкі ўзвышэнскага перыяду да колераабазначэнняў, акрамя першасна-намінатыўных (чырвоны, сіні, белы), адносяцца словы, якія абазначаюць назву адцягненай прыкметы: *чырвань, шэрань, блакіт, сіль, просіль, цвецець, бель*; словы — замяшчальнікі прыкметы прадмета ці адколернага дзеяння: *зацвітанне, каляроваць, адцвітанне, росквіт, кармазынаваць*; аддзяяслоўныя ўтварэнні, якія маюць субстантыўнае ці ад'ектыўнае паходжанне: *ірдзец, ірдзеніць, праменіць, крышталіць, водарыць, зарнічыць, пунсавец, залоціць, каляруецца, заіскрыцца, ільсціцца, ачэрніць.*

Некалькі слоў аб такой маладаследаванай з'яве, як сінэстэтызм, у аснове якой — гарманічнае спалучэнне розных колеравых, гукавых, смакавых, дотыкавых і іншых адчуванняў. Вось як выглядае даная з'ява ў вершах П. Глебкі: *«Гай мой сіні, шумі!.. Шумі!.. // Толькі й люб шур-*

паваты твой шум» (с. 62); «Не чакаў, калі бачыў калісьці // каля по-стаці сьпелага жыта, // што рассыплеш свой зірк шаласьцісты // на пя-сок...» (с. 38); «шэст сinya-зялёны» (с. 75); «і зоры, і месяц, і сень над палямі // вятрыста ня моўкнуць — шасцяць», «яго шайкавістыя, дзіўныя строі // у ветрах вякоў шаласьціць» (с. 76).

Мы выказалі свае ўяўленні аб законах узвышэнскай сімволікі коле-ру, якая плённа рэалізоўвалася на працягу ўсёй дзейнасці літаратурна-га аб'яднання праз ідэйна-мастацкі кантэкст твораў; устанавілі, што кожны з выдзеленых намі каларатываў, замацаваўшыся за адпаведным словаобразам, імкнуўся выявіць сваю сутнасць праз сувязь ідыёматыч-ных выказаў, што набылі ў працэсе слоўна-паэтычнага існавання аба-гульнена-сімвалічнае значэнне. Паэтычныя вобразы, створаныя на асно-ве дадзеных слоў, набылі сваю мастацкую завершанасць і эстэтычную каштоўнасць.

¹ Донецких Л. И. Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев, 1980. С. 4.

² Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 14.

³ Заякина Т. Из наблюдений над семантической валентностью прилагательных в условиях художественного текста // Тр. Киргиз. ун-та. Сер. гуманитар. наук. Вып. 10. Фрунзе, 1974. С. 150.

⁴ Эйзенштейн С. М. Избр. произведения: В 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 234.

⁵ Глебка П. Шыпына. Менск, 1927. С. 59. Далей спасылкі на гэта выданне даюцца ў тэкце артыкула. Захоўваецца аўтарскі правапіс.

⁶ Дубоўка У. Трысьцё. Менск, 1925. С. 11.

⁷ Узвышша. 1927. С. 150.

⁸ У. Дубоўка лічыць яго малінавым колерам (Трысьцё. С. 102).

⁹ Дубоўка У. Трысьцё. С. 70.

¹⁰ Багдановіч М. Збор твораў: У 2 т. Мн., 1968.

Л. М. КАНАПЛЯНІК

ПАТРЫЯТЫЧНЫЯ МАТЫВЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ ЛУЧЫНЫ (1851—1897)

Патрыятычныя матывы вельмі характэрныя для беларускай літара-туры другой паловы XIX ст., калі яна выступіла як адзін са спосабаў захавання і самавыражэння беларускага этнасу. Таму натуральна, што яе пісьменнікі імкнуліся выхаваць у свайго народа патрыятычныя па-чуцці: любоў да сваёй зямлі і павагу да гістарычнага мінулага родна-га краю.

У кожным творы Янкi Лучыны (Івана Неслухоўскага) пульсуе шчы-рае аўтарскае сэрца з яго вялікім імкненнем да праўды, добрай волі і разумення сэнсу жыцця. Гэтае імкненне якраз і паслужыла суб'ектыў-на-індывидуальнай перадумовай патрыятычных матываў ва ўсёй яго творчасці.

Згаданыя матывы выявілі сябе праз вобраз селяніна; праз імкненне аўтара (сына нёманскіх водаў і беднага поля) прыпадабніцца да веч-най асновы роднай зямлі сваім светабачаннем; праз уяўленне аб радзі-ме; праз мастацкія сімвалы і асацыятыўныя глыбіні аўтарскай думкі; праз адкрытае аўтарскае пачуццё любасці да свайго краю; праз клопат аб сваім жыццёвым прызначэнні, усведамленне ролі паэта ў змаганні за людское шчасце; праз вернасць неўміручым Красе, Дабру, Праўдзе, што і вызначыла гуманістычны кірунак усёй творчасці Янкi Лучыны.

Лучынаўскі вобраз селяніна не толькі ўвасабляе Радзіму, але і сім-валізуе крыніцу яе годнага жыцця. Яго сціплы мужык — працавіты і ду-жы, не зломлены шматгадовымі здзекамі і пагардаю, вынослівы і ціхі. Ён не бунтар, толькі зрэдку выказвае жаданне шукаць лепшай долі, ча-сам пытаючы ў сябе самога: «Што ж рабіць?» Без дыдактызму, з асаб-лівай шчырасцю аўтар падказвае вяскоўцу, што ўсе найважнейшыя пра-блемы беларусаў (не толькі сялян!) трэба вырашаць самастойна, без

сумніцельнай дапамогі суседзяў і розных добразычліўцаў. Янка Лучына пераконвае чытача: «Што нам братне, што ўража — // Пытай праўды ў Бога. // Папытайся сумлення // Дый розум мей уласны...»

Душэўная прыкрасць і нудота селяніна — ад пясчанай неўрадлівай глебы, ад спрадвечнай нястачы, ад марнасці жаданняў. А жаданні мужыка не сягаюць у нябёсы, не патрабуюць немагчымага, а толькі — удостал хлеб, зімою — цяпла, ды на свята — чарку гарэлкі. Нельга абвінавачваць селяніна ў залішняй прыземленасці, у тым, што ён не захапляецца філасофіяй і паэзіяй, шэдэўрамі мастацтва, бо вымушаны працаваць ад зары да зары нараўне з бязмоўнаю жывёлаю — няшчасным канём (верш «Што думае Янка, везучы дровы ў горад» і інш.); думкі і размовы сялян скрозь насычаны клопатам аб сённяшнім ды заўтрашнім днях: як пражыць ды пракарміць сям'ю.

Усё ж мужык у Янкі Лучыны — чалавек духоўны, маральныя пошукі яго шматкірункавыя. Так, селянін лічыць, што кожны чалавек павінен быць адданым свайму краю, павінен ведаць і шанаваць звычаі мiлай зямлі. Якраз пра гэта гаворыць вясковец, прапануючы пакупніку набыць каляндар:

Ён хоць і вышаў не вельмі прыгожы,
А ўсё ж у хаце ён патрэбен можа.
Праўда, адзет ён не надта багата,
Аднака скажа, калі будні, свята,
І гдзе бываюць якія кірмашы,
Гдзе сабяруцца Янкі, Саўкі нашы,
Калі родная вам мiла старонка
І мужык бедны, яго дзеткі, жонка,
Калі наш звычай Вам знаёмы трохкі,
Тут пра ўсё гэта будуць малы крошкі (С. 40).

Будучы практычным, мужык разумее, што добрасумленнасцю багацця не нажывеш, і асуджае нахабства, крадзеж, хлусню, як Піліп з верша «Вясновай парой»: ...— Не прыкраўшы, не прылгаўшы, // Тай не будзеш панам! (С. 37).

Сяляне, паводле Лучыны, наогул больш вечныя, чым часовыя. Можна, таму сярод герояў паэта няма вяскоўцаў, якія б цікавіліся нядоўгавечнай палітыкай. Сяляне не належаць самі сабе, бо наvekі паяднаны з зямелькай, поўнасцю залежаць ад яе, а прычыну сваёй беднасці бачаць у тым, што «глеба пескавата» (С. 40). А зямля не проста корміць, але і гадуе сваіх дзяцей, таму мужык нібы немаўлятка без маці, не уяўляе сябе без яе.

Адносіны селяніна да зямлі выяўляюць і яго светаадчуванне, і светабачанне, і светапогляд. Зямля чуецца селяніну блізкай, роднай, а таму і цудоўнай. Асабісты вопыт і вопыт продкаў падказваюць мужыку, што без зямлі не пражыць. Таму першаснае яго перакананне — шануй, любі, даглядай зямельку, і яна не пакіне цябе ў бядзе.

Наогул, усе земляробчыя народы ўзводзяць зямлю ў вышэйшую ступень боскасці, таму што старажытна-міфалагічная ідэя аб зямлі як аб маці прасцей і наглядней, чым ідэя неба-бацькі. Прычым маці-зямліца — не толькі карміцелька, але і родная старонка.

Вясковец жыве цыклічна: ад пасеву да ўборкі, як і зямля — то апрагнае святочны зялёны гарнітур, то развітваецца з паношаным зжаўцелым уборам, і ў гэтым магутнасць прыроднага жыцця.

Дзве поры года — зіма і вясна — сімвалізуюць адпаведна дрымучае гора і абуджэнне ад сну небыцця, ціхай пакорлівасці, вызваленне ад пякучай горычы бясконцай крыўды.

Цесную павязь мужыка з прыродай малюе Янка Лучына, найчасцей карыстаючыся прыёмам паралелізму. З'явы прыроды могуць асацыявацца ў чалавёка вёскі (і адпаведна ў Янкі Лучыны) з галечай-бядотай-горам, бо прырода не заўсёды спрыяе добраму: пасылае то непатрэбны дождж, то б'е пасевы градам, а то нашле засуху, перад якой чалавек бяссільны. Відаць, якраз таму лясны шум у вершы «Вясна» ўяўляецца выражэннем людскога незадавальнення:

...А ўсе север як дуў, дзьме па полю па том, // Гул па лесе ідзе: «Яшчэ летку — не быць!» (С. 38).

Архетыпны вобраз халоднага ветру, сівэру атаясамліваецца не толькі з нягодамі жыцця, але яшчэ і з чымсьці непатрэбным, што перашкаджае натуральнаму ходу з'яў, прывычнай змене рэчаў. Так, сівэр у аднайменным творы — гэта штосьці штучна-злоснае ў чалавечым і ўвогуле ў прыродным жыцці, і яно ўносіць разлад у гармонію існасці. Знікне сівэр — высахне мора людскіх слёз. Пакуль жа вецер неадступны, заўсёды, мацнее прага вызваліцца ад яго.

А вось светлае і радаснае жыццё адчуваецца як нязмушанасць і неабходнасць, што і вызначае гатоўнасць вяскоўца да вясны. Аб'ектыўна вясна — пара абуджэння, пра што сведчыць падрыхтаваная да работы саха, але нейкая Звышсіла перашкаджае Дабру, спыняе яго дзеянне, і яна ж служыць падставой для фаталізму вяскоўца, падпарадкаванасці лёсу, які амаль не залежыць ад характару, тэмпераменту, паводзін чалавека. Гармонія ў прыродзе атаясамліваецца селянінам са справядлівасцю, з людскасцю. Калі няма парадку ў прыродзе, то няма і ладу ў чалавечым жыцці.

Так, у вершы «Мароз» зімовы гігант накіроўвае сваю разбуральную сілу на самых слабых і безабаронных: на бедную мужыцкую хатку, на маленькую птушку, на бездапаможных дзетак. Злосць марозу не ведае межаў, яна павялічвае жорсткасць свету, дзе «...Бяруцца з жыцця аж занадта даніны і шчодрыя лішкі са слёзаў» (С. 131).

Гармонія прыроды выяўляе сябе перш за ўсё ў дзівоснай пекнасці, у таямнічасці і неразгаданасці, ва ўзаемазалежнасці і ўзаемаабумоўленасці з'яў прыроды, у адзінстве супрацьлеглых пачаткаў, якія ўраўнаважваюць адзін аднаго (як Дабро і Зло). Нарэшце, гармонія прыроды — у самакаштоўнасці прыгажосці наваколля (вершы «На перавозе», «На змярканні», «Абразок», «Восень» і інш.).

Цікава, што каляровая гама ў творчасці І. Неслухоўскага надзвычай бедная: яна вызначаецца пераважна светацэнямі; белае, светлае як міфалагічны элемент дзённага святла, як мадэль вады, што праганяе смагу, ачышчае цела, як прыкмета вышэйшых, духоўных сфер атаясамліваецца з Добром, Красою, Праўдаю і выражае сябе ў асноўным праз залацісты колер: зорка «заліла старадрэвінаў купу...», «залацістая далонь» дорыць святло цяпельца, «залацістыя просні На хвалях Нёмана звоняць», «залацістыя аблокі», сонца «залоціць колас» і г. д. Непрыемныя, непатрэбныя, негатыўныя сілы, Сусветнае Зло знайшлі ўвасабленне ў змрочных, цёмных, пераважна чорным і шэрым колерах: «шэрыя цені» «паклаліся па лесе», «цёмныя хмары», «і зацягваюць хмары моўчкі неба абшары, Быццам змрок дамавіны», «далеч пахмурая» і інш. Эмацыянальнае ўздзеянне колераў у творах Лучыны адзначае: «Светлазалацістыя фарбы выражаюць лёгкі, радасны, вясёлы і бадзёры настрой, змрочна-шэрыя — самоту, нуду, незадавальненне і душэўную горыч.

Паводле Янкі Лучыны, барацьба Добра са Злом непазбежная. Прычым для селяніна Добром з'яўляецца тое, што дапамагае збожжу расці і каласіцца, а што шкодзіць — вораг яму і чалавеку. Напрыклад, у вершы «Песня аратая» мухі «абрыдлыя», вароны — «сёстры чорным хмарам», а зямелька «...не радзіць не можа, Зернейка прытуліць і ўзгадуе збожжа».

З незвычайнай, шчымлівай сялянскай любоўю выпісаны лучынаўскі вобраз руні, жыта, збожжа, якія сімвалізуюць тое вечнае, без чаго не можа жыць чалавек. Рунь — безумоўна, стапоўчы герой, адухоўлены сваім высокім прызначэннем. Лагуны пшаніцы і жыта супакойваюць чалавека сваёй песняй, поўняць сэрца шчаслівай надзеяй і сілай; апусцелае іржышча наганяе смутак, слёзы, як у вершы «Восень», дзе «Апусцелі вокал нівы, // Тут і там зямля чарнее. // Над іржышчам праразлівы // Вецер з захаду ўсё ве...» (С. 133. Перакл. І. Чыгрына).

Селянін, зямля і хлеб — трыадзіная аснова, на якой трымаецца свет. Яны ўзаемазвязаныя паміж сабою: скібы зямлі ўслаўляюць працу му-

жыка; гімн збожжу заканчваецца гімнам зямлі, а з гімна зямлі пачынаецца гімн хлеббарбу.

Селянін з яго ўстойлівым побытам у сістэме простаі сацыяльна-прыроднай цыклічнасці, сімвалізуе вечнасць, нязменнасць, стабільнасць. Хлеб, збожжа, калоссе, рунь, зялёныя палеткі сімвалізуюць само жыццё. Зямля — гэта ўмова жыцця, Радзіма. Апафеоз працы і ўслаўленне творцы ў сістэме «хлеб — зямля — селянін» уяўляюць сабою аптымістычную канцэпцыю сапраўднасці.

Сяляне заўсёды былі захавальнікамі нацыянальнага ядра, нацыянальнай самабытнасці не з прычыны іх этнічнай самасвядомасці, а ў выніку сваёй маларухомасці і кансерватызму, які абумоўлены многімі фактарамі, у тым ліку і цыклічным ладам жыцця: ад пасеву — да ўборкі. Аднастайнасць выклікае прывычку нават да бяды і пакут. Прывычка дапамагае выжыць. Цяжкасць стану паўтарэння можа стаць патрэбай, г. зн. мазахізм, што, як і рэлігія, выконвае кампенсатарную функцыю.

Кансерватызм характарызуе паўторную, малазменную якасць жыцця, псіхалагічную форму адносін чалавека да ўласнага быцця, мазахізм жа выражае цяжкасць паўтаральнага стану і любоў да яго. Кансерватыўным з'яўляецца тыповы светапогляд вяскоўца на мяжы дзвюх культур: чалавеку прапануюць новую Радзіму, багацейшую і больш зручную для жыцця, але ён адмаўляецца.

Своеасаблівае мазахістычнае адчуванне жыцця абумоўлена і некаторай бязвольнасцю селяніна, унутранай цягай яго да духоўнасці, што выражаецца праз пашану да ўсяго свайго, разуменнем абавязковасці захавання і распаўсюджвання сваёй культуры.

Кансерватызм — гэта не абсалютная замкнёнасць, ізаляванасць ад усяго знешняга, чужога, новага, але гэта — адчуванне гарантаванасці старога і звыклага ўкладу: селянін не хоча згубіць тое, што мае, бо занадта цяжка ўсё гэта яму даецца. Вясковец часам проста не ведае, як трэба дзейнічаць, як яму абыходзіцца з тым ці іншым новаўвядзеннем, незнаёмым фактам. Кансерватызм беларускага мужыка абумоўлены яшчэ і гістарычна, калі трэба было быць неўспрымальным да іншаземных традыцый, якія часта навязваліся яму гвалтоўна. Думаецца, што той патрыятызм, якім вызначаўся (і вызначаецца) селянін у сапраўднасці, меў (і мае) вытокі якраз у звычайным бытавым кансерватызме ды яшчэ ў прагматызме, калі лепш верабей у руках, чым сініца ў небе. Здаровы прыродны прагматызм — характэрная рыса ўсялякага селяніна і наогул сялянства ўсіх часоў і народаў. Патрыятызм жа вырастае з усведамлення прыналежнасці да нейкага этнасу, з пэўнага адукацыйнага ўзроўню, з гатоўнасці ахвяраваць сваімі выгодамі дзеля мэтай нацыі; з разумення неабходнасці гэтай ахвярнасці. Патрыятызм патрабуе сацыяльнай мужнасці, грамадзянскасці жыццёвай пазіцыі.

З другога боку, патрыятызм выражае сябе актыўна, калі кожны ўсімі дзеяннямі спрыяе Радзіме. Для сялян Радзіма — яны самі, а таксама іх зямля, іх куток, усё астатняе — гэта замежжа. Але ў сваім кутку, у межах яго, сяляне — сапраўдныя патрыёты.

Са смуткам сцвярджаючы, што чалавек без песні — калека, а цэлы край без ліры пусцее, Янка Лучына ўяўляе сябе інструментам для песні — слабым і квольым, які гучыць нявесела, але здольны праз глыбінную сілу роднай мовы адрадіць пашану і любоў да ліры. Жыццё вымушае паэта ці зусім замоўкнуць, ці паяднаць сваё слова з грамадскімі праблемамі, як пра гэта гаворыцца ў вершы «Голас натоўпу»: Замоўкні ці з песняй інакшай нанова // На новыя выйдзі прасторы, // З грамадскім жыццём паяднай сваё слова, ^{1/} Дай новыя клопаты, узоры (С. 127. Перакл. Р. Барадуліна).

Аўтар адчувае цесную сувязь хваравітай душэўнай занядбанасці грамадства з эканамічнай адсталасцю, з панаваннем грошай, падману, з нястачай навукі. Я. Лучына верыць, што супрацьстаяць гэтаму зможа сапраўднае мастацтва, бо яно дорыць людзям праўду і красу.

Людзі хочуць ведаць ісціну, і пясняр перакананы, што яна сябруе з розумам, з ведамі, таму ён марыць сесці на каня думак і паімчацца ў далёкую краіну хмар, праз страх, скрозь змрок, па рамантыку. Імклівы конь думак — вястун святла, якое стварае гармонію ў чалавеку, бо вучыць разумець тайну быцця, спасцігаць навукі: Ляці, ляці, // Крылаты конь, // І засвяці // Надзей агонь! (С. 109).

Безумоўна, уплывы пазітывізму на творчасць Янкі Лучыны досыць адчувальныя і выяўляюць сябе праз веру, што навука, розум, веды прынясуць чалавеку шчасце. Але назваць сапраўдным пазітывістам паэта, які творыць дзеля памнажэння сардэчнасці, красы, духоўнасці, дзеля захавання высокай культуры народа, наўрад ці можна. Паэт схіляецца да думкі, што тэхнічны прагрэс прынясе беларускаму краю пэўны дабрабыт, толькі не на аснове ўзрастання сілы грошай, махлярства і знішчэння прыроднага характава ў чалавеку. Людзі задыхаюцца там, дзе не гучыць ліра і дзе прыгнечаная душа не знішчае гнеў і не прывучае чалавека піць гаркоту цярпення.

Радзіма для Янкі Лучыны — не толькі мужык, народная песня і свая, беларуская мова, але і прырода, якая ў большасці людзей асацыіруецца з Айчынай. Нацыянальная прырода ў шырокім сэнсе ёсць той нацыянальны Космас, які вызначае самабытнасць мыслення і псіхікі ўсялякага этнасу. Таму натуральна, што пейзажныя творы ці элементы пейзажу, не кажучы ўжо аб матывах повязі любой праявы чалавечага жыцця з жыццём прыроды, ёсць у арсенале любога нацыянальнага мастака.

У вершах У. Лучыны адчуваецца захапленне чарамі наваколля як сумнаю, так і радаснаю песняю прыроды. Сэрцу паэта мілыя і залацінка-крышталінка іскрыстай зоркі, і гуллівая рыбка, што нырцуе ў глыбіні рэчкі, і свар перапёлак у палосах пшаніцы, і напушаны нанач бусел, і чорная павалока летняга вечара... Прычым рамантычныя матывы ў прыродаапісальных вершах найбольш уласцівыя польскамоўным творам, тады як прыродаапісальныя матывы ў беларускамоўных вершах носяць алегарычны характар, што звязана, відаць, з даўнімі рамантычнымі традыцыямі польскай паэзіі і з пераважна сацыяльнай накіраванасцю беларускамоўных твораў.

Па сутнасці, паэзія Я. Лучыны — гэта гімн Радзіме, куточку над Нёманам, дзе жыве беларус — сціплы, задумнены, бедны, цёмны, працавіты, які не зменіць свае турботы на бляск і шык пазалочаных дамоў, на тлумныя вуліцы, што не вабяць прыязнасцю і даверам. Такую адданасць Айчыне можна параўнаць хіба што з невылечнай хваробай:

Слабасць гэтая нікога
Не адпусціць у век-векі.
Тут лячэнне — не ўспамога,
І не зроблены шчэ лекі (С. 137. Перакл. У. Мархеля).

¹ Лучына Янка. Творы. Мн., 1988. С. 46. (Перакл. з польск. У. Мархеля). Далей старонкі вершаў і аўтары перакладаў указваюцца ў тэксце артыкула.

А. А. СТАНЮТА

ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПРИЯТИИ БУНИНА *

Идеологическая близость Буннина к Достоевскому в «Окаянных днях» (отношение к революции, социализму, атеизму) заметна и в том, что у обоих писателей без всякого преувеличения можно назвать антикоммунизмом. Именно так, потому что это вовсе не «коммунизм нанизнанку», не «бесы против бесов», как думает Ю. Карякин («Неделя». 1991, № 3). В соответствии со значением греческого «анти», это всего только против-коммунизм, а не «главное оружие империализма — оголтелый антикоммунизм», по сакраментальной терминологии марксистско-ленинской философии. У Достоевского против бесов — не бесы, а Бог. И какая же «оголтелость» или «империализм» в этих его словах: «Христианин... го-

ворит: «Я должен разделить с меньшим братом мое имущество и служить им всем». А коммунары говорят: «Да, ты должен разделить со мною, меньшим и нищим, твое имущество и должен мне служить»¹.

Бунин и показал уже саму, так сказать, практику этой коммунарыской веры, прекрасно понятой в свое время Достоевским.

Теперь же, отметив идеологическое сближение с Достоевским в «Окаянных днях», скажем и о другом — о том, что впоследствии, в продолжение всей своей жизни Бунин так яростно даже не критиковал, а предавал анафеме искусство прозы Достоевского, что это выглядит само по себе чем-то совершенно беспрецедентным в истории литературы, и дело тут, кажется, не только во всегдашней и понятной субъективности одного художника по отношению к другому.

В. Бурсов в книге «Личность Достоевского» заметил, что неотделанность романов этого писателя, считающаяся следствием вечной спешки и других досадных обстоятельств работы, была особенностью стиля и самой его личности. Обстоятельства эти не столько возникали помимо воли Достоевского, сколько, пусть и неосознанно, создавались им же, чтобы уже некуда было отступать в сроках, и таким стрессовым образом аккумулировалась, а затем взрывалась нервная и творческая энергия. Мысль, не лишённая пронигаторности. Но, по-видимому, она упреждена словами Бунина, который в споре о Достоевском, услышав о неотделанности его романов из-за торопливости, заявил:

«А я утверждаю, что он иначе и не мог писать, и в свою меру отделял так, что дальше уже нельзя... Вслушайтесь в то, что я говорю: все у него так закончено и отделано, что из этого кружева ни одного завитка не расплетьшь... Иначе он и не мог писать»².

Против Достоевского у Бунина было два наиболее часто повторяющихся аргумента. Во-первых, однообразные композиционные приемы — «собрать всех вместе и скандал»³. А во-вторых, — «ничего не помню». И это не каприз и не склероз. В. Н. Муромцева-Бунина писала, что ее муж «один не любил читать его (Достоевского.— А. С.).... А вслух маленькими порциями — проходило... Иван Алексеевич читал не так, как все. Прочтет немного, отложит книгу и думает, представляет, поэтому Толстой, Чехов были ему близки — все сразу видишь, а Достоевского так не представишь...» В одном из своих писем, уже без непосредственной связи с Буниным и Достоевским, она утверждает: «На творческих людей влияют больше жизненные явления, чем те или иные идеи»⁴.

Бунин являл собой именно этот тип творческой личности, он был художником не персонализирующих идей, его художественный мир — чувственный, осязаемый, зримый и потому при выражении в слове в первую очередь — пластический. Достоевский же свой художественный мир прежде всего слышал (простейшее доказательство — черновики, рабочие тетради, где кроме психологических разработок характеров — сплошь диалоги, реплики, фрагменты монологов, т. е. «голоса»). Человек у Достоевского постоянно находится в состоянии слова. Вот почему художественный мир этого писателя прежде всего звучит.

«Ну, я прочел «Кроткую», — сказал однажды Бунин. — И теперь ясно понял, почему я не люблю Достоевского. Все прекрасно, тонко, умно, но он рассказчик, гениальный, но рассказчик, а вот Толстой — другое. Вот поехал бы Достоевский в Альпы и стал бы о них рассказывать. Рассказал бы хорошо, а Толстой дал бы какую-нибудь черту, одну, другую — и Альпы выросли бы перед глазами»⁵.

Достоевский раздражал Бунина уже тем, что он как художник и читатель его мира не видел. Когда же искренне старался рассмотреть, получалось совершенно не то, что привыкли видеть другие. Как он воспринимал «Бесов» — уже говорилось.

А вот его отзывы о «Братьях Карамазовых»:

«Я и имя это — Алеша — из-за него возненавидел! (Так зовут глав-

* Статья вторая (первую см.: Вести, Белорус. ун-та. Сер. 4. 1991. № 3).

ного героя и в бунинской «Жизни Арсеньева». — А. С.). Никакого Алеши нет, как и Дмитрия, и Ивана, и Федора Карамазовых нет, а есть АВС!..» (1931 год)⁶.

«Перечитал первый том «Бр. Карамазовых». Три четверти — совершенный лубок, балаган». (1942 год)⁷. Через две недели:

«Прочел (перечитал, конечно) второй том «Бр. Карамазовых». Удивительно умен, ловок — и то и дело до крайней глупости неправдоподобная чепуха. В общем скука, не трогает ничуть»⁸.

А еще за два года до этого — с типичной для него интонацией резкой нетерпимости и раздражения:

«Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского»⁹.

Причем тут Гоголь? А при том, что он, по убеждению Бунина, «никогда не жег «Мертвых душ», которые не что иное, как «талантливый шарж и только», а все остальное опять-таки лубок»¹⁰.

Достоевского во многом не принимал и В. Набоков, если уж говорить о русских писателях первой эмиграции. Но он не был так негативно настроен в отношении Гоголя. Может быть, Бунину, в соответствии со складом его художественного мышления, вообще было чуждо искусство, где силен элемент условности и жизнь воссоздается в формах, не всегда адекватных ей самой.

Да, когда писались «Окаянные дни», Достоевский, несомненно, был необходим Бунину — и именно, повторяем, в мировоззренческом, идеологическом плане. Но идеологические суждения того или иного художника не есть основа его творчества. (Дж. Джойс: «Писатель пишет не тем, что у него в голове, а тем, что у него в крови»¹¹ — об этом, кстати, часто забывают интерпретаторы Достоевского, в чьих работах мы видим его, пишущего как бы только идеями, в основном теми, которые интересуют самих интерпретаторов. А ведь Достоевский говорил: «Идеи меняются, сердце остается одно»).

Идеологические суждения художника связаны прежде всего с конкретно-историческими, социальными или общественными явлениями, их первопричины, так сказать, нередко «событийны», стало быть, преходящи. Само же творческое начало, художественное дарование — это все же нечто «имманентное».

Могут сказать, как бы ни были настроены против Достоевского Бунин, Набоков, литература XX века, в особенности проза, во многом пошла за Достоевским, воссоздавая дисгармоническую действительность и жизнь человеческого сознания в соответствующих формах, в изломанных линиях и ритмах. Ведь это именно Достоевский первым так глубоко исследовал, например, трагические парадоксы личности, которая не обязательно является синонимом чего-то этически-положительного, и ту духовность, которая в общеупотребительном, не религиозном значении — понятие не морально-оценочное, во всяком случае, далеко не всегда со знаком «плюс».

И все же совершенно очевидно, что способ художественного воссоздания дисгармонической действительности дисгармоническим же искусством — вовсе не единственно главный. И Достоевский был и остается лишь одним из гениальных выразителей своего времени и человеческой сущности вообще. «Достоевский — но в меру» — в этих известных словах Т. Манна, полных почтения, но и трезвости, есть смысл, полезный сегодня и для нас... Между прочим, сам Достоевский в письме Н. Озмидову в 1880 г. на просьбу о рекомендуемом чтении для дочери своего корреспондента отвечал, что произведения Пушкина, Льва Толстого должны быть прочитаны все. «Гоголя тоже. Тургенев, Гончаров, если хотите; мои сочинения, не думаю, чтобы все пригодилось ей»¹².

Как говорил Л. Толстой, существует, кроме нашей или моей, еще и «другая жизнь». И есть, по аналогии с этим, жизнь «других» художественных миров. Вот о чем следует чаще помнить тем, кто чуть не всю жизнь проводит под сенью одного гения, невольно воспринимая все мно-

гообразии литературы, прошлой и нынешней, из этого, уже освоенного, обжитого пространства. И если, как принято считать, на ошибках гения можно учиться не хуже, чем на его откровениях, то и в различных «отрицаниях» можно его увидеть как бы в дополнительном ракурсе, с неожиданной стороны. В случае с Бунинным Достоевский не становится ниже, а Бунин — выше. Но, наоборот, обогащается наше представление о бесконечности непохожих художественных миров. (Хорошо названа книга литературоведческих работ С. Бочарова — «О художественных мирах». М., 1985).

То же самое можно сказать и об «отрицании» Достоевского Набоковым. Но у нас еще как-то наивно побаиваются подобного рода нетипичных взглядов на гениев — и это при всем нынешнем широкоэстетическом плюрализме. Например, «Литературная газета», публикуя лекцию Набокова «Федор Достоевский» (05.09.90), спешит успокоить читателя, что это не столько портрет Достоевского, сколько автопортрет самого Набокова, и добавляет: «Что касается Достоевского, то он, конечно же, не нуждается в нашей защите». Но на всякий случай заверяет: «Его место в русской и мировой литературе прочно и незыблемо».

И последнее. Искусство, конечно же, не только резонирует от жизни. Часто оно остается искусством именно потому, что по способам отражения жизни составляет с ней как бы своеобразный «контрапункт», противодвижение. Достоевский стал наиболее современным для многих в XX в. Но и абсолютно противоположный ему Бунин тоже остался современным нынешнему столетию (и кто знает, насколько он станет еще современнее в будущем, когда, например, придет новая пора интереса к его поэзии, что вовсе не исключено). И тут, по самой близкой ассоциации, вспоминается С. Рахманинов, музыка которого нужна сегодня так же, как и мир звуков А. Шёнберга. М. Алданов писал о Рахманинове: «Той *органичности*, которая была в нем, которая есть в Бунине, больше в России, боюсь, никогда не будет»¹³. И чувствуется какая-то связь между этими словами — Алданова и удивлением Рахманинова, спросившего однажды актера Михаила Чехова: кого тот больше любит, Достоевского или Толстого. «Достоевского». — Сергей Васильевич как-то вдруг взглянул на меня, не то с испугом, не то с сожалением, даже с болью: «Быть не может!». Этот взгляд поразил меня. Но, перечтя «Войну и мир» и «Анну Каренину», я понял значение взгляда. Понял и в душе поблагодарил Сергея Васильевича»¹⁴.

И все же не следует недооценивать очевидного: и Бунин, и Набоков, отрицая эстетику Достоевского, оставались верны самому духу русской классики, в том числе и Достоевского, — духу утверждения свободы человеческой личности, сохранив этот дух, по словам Набокова, и на «других берегах» своей судьбы.

¹ Достоевский Ф. М. ПСС в 30 т. Т. 29. Кн. 2. С. 140.

² Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 275.

³ Бунин И. Лишь слову жизнь дана... М., 1990. С. 354.

⁴ Письма В. Н. Буниной / Публикация и комментарии Н. П. Смирнова // Новый мир. 1969. № 3. С. 220, 218.

⁵ Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1983. С. 317.

⁶ Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 384, 278.

⁷ Бунин И. Лишь слову жизнь дана... С. 217.

⁸ Там же. С. 217.

⁹ Там же. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 160, 147.

¹¹ Джойс Дж. // Вопросы литературы. 1984. № 4. С. 205.

¹² Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 212.

¹³ Алданов М. // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 67.

¹⁴ Воспоминания о Рахманинове. М., 1974. Т. 2. С. 297.

ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОЭЗИИ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Значительное влияние на личность и творчество Б. Ахмадулиной оказал А. Пушкин. Для нее Пушкин — главный дар судьбы, с ним соотносит она свои поступки и действия. Даже с неизбежностью смерти она готова примириться, думая о встрече «там» с Пушкиным:

Еще спросить возможно: Пушкин, милый,
зачем непостижимость пустоты
ужасно воображать могилой?
Не лучше ль думать: это там, где ты ¹.

Для Б. Ахмадулиной «Пушкин — это уникальное совпадение гармонии чувства и ума»², т. е. то, к чему стремится каждый истинный поэт. Есть в ее отношении к Пушкину что-то очень личное, живое, страстное, хотя это в русской поэзии и не новость. Ахмадулиной удается довести ощущение присутствия Пушкина до осязаемой вездесущности, до олицетворения природы: «Октябрь наступил. Стало Пушкина больше вокруг» (II, 241). «Достаточно сосредоточить на нем душу, не утяжеленную злом, чтобы услышать спасительный шум его появления...» (I, 462). Он всегда и везде, все напоминает о нем: «Смуглей великого арапа // восходит ночь» (I, 172); «День хочет быть — день скоро будет — есть // солнцеморозный, все точь-в-точь: чудесный» (II, 262); «Этот контур пустой — облаченье змеи: // «выползина». (О, как Он расспрашивал Даля // о словечке!)» (II, 429).

Пушкин — желанный собеседник, добрый друг, надежный советчик: «Как, Пушкин, мне быть в октября девятнадцатый день?» (II, 242). Для Б. Ахмадулиной, постоянно перечитывающей творения великого поэта, включая его письма и отдельные суждения, Пушкин, употребляя термин Мережковского, — «вечный спутник», доверие к слову которого абсолютно.

Пушкин однажды написал: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата». В одном из интервью Ахмадулиной задали вопрос, согласна ли она с этим утверждением. Ахмадулина ответила: «Я с Пушкиным всегда согласна. Но поэт должен быть умен! Иначе и говорить не о чем»³. Отзвук пушкинских слов находим и в стихах Ахмадулиной: «Но, может, чем умней, тем бесполезней стих» (II, 320); «От мысли станет стих тягеле, // пусть остаётся глуповат» (II, 383).

«Как ему (Пушкину) нет надобности «искать вдохновения»... так ему нет надобности самому задумываться над «смыслом» своего творения («вот на! Цель поэзии — поэзия»). Он не ищет и не дает «миросозерцания»: он занят в поэзии простым миронаблюдением или простой исповедью своей духовной жизни...»⁴ Сравним с пушкинской позицией высказывания Б. Ахмадулиной: «Всегда мне скушен был выскиватель смысла, // и угодить ему я не могу...» (II, 283); «Пусть всяко понимает всяк // слогов и пауз двуединость...» (II, 436); «Прости, за то прости, читатель, // что я не смыслов поставщик...» (II, 445).

Явные или скрытые обращения к Пушкину, упоминания его имени, использование его лексики встречаются во многих стихах Ахмадулиной: «И век мой жесточе, и дар мой совсем никакой» (II, 242); «Оттуда я, где черт нас догадал // произрасти в умом, да и с талантом» (II, 395); «...всё правильно окрест, как в пушкинской тетради, // раз навсегда, впопад и только так, как есть!» (II, 233); «Как ты учил — так и темнеет зелень. // Как ты жалел — так и поют в избе» (II, 252).

В. Баевский в своей статье «Пушкин и Пастернак» указывает, что стихотворение Пастернака «Нас мало. Нас может быть трое» (1921), возможно, ориентировано на «Моцарта и Сальери» Пушкина: «Нас мало избранных, счастливых праздных, // Пренебрегающих презренной пользой, // Единого прекрасного жрецов»⁵.

И затем замечает, что мысль Пастернака опосредованно получила

развитие в «Ахиллесовом сердце» А. Вознесенского: «Нас мало. Нас может быть четверо...»⁶ Нужно добавить, что эта цепочка гораздо длиннее. У А. Ахматовой в цикле «Венок мертвым» есть стихотворение «Нас четверо» (1961), а у Б. Ахмадулиной в стихотворении «Подражание»: «...четверо, достойных удивленья, // гребцов... плыли на челне» (II, 149). Вот такой канал связи длиной в полтора столетия возник между поэтами.

Пушкин для Б. Ахмадулиной не только «дар судьбы», но и мера ответственности, в его постоянном присутствии нельзя жить бесплодно: «И Пушкина неотвратимый взгляд // ночь напролет мне припекает щеку» (I, 138). Пушкин «ласково глядит», когда ночные труды завершаются стихотворением; с лирической героиней в больнице оказывается томик Пушкина, с Пушкиным соотносит она свои поступки, свои труды: «Что б ты о нем (о дне — Т. А.) сказал, который все сказал?» (II, 273). Пушкин становится продолжением природы, «уходит» в нее, растворяется в ней: «Во всем ловлю таинственные знаки, // то след примечу, то слышу речь» (II, 252). Ощущение связи с великим предшественником проявляется и в созвучности эстетических и этических принципов и во множестве реминисценций и смысловых параллелей. Встречаются и прямые цитаты из Пушкина: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» (II, 150).

Зима у Ахмадулиной — это часто «мороз и солнце» и «день чудесный» («Что это, что? — Спи, это жар во лбу», «Вослед 27 дню февраля», «Игры и шалости»). Окрашено влиянием Пушкина и восприятие поэтесой других пор года. Лучшее время для нее — осень. С увяданием природы расцветает в душе поэзия. «Моя любовь к осени исходит от Пушкина»⁷, — подтверждает Ахмадулина в одном из интервью.

Особое место в творчестве Ахмадулиной занимает луна, что также связано с Пушкиным и подтверждается текстуально: «О, знаю я, кто пристальней, чем все, // ее посеребрил двумя зрачками!» (II, 164). Луна навеки впитала в себя пушкинский взгляд; глядя на луну, лирическая героиня как бы общается с Пушкиным: «Вдруг улыбнусь и заново пойму, // чей в ней так яростен и сохранен гений. // Она всегда принадлежит ему — // имуществом двух маленьких имений» (II, 257).

По частотно-тематическому указателю М. Эпштейна «Основные пейзажные образы русской поэзии» луна — мотив наиболее часто встречающийся в поэзии Пушкина и Ахмадулиной.

Упоминание Пушкина, о Пушкине встречается чуть ли не в каждом стихотворении сборника Ахмадулиной «Тайна». Ему посвящены «Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине», поэмы «Приключение в антикварном магазине» и «Дачный роман», проза «Вечное присутствие», «Чудная вечность», «Здесь он ходил», «Пушкин и Лермонтов», пушкинское название использовала Б. Ахмадулина для поэмы «Моя родословная».

В воспоминаниях Ахмадулиной о детстве, о первом знакомстве с поэзией мы сразу же встречаемся с Пушкиным. Возможно, художественный мир Пушкина приобрел для Ахмадулиной особенную значимость потому, что вошел в ее жизнь с раннего детства, оставив в душе глубокий след. «Взрослея, душа обращается к Пушкину, страстно следит за ним, берет его себе, и этот поиск соответствует поиску собственной зрелости» (I, 461). Расстояние между лирической героиней и ее любимым поэтом все сокращается, все уплотняется время, отделяющее ее от гениального собрата: «Но где же ты, что вот — твое дыханье? // В какой союз мы тайный сведены?» (II, 252). Пушкин не только постоянная любовь, великая и прекрасная духовная связь, но и мучительная тайна, недостижимый идеал: «Любоваться им нелегко: мучительна тайна его ничем не скованной личности» (I, 462).

Внутренняя тяга к пушкинской гармонии внутреннего мира человека и природы, сердца и разума проявляется у Б. Ахмадулиной не только в обращении к лирике и образу самого Пушкина, но и в лексике пушкинской поры. Критики не однажды обращали внимание на эту приметную особенность поэтического языка Ахмадулиной. В «Струне» это были еще

только поиски стиля, но тем не менее уже тогда Ахмадулина провозгласила: «Влечет меня старинный слог. // Есть обаянье в древней речи. // Она бывает наших слов // и современнее и резче» (I, 38).

Стремление обнажить в словах их первооснову, отказ от языковой нормативности, усредненности поэтической лексики направляет Ахмадулину к истокам русской речевой традиции. Поиски новой выразительности традиционных форм, призыв к восстановлению разрушенных представлений о благородстве, чести, человеческом достоинстве, возвышенная настроенность лирического «Я» привели Ахмадулину к созданию своеобразного поэтического языка. Архаическая лексика — неотъемлемый элемент ее стихов: «Бесхитростный прилив народа // к витринам — празднество сулил. // Уже Никитские ворота // разверсты были, снег валил» (II, 186).

Ахмадулина предпочитает словам *лоб, ребенок, глаза, губы, смотреть* слова *чело, дитя, очи, уста, взирать*. В ее поэтическом языке встречаются устаревшие формы слов: *парусы, плеча, крыла, дерева*, утраченные глагольные формы, например, *дошед*, исчезнувшие орфографические варианты слов: *скушно, смеялася*. Встречается много усеченных прилагательных, что тоже, возможно, является влиянием языка Пушкина, который считал, что усеченные прилагательные придают «много живости стихам»: «Каков? — Таков: как в Африке, курчав // и рус, как здесь, где вы и я, где север. // Когда влюблен — опасен, зол в речах. // Когда весна — хмур, нездоров, рассеян» (II, 177); «Это я — мой наряд фиолетов, // я надменна, юна и толста...» (II, 147).

Ахмадулина обильно насыщает собственный слог старинными словами и выражениями. Отжившие речевые обороты («коль хочешь возыметь», «крик радости в уста», «как он смел взглянуть прилежным взором благосклонным») удивительно органично вплетаются в мелодичный поток ее поэтической речи.

В стихах Ахмадулиной многие слова и выражения соответствуют поэтическому словарю Пушкина:

А. Пушкин

Б. Ахмадулина

Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка *упадает* (3, 56).
Врата *отверсты* в тьме ночной... (1, 47)
Вперял он любопытный взор... (5, 55)

Молитвенник иль веер *упадает*
из дрожи рук (II, 355).
Отверстая арка их ждет (II, 386).
...в ее *вперяюсь* письма... (II, 391)

Все эти вкрапления архаической для современного литературного языка лексики позволяют рассматривать их как своеобразные «следы» пушкинского влияния. Обычно архаическая лексика свободно и естественно вплетается в поэтическую ткань, независимо от темы, материала и времени, о котором идет речь. Но Ахмадулина и искусный мастер стилизации. Так, в поэмах «Ромео и Джульетта» и «Приключение в антикварном магазине» архаичность лексики обусловлена самим материалом. «Приключение в антикварном магазине» дает пример мастерского владения книжным слогом для создания лексико-синтаксического колорита. Но и в этом произведении книжная лексика уравнивается элементами современной речи, образности. Нужно заметить, что «стилистическая манера Ахмадулиной не является каким-то повторением пройденного, простым возвращением в прошлый век»⁸. Образный язык ее стихов — язык поэта нашего времени, со своеобразным сочетанием архаической и современной, книжной и разговорной лексики. «Ахмадулина употребляет не архаизмы вообще, не просто старую лексику, а обороты и выражения, если так можно выразиться, облагороженные литературной традицией, прежде всего гением Пушкина»⁹.

Привлекают Ахмадулину и пушкинские эпитеты: *ликующий, алчный, блаженный, скупой, сладостный, надменный*.

Многим Ахмадулина обязана Пушкину и тематически. «Поэзия дружеского чувства, составляя сквозной мотив ее лирики, восходит именно

к Пушкину»¹⁰: «Мне снился сон: я мучаюсь и мчусь, // лицейскою возвышенностью чувств» (II, 150).

Ахмадулина верна традиции дружбы как самому высокому и бескорыстному из проявлений человеческого естества: «Свирепей дружбы в мире нет любви» (I, 161). Пожалуй, никто из современных поэтов не писал столько о дружбе, как Ахмадулина. «Кажется, дружеская тема, развиваясь, распространилась и на территорию любовной лирики, и Ахмадулиной больше всего удавались стихи о любви, как душевном единомыслии, как общности судьбы»¹¹. Чаще всего она передает чувство любви не к конкретному человеку, а к людям вообще, к окружающему миру, друзьям, деревьям, зиме. Спасение от всех зол для нее — тесный союз друзей: «Сегодня, став взрослее и трезвей, // хочу обедать посреди друзей // — лишь их привет мне сладок и угоден» (II, 150). Снова и снова как главную свою мысль повторяет Ахмадулина: «Любовь к любимому есть нежность ко всем вблизи и вдалеке» (I, 173); «Как добр, кто любит, как огромен, как зряч к знаменью красоты!» (I, 174); «Я знаю истину простую: // любить — вот верный путь к тому, // чтоб человечество вплотную // приблизить к сердцу и уму» (I, 175). «Она в совершенстве изучила и науку сближения, и науку человеческого общения, и науку расставания»¹². Боязнь потерять друзей не оставляет ее: «По улице моей который год // звучат шаги — мои друзья уходят» (II, 29); «Я поняла: я быть одна боюсь...» (II, 150). Самое страшное — остаться в этом мире одной, без друзей и любви, без близких людей: «...не дай мне бог моих друзей оплакать! // Все остальное я переживу» (I, 162).

Полностью отдаться чувству, последовательно и упорно отстаивать право на любовь к друзьям не каждый сумеет: «А я люблю товарищей моих»; «Любовь моя — вот мой туманный довод. // Я не учена вашему уму» (I, 161). Позиция Ахмадулиной сполна выражена в строках: «Да будем мы к друзьям своим пристрастны! // Да будем думать, что они прекрасны!» (I, 75).

Великая нежность поэзии и сердечного участия распространяется и на любимых поэтов. Это стихи, обращенные к А. Пушкину и М. Лермонтову, М. Цветаевой, А. Блоку, Б. Пастернаку, О. Мандельштаму, А. Ахматовой.

Пушкин для Ахмадулиной и образец личности в чисто человеческом плане, и образец поэта в чисто поэтическом. Пушкин сообщает поэтессе импульс творческой энергии, не ограничивая ее движения в собственном направлении: постигая Пушкина, Ахмадулина постигает себя.

¹ Произведения Б. Ахмадулиной цитируются по сб.: Сны о Грузии. Тбилиси, 1978 (I); Избранное. М., 1988 (II).

² На цыпочках перед талантом: Интервью с Б. Ахмадулиной // Книжное обозрение. 1985. № 2. С. 8.

³ Там же.

⁴ Франк С. // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 441.

⁵ Пушкин А. Собр. соч. В 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 287. Далее цитаты приводятся по этому изданию, с указанием в скобках тома и страницы.

⁶ Вознесенский А. Ахиллесово сердце. М., 1966. С. 41.

⁷ Явь моя — мой долг: Интервью с Б. Ахмадулиной // 24 часа. 1990. Вып. 1, март.

⁸ Михайлов А. // День поэзии. М., 1968. С. 224.

⁹ Мустафин Р. // Дружба народов. 1985. № 6. С. 245.

¹⁰ Ерофеев В. // Октябрь. 1987. № 5. С. 191.

¹¹ Там же.

¹² Чупринин С. Крупным планом. М., 1983. С. 179.

С. А. ЛЫСЕНКО

ВОСКРЕШЕННАЯ СУДЬБА

Микола Гурневич Кулиш (1892—1942) — «самый выдающийся из украинских драматургов двадцатых — начала тридцатых годов»¹. Активный участник революции и гражданской войны, он сумел сказать на род-

ном языке возвышенную правду о своем народе, раскрыть перед современниками и грядущими поколениями свою чистую душу. В словаре драматурга М. Кулиша — любовь и ненависть, совесть и честь. В ней не расторгжимо слилось современное, общечеловеческое и украинское.

Уже первая его пьеса «97» (поставлена в 1924 г.) сразу завоевала сцены украинских театров и сердца зрителей, «стала эпохальной для украинской драматургии»². По отзыву А. В. Луначарского, «97» Кулиша, пьеса, о которой гремела вся Украина... это — первая могучая пьеса из крестьянской жизни»³. Драма строго реалистически, жизненно правдиво запечатлела трагическую картину ожесточенной и до предела обостренной голодом классовой борьбы в южно-украинском степном селе начала 20-х гг. На трагическом фоне он раскрыл острый конфликт между крестьянами-бедняками и представителями старого мира.

В первой редакции пьеса (называлась она «Мусий Копыстка») заканчивалась эпизодом, когда мальчик Вася по просьбе неграмотного Копыстки читал над только что умершим Смыком, 95-м погибшим бедняком, письмо «из центра» о том, что везут семена для сева. Копыстка требовал от почти теряющего сознание голодного Васи: «Читай, читай громче, Сергей еще теплый должен услышать!» — а тут открывается дверь и входят два куркуля, Гиря и Годованый, чтоб убить и Копыстку с Васей: 96 и 97-го бедняка...

Позднее, по требованию Главполитпросвета и Реперткома Украины, пьеса заканчивалась тем, что куркули (кулаки) не входят сами, чтобы убить бедняков, а их конвоируют красноармейцы с винтовками. Такой «финал» обесмысливал название пьесы — «97». Но оно сохранилось.

У Кулиша, несомненно, было обостренное чувство времени. В «97» уже нет соединения «голых» эпизодов борьбы, а есть глубокий исторический процесс, вобравший в себя всю сумму социально-враждебных сил. В «97» — уже не чернозем (крестьянин — С. Л.), «что поднялся и смотрит», а чернозем, начавший говорить и решительно действовать. Материал драматического произведения заставил автора нарисовать человеческие характеры, живые, полнокровные, индивидуализированные, эмоционально окрашенные. В этом была великая творческая победа писателя. По конфликту и эпическому развороту событий к «97» примыкают еще две пьесы, отражающие борьбу за Советскую власть в деревне: «Коммуна в степях» (поставлена в 1925 г.) и «Прощай село» («Возвращение Марка», 1933). Вместе с первой пьесой они составляют как бы трилогию.

Первыми произведениями М. Кулиш развивал реалистические традиции украинской драматургической классики. Последующие его драмы запечатлели и романтику, и условно-гротескные ситуации постреволюционной действительности. Сатирическое дарование писателя нередко вызывало резкую критику со стороны официальных идеологов, ему приписывались упадочные мотивы и пессимистические настроения; пьесы Кулиша считали уязвимыми в идейном отношении; находили «органические недостатки» в «Народном Малахии», упрекали драматурга в том, что он «находится в плену мелкобуржуазных, националистических заблуждений», «фальшивых представлений», а между тем его комедии и трагикомедии написаны в лучших традициях условно-гротескной драматургии второй половины 20-х гг.

Объективные сложности и противоречия, возникающие в процессе воплощения в реальную жизнь новых идеалов, определили трагикомический конфликт «Народного Малахия» (1927) М. Кулиша, саркастическое высмеивание бюрократизма и застойного быта в комедии «Хулий Хурина» (1926), гневное обличение духовного убожества мещанства в пьесах «Так погиб Гуска» (1925) и «Мина Мазайло» (1928). Мастерству сатиры драматург учился у Гоголя и Мольера, «демонстрируя не только плодотворность обучения в их «школе», но и способность к выработке собственного почерка»⁴. Обратимся к содержанию некоторых его произведений. В пьесе «Так погиб Гуска» (впервые опубликована в 1960 г.) М. Ку-

лиш выводит собирательные типы злобствующих мещан и обывателей, для которых не существует ни родины, ни народа, ни высоких идеалов. Их летоисчисление измеряется временем «до большевиков» и «при них». Они понимают, что «жить их под коммуной на волоске, на паутиночке треплется»⁵ и поэтому не оставляют мечты о возрождении былого и крахе нового режима.

Семья Гуски трепещет перед словом «регистрация», прячется от действительности за закрытыми ставнями. Ей кажется, что теперь и «солнце не то, не так светит, не так греет...», даже «соловьи сбежали от революции» (89). А одна из дочерей бывшего коллежского секретаря Гуски дала обет молчать до тех пор, пока «большевистская революция не кончится» и не вернется царь. Сам же он с благоговением вспоминает службу, время, когда дочери, аккомпанируя одним пальцем, пели романс «Крики чайки белоснежной, запах моря и сосны»; его и через годы преследуют запахи пасхи и малороссийской колбасы.

Несмотря на то, что герои пьесы «Так погиб Гуска» величают друг друга «господами», драматург, управляя действиями, мечтами и лексикой, принижает, укорачивает и заземляет их (прием автологии). Дочери Савватия Савельевича, глупые, перезрелые, что «прокисший лимонад», прикидываются маленькими, мечтают о том, чтобы какой-нибудь заезжий «жених их похитил». Устенка у него — «цесарочка», Настенька — «канареечка», Христенка — «куропаточка», «Анисенька — ангельчик», жена — «голубица», а сам Гуска — «голубь иорданский». Как видим, все они из птичьей породы. И мир их далек от нормальной жизни современника: Гусаки «шипят», квартиранта принимают за агента чека, так как он действительно член чрезвычайной комиссии, но только по ликвидации неграмотности.

Новые порядки приводят мещан в смятение и полную растерянность. Бывший студент и террорист-эсер Пьер Кондратенко советует Гуске приспособиться к Советской власти, повесить «плакаты, портрет Карла Маркса, красные флаги, где только можно...» (107). Его поддерживает Анисенька, ссылаясь на опыт семьи Кияшко.

И вот здесь-то драматург изобретает фантастические обстоятельства и доводит своих персонажей до абсурдных поступков: спасаясь от революции, в поисках золотой тишины Гуска с семьей переселяется на необитаемый остров, который на некоторое время становится их якорем спасения. Деформируя реальность по законам условного изображения, М. Кулиш при помощи «сюжетной гиперболы» создает гротескную модель, в которой жизненные впечатления, явления оказываются в непривычных связях, обнажающих социальную сущность уходящего мещанства.

По мнению В. Мейерхольда, «гротеск, без компромисса пренебрегая всякими мелочами, создает (в «условном правдоподобии», конечно) всю полноту жизни»⁶. Целенаправленное заострение драматургии пьесы с помощью фантастического изображения помогает изобразить подлинные лики обывателей, бежавших от «чека». «Высочив из революции», Гуски убеждены, что на них «смотрит вся Европа, как на свой Кронштадт от большевиков». Они не только пытаются «пересидеть», «переждать», «передышать» большевиков, но и, испытывая прилив душевных сил, воинственно поднимают головы, помышляют даже о вредительстве. Гуска своим близким советует набирать «побольше кислорода тут, чтобы выдохнуть побольше углекислого газа там» (116—117). Постепенно герои М. Кулиша превращаются в «микроорганизмы», заразные бациллы. Но планам и мечтам мещан не суждено сбыться. Все завершается конфузом: семья Гуски попадает в плен к рыбакам, принявшим ее за «контру».

Вытащив на свет божий мещанина из закоулка, отмечает Н. Кузякина, М. Кулиш не преувеличивает его роли в общественной жизни, эмоциональная атмосфера в пьесе соответствует действительности. В гротескной комедии «Так погиб Гуска» положительным героем является

смех, веселый смех над тупостью мещанства, над смехотворностью его иллюзий.

В «Народном Малахни» (1928) бытовые планы резко смещены в гротеск и усилены символикой поэтических образов, выстроенных на грани анекдота. По свидетельству П. Рулина, тогда «ни одно произведение литературы и театра не вызывало таких широких обсуждений»⁷. Спорили о жанре, о сущности трагикомического, много внимания уделяли условным формам. И тем не менее, как нам кажется, изобразительные возможности сарказма и гротеска в этом произведении явно недооценены.

Одной из сфер увлечения Кулиша «была музыка,— любил ее страстно и вдохновенно еще с училища, когда научился играть на скрипке. Со временем он приспособился к игре на многих инструментах, но особое предпочтение отдавал геликону», создал камерный оркестр, дирижировал⁸. Среди «всех впечатлений бытия» самое высокое место отводилось музыке. И она была непосредственным побудителем его творчества. В «Патетической сонате» (поставлена в 1931 г.) Кулиш взял себе в соавторы Бетховена. О специфике этой пьесы драматург говорил так: «Патетическая» — это экспериментальная работа, это опыт сгущенного драматического образа, сжатой сцены, сжатого слова, это опыт введения в драматическое произведение музыки как органической составной части, а не сопровождения, это опыт построения произведения на органической связи слова, ритма, движения, света, музыки, это борьба, поиски (может быть, и неудачные) новой драматургической техники»⁹.

Определить основной тон в этой драме — значит не просто проявить первичное понимание того, что захватывает в произведении, что возбуждает чувство читателя, его фантазию, а создать эстетическую готовность для проникновения во внутренний мир писателя и его героев. В «Патетической сонате» сильна и очевидна реальная, жизненная основа. Другое дело, что видение драматурга, его принципы, конкретные приемы типизации, стиль, подбор выразительных средств имеют особую специфику.

В «Патетической сонате» романтическая доминанта проходит через всю драму, она — это тот гормон, который поднимает художественное ремесло на уровень подлинного искусства¹⁰. Эмоциональное начало в разных модификациях составляет одну из движущих сил развития сюжета.

Действие в пьесе согрето светом романтического восприятия жизни и осмысливается преимущественно в лирико-экспрессивном ключе. Однако реализм или романтизм художественного образа жизни зависят не только от характера художника, особенностей его мировосприятия и стиля, но и от объекта, который он изображает. В центре драмы-воспоминания Кулиша — герой «я», который ведет все действие пьесы. Монологами-исповедями Илька, его эмоциями, переживаниями, его судьбой освещен весь ход событий в этой монодраме. Принцип лирической романтизации достигается здесь и другими средствами. Например, вводятся сновидение, художественные развернутые ремарки. И что очень существенно: действие в драме находится в органическом единстве со словом и музыкой.

В «Патетической сонате» Кулиша музыка воздействует прежде всего на ассоциативную или чисто эмоциональную сферы. Здесь проявляется внутренняя согласованность между текстом и музыкой, а сообщая они раскрывают один и тот же образ, одну и ту же идею. «Музыка в своем слиянии с поэзией словесной (в пении с аккомпанементом), — писал А. И. Серов, — с одной стороны, усиливает стократно выразительность поэзии, придавая словам желаемый поэтом акцент (редкими декламаторами или чтецами улавливаемый), с другой стороны, усиливает и то, что есть в поэзии туманного, недосказанного, словом, человечески несформированного, необъясненного, доказывает то, что можно иногда прочесть между строк поэзии, дорисовывает весь этот внутренний душевный мир, для которого слово — только самая внешняя и довольно грубая оболочка. Если бы все, что происходит в душе человеческой, можно было бы

передать словами, музыки не было бы на свете»¹¹. Эти слова в известной мере можно отнести и к «Патетической сонате». Действительно, музыка в ритмической прозе Кулиша укрепляет значение слова, выделяет смысловые центры, помогает раскрыть самые таинственные движения человеческого духа, постичь эволюцию жизни героя, понять сложную гамму его переживаний. Драма не только названием, но ритмом и архитектурной перекликается с «Патетической сонатой» Бетховена. Музыка в ней выступает и как участник, и как спутник спектакля. «М. Кулишу, — пишет исследователь его творчества Н. Кузякина, — в годы его духовного разлада и растерянности (после резкой критики сатирических пьес 20-х гг. — С. Л.) нужен был именно такой спутник — во всем беспрельдно правдивый, могущий понять, пережить с ним трагические поиски и поражения, и все-таки оптимистический, увлеченный силой человека и величием его деятельности»¹².

Чем же привлекла Кулиша музыка Бетховена? Соната композитора начинается медленным торжественным вступлением. В нем звучит пафос трагической декламации. Но надежда живет. Из повторяющегося мотива вступления вырастает тревожная музыка аллегро. Главная тема, устремленная вверх, полна тревоги и волнения. Это чувство растет и ширится. Слышен голос мольбы, и ему как будто отвечает другой голос — властный и непреклонный. Завершается эта борьба победой, но душевные силы исчерпаны. А потом возникает другой мир, на смену быстрому аллегро приходит плавное адажио контабиле. Мелодия этой части лишена «вздохов» (задержаний). Здесь выступают глубокие размышления. Проникновенную мелодию композитор расцветчивает тонкими вариациями. Легкое, подвижное рондо завершает сонату. Но чувствуется, что не забыты недавно пережитые волнения. Напевы рондо соединяют в себе чувство молодости, радости жизни со светлой грустью.

Линия «революционно-романтического» Бетховена протягивается и к драме Кулиша, повествующей о страданиях, душевных порывах и мужестве человека. Импульсивно-драматическую музыку Бетховена писатель считал неисчерпаемым источником нравственного самосовершенствования, а ее творца — идеалом художника-гражданина, вдохновенно отразившего пафос своей эпохи.

«Патетическая соната» (в русском переводе П. Зенкевича) была поставлена А. Я. Танковым в Московском камерном театре (преьера состоялась 19 декабря 1931 г.), в то же время она шла в Государственном Большом драматическом театре имени Горького в Ленинграде. Несомненно, «Патетической сонатой» Кулиш содействовал утверждению новых форм драматургической литературы.

«Маклена Граса» (1932—1933) — последняя пьеса, увиденная драматургом при жизни. Это интеллектуальная драма о жизни Польши в 1929—1932 гг.

В 1934 г. Микола Кулиш был арестован. В его судьбе, как в капле воды, отразилась судьба интеллигенции, подвергшейся преднамеренному уничтожению. В жизни этого человека было много скорбей и обид. Он пропустил через душу трагические противоречия эпохи сталинизма. И только теперь происходит приобщение к насильственно отчужденному духовному богатству крупнейшего драматурга 20—30-х гг.

¹ Смолнич Ю. Рассказ о непокое. М., 1971. С. 66.

² Там же. С. 59.

³ Луначарский А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 3. С. 293.

⁴ Кузякина Н. // Микола Кулиш. Пьесы. М., 1980. С. 334.

⁵ Кулиш М. Пьесы. М., 1980. С. 71. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию в тексте, с указанием страницы.

⁶ Мейерхольд. Статьи. Речь. Беседы. 1881—1917. М., 1968. С. 225.

⁷ Рудин А. // Життя і революція. Київ, 1929. № 7—8. С. 150.

⁸ Кузякина Наталья. Пьесы Миколи Кулиша. Київ, 1970. С. 5.

⁹ «Патетическая соната» М. Кулиша // Лит. газ. 1931. 30 марта.

¹⁰ См.: Леонид Л. // Сов. искусство. 1933. № 5.

¹¹ Серов А. Критические статьи. СПб., 1895. Т. 4. С. 1587—1588.

¹² Кузякина Н. Драматург Микола Кулиш. Київ, 1969. С. 118.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА РОМАНА П. МОДИАНО «БУЛЬВАРНОЕ КОЛЬЦО»

В 1972 г. Большой премии Французской академии был удостоен роман Патрика Модиано «Бульварное кольцо». Это была уже третья книга писателя, получившая признание публики и критиков. В одной из своих рецензий журналист «Экспресс» М. Гале называет П. Модиано «самым загадочным из наших новых романистов»¹. Говоря о его необычном подходе к сложной теме оккупации Франции, литературоведы Пьер де Буадефр, М. Ламброн, Ж.-Л. Эзин и писатели Ф. Нуриссе, Ж. Кейроль, Ж. Ко отмечают «исключительную чувствительность» и лирический талант писателя, позволивший ему передать дух эпохи². Удивительное умение П. Модиано создавать ностальгическое настроение, особую таинственность, загадочность повествования отмечают и советские литературоведы Л. Г. Андреев, Н. Ф. Ржевская, О. Тимашева, М. Ваксмахер. «Бульварное кольцо», — пишет Н. Ф. Ржевская, — переносит нас в сумрачный мир, где все неясно, нет ничего определенного, где все возможно, но ничего нельзя утверждать с уверенностью, где границы между реальным и воображаемым очень зыбки, а человек бесконечно одинок»³. Выделяя способность писателя «самые реальные и конкретные вещи представлять в колеблющемся свете недостоверности, создавать атмосферу «зыбкости, нестабильности», она делает вывод о том, что «главным в романе П. Модиано оказывается поэтому передача атмосферы настроения, а не создание конкретно-образной картины мира»⁴.

Однако эта лирическая атмосфера хотя и не является в романе главной, но становится тем проникающим во все раствором, в который погружено содержание. Она пропитывает всю художественную ткань произведения и придает ему тем самым особый оттенок. Именно поэтому она ощущается и осознается читателем как художественная реальность, выступающая наравне с персонажами, и мы можем говорить о ней как о «художественной атмосфере».

Художественную атмосферу в качестве эстетической категории С. Т. Вайман трактует как «оригинальное образное жизнеощущение, идущее на нас поверх слов, деталей и ситуаций. Как настроение, еще не развившееся в понятие. Как отношения предметов, отпавшие от самих предметов, в их цельности и суверенности. Эта суверенность атмосферы проявляется в том, что, будучи порождена реальностью, она теперь «пропускает» ее через себя, преломляет в себе...»⁵ Он считает создание художественной атмосферы высшим уровнем художественной обработки материала, где «наблюдается своеобразная градация — следы эволюционного процесса: на исходном рубеже — атмосфера как эстетический результат смешения различных нюансов одного и того же цвета (или тона); на вершинном рубеже — атмосфера как эстетический результат смешения различных тонов (или цветов)»⁶. Такой «вершинный рубеж» занимает и художественная атмосфера П. Модиано.

Степень «самостоятельности» художественной атмосферы определяется степенью концентрации создающих ее средств на определенных направлениях. Такими основными двумя направлениями в романе являются, на наш взгляд, «эффект реальности» и «эффект неопределенности», в результате смешения которых и возникает та поэтическая правда, которая выше наблюдения.

Роман П. Модиано строится на реальной основе. Его герои действуют в реальном мире, реальном городе. Настолько реальном, что на карте Парижа можно найти все названия улиц и площадей, упоминающихся в произведении. Топонимы играют здесь одну из главных ролей в создании «эффекта реальности» Парижа. Основные маршруты ночных прогулок отца и сына на старом «Толботе» совершались из района Батиньоль на улицу Гренель, из района Отёй на улицу Пикпю, из ари-

стократического района Пасси в Ла Виллет. Прогуливаясь по бульвару Келлермана, можно найти рядом с кладбищем Жантйи дом, где жил Серж-Александр вместе с отцом. В тексте нет подробного описания этих районов, улиц, кварталов, но за самими названиями — весь Париж, с его историей, архитектурой, достопримечательностями.

«Эффект реальности» исторического времени создают имена знаменитых актеров, писателей, журналистов, названия газет и журналов, перечислению которых писатель уделяет много места, и детали — символы времени, как, например: кафе «Клер де Люн», «довоенные аккордеонисты, танцовщики танго», оркестр, состоящий из «господ в смокингах с напомаженными волосами»⁷. По словам Р. Барта, «...стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать ее... возникает «эффект реальности», основа того скрытого правдоподобия, которое формирует эстетику всех общераспространенных произведений новой литературы»⁸. Эти средства (топонимы, персоналии, названия газет, журналов и т. д.) играют в романе не только метонимическую роль, замещающую «реальность», а являются создателями интертекстуальной игры, требующей знания определенных социальных, исторических, идеологических отношений и традиций, стоящих за этими названиями. Почему напоминают о происхождении отца площадь Каира, улица Нила, переулок Бен-Айед, улица Абукир? Это египетский квартал Парижа, а Дейкекер родом из Александрии. Полное значение текста восстанавливается только после расшифровки ассоциативной связи, которую вызывают топонимы. Интертекстуальность поднимает значение текста на новый семантический уровень. Показательно в этом плане высказывание одного из персонажей романа: «Мы оба работали в это время в «Волонте» у Дюбарри! Замечательная школа!» (138). При первом прочтении смысл сказанного имеет положительную оценку. Добавляем коннотативный образ газеты «Волонте»: прославилась своей продажностью, занималась шантажом, закрылась в 1934 г. после ареста ее основателя Дюбарри за соучастие в скандальной афере. После такого уточнения возникает новое значение, противоположное первому. Становится понятно не только то, чему научила эта «замечательная школа», но и вырисовывается политическая и нравственная позиция самого персонажа. Надо отметить, что у П. Модяно отсутствуют прямые оценочные характеристики персонажей, а их взгляды, моральные установки, политические настроения передаются в основном интертекстуально. В результате возникает «эффект духовной реальности» — политически окрашенной среды, расцвеченной множеством оттенков реакционных настроений и взглядов (коллаборационистских, антисемитских, националистических и др.), коренящихся в глубине исторического прошлого и политически нейтральных в настоящем.

Таким образом, «эффект реальности» позволяет автору четко и объемно обрисовать социальную и историческую среду — коллаборационистские круги периода немецкой оккупации Парижа.

Художественная атмосфера «смутного времени» не приобрела бы своего статуса, если бы отсутствовало второе формирующее ее направление, которое мы условно называем «эффектом неопределенности». Одним из средств создания «эффекта неопределенности» является субъективный подход к историческим событиям, характерный для повествовательного принципа П. Модяно. При таком подходе впечатление от события становится более важным, чем само событие, конкретный смысл которого даже не раскрывается. В высказываниях персонажей период оккупации приобретает обобщенный и одновременно многослойный эмоциональный образ: «Надо сказать, что события принимали беспокойный оборот, в воздухе пахло катастрофой» (172). Акцентированное повторение эмоционально-оценочных эпитетов «странное время» (173), «смутные времена» (201), «беспокойный оборот» (172), придающих обстановке оттенок подозрительности, тревоги, ожидания чего-то неотвратимого, дают возможность читателю прочувствовать происходящее, ощутить тре-

вожное настроение. История в романе воспринимается через чувства человека и его переживания. Чтобы изобразить гнетущее состояние страха, неуверенности, зыбкости существования людей в период оккупации, П. Модiano использует символ «ночи». Действие происходит «вечером» (125, 126), «ночью» (132, 189), «в сумерках» (128, 131), в темноте» (185, 196), «в слабо освещенной комнате» (130). Устойчивая ассоциация «ночь — оккупация» и субъективный подход к истории создают эмоциональный образ «смутного времени», являющийся одним из компонентов «эффекта неопределенности».

«Эффект неопределенности» — это также следствие проявления информационной грани, обусловленной сюжетом.

Рассказчик пытается восстановить детали жизни своего отца по фотографии и очень скудной информации, которой он располагает. Ему удается представить себе, каким был его отец во время оккупации, чем занимался, с какими людьми свела его судьба, как он был арестован. Из современности рассказчик мысленно переносится в «смутное время» оккупации и становится персонажем своей же фантазии под именем Сержа-Александра. Он пытается вмешаться в судьбу отца, но сюжетом ему определена лишь роль наблюдателя. Дейкекер не слышит его подсказок потому, что они находятся в разных временных планах. Читателем же это воспринимается как стена отчуждения, непонимания между отцом и сыном. Мотив отчуждения строится в романе при помощи системы реприз: «Вы меня все время не замечаете» (179), «Нет, он меня не узнал» (142), «Вы не услышали. Я повторял эту фразу еще раз, но безуспешно» (208).

Сюжетом также предопределено, что Серж-Александр ничего нового об отце не может узнать, а все его предположения являются лишь домыслами. Информацию, которую сообщает персонаж-рассказчик о событиях, о Дейкекере, условно можно разделить на несколько категорий.

Введение неполной информации создает смысловую недоговоренность, набрасывает на происходящее покров таинственности, загадочности. На этом принципе построен образ отца. Дейкекер является «подставным лицом» в «мнимой компании», его титул «барона» фальшивый. Чем он занимается конкретно, в тексте не раскрывается. Дополнительные сведения об отце (он — апатрид, еврей, человек с «паспортом Нансна») ассоциируются с неустойчивостью, неуверенностью, безысходностью и ничего не проясняют, а лишь усугубляют загадочность ситуации. Так, в образ Дейкекера закладывается тайна.

Фантазия персонажа-рассказчика помогает оживить «манекены» прошлого, но их образы зыбки и иллюзорны, что подчеркивается употреблением лексики с оттенком неопределенности. Персонажи предстают перед нами как видения: «тень Маршере» (129), «мон призраки» (143), «его слышат» (151). Само значение этих слов закладывает в дальнейшее описание образов призрачность, размытость контуров, затухаемость деталей, отсекая тем самым часть конкретной информации.

Сомнительность информации, не подтвержденной фактами, но основанной на домыслах персонажа-рассказчика, передается с помощью безличных или неопределенно-личных глаголов и оборотов: «Говорят, что старый легионер *будто бы* граф» (132), «И что дородного месье с виаллы «Приере» *будто бы зовут* «бароном» Дейкекером» (132). В тоне повествования постоянно ощущается и подчеркивается неуверенность в достоверности событий и фактов. Вопросительные предложения, следующие за вымыслом, выражают сомнение, вносят дополнительную неясность в смысл повествования, так как не отрицают полностью сказанное ранее. «Ему принадлежит эта вилла? С каких пор?» (132), «Настоящие ли у них титулы?» (132).

Отсутствие информации о некоторых событиях приводит к выпадению из цепи рассуждений многих звеньев-фактов. Вопросы Сержа-Александра так и остаются без ответа. Почти на каждой странице встречается от двух до шести безответных, риторических вопросов. Концентрация

вопросительных предложений без ответов создает в логическом повествовании персонажа-рассказчика лакуны и подводит читателя к мысли о непознаваемости мира, о тщетности любой попытки восстановления истины. В романе так и остается нерешенной загадка «барона» Дейкекера, а продолжительные поиски истины возвращают сына к исходному пункту.

Таким образом, использование «эффекта неопределенности» позволяет писателю передавать разнообразную гамму чувств и настроений персонажей (одиночество, загадочность, страх, тревога, подозрительность, ожидание, беспокойство, сомнение, неустойчивость, безысходность, отчуждение, таинственность и др.).

Взаимовлияние «эффекта реальности» и «эффекта неопределенности» в романе «Бульварное кольцо» создает художественную атмосферу «смутного времени», которая придает своеобразие творческой манере Патрика Модяно, усиливает выразительность его художественной идеи и лиричность стиля.

¹ Galeу M. Modiano le furtif // Express. Paris, 1975. № 1261. P. 61.

² См.: Les Nouvelles Littéraires. Paris, 1981. № 2774. P. 28, 29.

³ Ржевская Н. Ф. // Французская повесть — 70-е годы. М., 1982. С. 5.

⁴ Там же. С. 7, 9.

⁵ Вайман С. Т. Бальзаковский парадокс. М., 1981. С. 140.

⁶ Он же. Реализм как эстетический антипод религии. (Этюды о поэтике Боккаччо). Воронеж, 1966. С. 76.

⁷ Modiano P. Les boulevards de ceinture // Французская повесть — 70-е годы. М., 1982. С. 165. (На франц. яз.). В дальнейшем цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.

⁸ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 400.

Л. І. БУРАК

НЯПОЎНАСАСТАЎНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ У АПОВЕСЦІ Я. КОЛАСА «НА ПРАСТОРАХ ЖЫЦЦЯ»

У аповесці Я. Коласа «На прасторах жыцця»¹ актыўна выкарыстоўваюцца сінтаксічныя канструкцыі, якія маюць няпоўны граматычны састаў. Непаўната граматычнага саставу ў такіх канструкцыях звычайна абумоўлена кантэкстам, фармальна арганізацыя якога пададзена так, каб найбольш эканомна і эфектыўна рэалізаваць змешчаныя ў іх асобныя часткі разгорнутага паведамлення. Няпоўнасастаўныя канструкцыі маюць на мэце не проста перадаць тую ці іншую інфармацыю, а засяродзіць на ёй увагу, максімальна акцэнтаваць яе і гэтым самым павысіць яе паведамляльную сутнасць у канкрэтнай сітуацыі моватворчага працэсу. Яны будуцца ў форме асобнай камунікатыўнай адзінкі, якая не мае ўласнай структурнай схемы сказа і заўсёды арыентавана на папярэднюю адзінку (канструкцыю), без якой самастойна функцыянаваць не можа. Безумоўна, самі па сабе такія адзінкі не з'яўляюцца паведамленнем, а становяцца ім толькі ў спалучэнні з другімі адзінкамі: сінтаксічныя сувязі ў сінтагматычным радзе робяць іх паўнапраўнымі элементамі звязнага тэксту, здольнымі выконваць камунікатыўную функцыю. У лінгвістычнай літаратуры яны звычайна кваліфікуюцца як кантэкстуальныя няпоўныя сказы або іх функцыянальныя аналагі.

Якуб Колас часта ўжываў няпоўнасастаўныя канструкцыі не толькі ў аўтарскай мове, але і ў мове персанажаў згаданай аповесці. Гэтыя канструкцыі маюць разнастайную структуру: яны сінсемантычныя, складаюцца з асобных словаформаў ці словазлучэнняў або слоўных комплексаў і атрымліваюць інтанацыйны контур і інфармацыйную нагрузку самастойнага выказвання. Знаходзячыся ў звязным тэксце, яны пазіцыйна самастойныя, інтанацыйна закончаныя, валодаюць прэдыкатыўнасцю, лагічным націскам, які маркіруе сэнсавы цэнтр выказвання. У іх няпоўнае (ці зусім адсутнічае) прэдыкатыўнае ядро, і таму прэдыкатыўнасць часта мае імпліцытнае выражэнне. Яно прадвызначае мінімальнае выкарыстанне моўных сродкаў і магчымае ва ўмовах кантэксту або сітуацыі, дзе абумоўліваецца агульнасцю з папярэдняй канструкцыяй і наяўнасцю ў сістэме мовы адпаведнай поўнай мадэлі сказа. Нездарма няпоўнасастаўная канструкцыя заўсёды ўжываецца ў кантэксце разам з самастойным словам, размяшчаючыся пасля гэтага сказа і прымацоўваючыся да яго рознымі сродкамі злучнікавай ці бяззлучнікавай сувязі. У такіх выпадках самастойны сказ з'яўляецца асноўным або стрыжнёвым; гэта — зыходная частка разгорнутага паведамлення. Як правіла, ён поўны, пабудаваны без уліку няпоўнасастаўнай канструкцыі, мае ўласную структурную схему і характарызуецца экспліцытнай выражанасцю тэмарэмнага саставу, у межах якога ад тэмы да рэмы адбываецца паступовае нарастанне дынамізму. У пабудове ж няпоўнасастаўнай канструкцыі назіраецца свосасаблівая «рэдукцыя знешняга саставу сказа ў бок

яго імпліцтнай выражанасці, якая прыводзіць да ўзмацнення семантычнай вагі экспліцытна выражанага лексіка-граматычнага саставу»², у выніку чаго яна звычайна змяшчае толькі новае — рэму выказвання.

Паміж няпоўнасастаўнай канструкцыяй і стрыжнёвым сказам у кантэксце выражаюцца разнастайныя семантыка-сіntaxічныя адносіны, якія залежаць ад фармальнай структуры гэтых сіntaxічных адзінак і сродкаў сувязі паміж імі. Назіранні паказваюць, што структура стрыжнёвага сказа і няпоўнасастаўнай канструкцыі можа мець аднатыпную і разнатыпную будову. Пры аднатыпнай будове няпоўнасастаўная канструкцыя паралельна прымацоўваецца да стрыжнёвага сказа і прыпадабняецца да аднаго з яго кампанентаў, а гэты кампанент служыць апорным словам, праз пасрэдніцтва якога ажыццяўляецца сувязь адной сіntaxічнай адзінкі з другой. Суадносныя кампаненты абедзвюх адзінак выражаюцца паралельнымі словаформамі або словазлучэннямі, што выступаюць у пазіцыі аднайменных членаў сказа. Дзякуючы рознаму лексічнаму напаўненню такія члены звычайна аб'ядноўваюцца далучальна-пералічальнымі або далучальна-супастаўляльнымі адносінамі, утвараючы адпаведныя звышказавыя рады аднародных кампанентаў. У межах такога рада Якуб Колас часцей за ўсё ўжываў выказнікі, якія адносяцца да агульнага дзейніка, размешчанага ў стрыжнёвым сказе. Гэтыя выказнікі выражаюцца ў асноўным дзеясловамі. Яны абазначаюць адначасовыя ці паслядоўныя дзеянні і аб'ядноўваюцца пры дапамозе бяззлучнікавай сувязі, прычым узмоцненае лагічнае і інтанацыйнае выдзяленне выказнікаў у такім разе вымагае арганізацыі шматчленага рада: *Шумнаю грамадою хлынула рабфакаўская братва, у выхад на сходы імкнецца. Штурхаецца, бурліць, жыве* (67). *Ціётка акуратненька злажыў Аленчын ліст і схваў. Устаў, прайшоўся па кватэры раз, другі* (73). *У школе Аленка не зводзіла часу дарма. Старанна слухала лекцыі, чытала кнігі...* (20). Пры асабліва развітых выказніках у структуры няпоўнасастаўнай канструкцыі звышказавы аднародны рад можа складацца з двух аднатыпных кампанентаў: *Я вельмі была рада, калі прыйшоў ліст ад цябе. Чытала яго многа разоў* (73). *Ціётка доўга праводзіў яе вачыма. Пазіраў у той бок і тады, калі даўно з вачэй знікла* (17). Сустрэкаюцца выпадкі, калі няпоўнасастаўная канструкцыя і стрыжнёвы сказ займаюць не кантактнае становішча, а раз'ядноўваюцца іншымі скаротамі: *Яна вярнула на другую вуліцу. Тут святлей і больш людна. Азірнулася яшчэ раз* (435). *Назаўтра ранічкаю прайшоўся Ціётка каля хаты, дзе жыла Аленка. Яе там не было. Вярнуўся яшчэ раз, а Аленкі так і не відаць* (9). Апрача бяззлучнікавай сувязі, у аповесці для прымацавання аднародных выказнікаў у звышказавым радзе спарадычна ўжываюцца злучнікі *ды, але, а то, наадварот*, пры якіх дзеянні ў рознай ступені супастаўляюцца паміж сабой: *Алесь многа меў сказаць чаго, але слоў не знаходзілася. Ды ўсё ж такі не стрымаўся і сказаў, але зусім не тое, што хацелася сказаць* (41). *Надумаўся Ціётка за навуку сур'ёзна ўзяцца. Але не ведаў як* (13). *Кладзёмся мы спаць вельмі позна... А то ўсё вучымся і чытаем шмат кніжак* (58). *Яна ніколеккі не шкадуе яго. Наадварот — глядзець на яго не хоча* (60). Іншы раз у якасці фармальнага сродка сувязі выступае мадальнае слова, напрыклад: *Залажыўшы за спіну рукі, Сымон хадзіў ад адной сцяны да другой. Відаць, думаў нешта* (69).

Неаднатыпнасць будовы праяўляецца ў тым, што няпоўнасастаўная канструкцыя паслядоўна падключаецца да стрыжнёвага сказа і фармальна не прыпадабняецца да яго кампанентаў. Яна складаецца з асобных словаформаў ці словазлучэнняў, што развіваюць змест стрыжнёвага сказа або поясняюць асобныя з яго кампанентаў і займаюць пазіцыю, якая там занята не суадноснымі з імі кампанентамі ці ўвогуле застаецца не занятай. Неабходна адзначыць, што гэтыя словаформы ці словазлучэнні могуць выступаць у ролі як галоўных, так і даданных членаў сказа. Галоўным членам звычайна бывае выказнік, які знаходзіцца ў структуры няпоўнасастаўнай канструкцыі і суадносіцца не з дзейнікам, а з

дапаўненнем стрыжнёвага сказа; гэты выказнік выражаецца дзеясловам або іменнымі часцінамі мовы, прымацоўваючыся да стрыжнёвага сказа злучнікамі або бяззлучнікавай сувяззю і рэалізуючы розныя віды далучальна-развівальных адносін: *Сцёпка спыніўся каля весніц і пазірае на Аленку, пакуль не знікне з вачэй. І не азірнулася нават* (13). *Сцёпка акінуў вачыма грамаду людзей... Чужыя, незнаёмыя, далёкія, неспагадлівыя, занятыя кожны сам сабою* (49). *Крыўдна стала Аленцы, хоць вазьмі ды заплач. Узыла кнігу, на двор выйшла, на прыгуменні ў зацішнае месца села. Разгарнула кнігу, водзіць вачыма па літарых, бачыць словы, цэлыя радкі, але ад гэтага чытання ў памяці нічагусенькі не застаецца...* (60). Неаднатыпная будова часам сумяшчаецца з аднатыпнай: *Сцёпка заўважыў бусла за сялом. Ляціць нізка над хатамі. Правёў вачыма бусла і таксама на Аленчыну хату глянуць не забуду...* (10).

Няпоўнастаўныя канструкцыі, якія маюць форму даданага членаў сказа, звычайна аб'ядноўваюцца са стрыжнёвым сказам далучальна-аб'ектнымі або далучальна-акалічнаснымі адносінамі (далучальна-атрыбутыўныя адносіны таксама патэнцыяльна магчымыя, але ў тэксце апавесці намі не выяўлены). Канструкцыя ў форме дапаўнення звязваецца са стрыжнёвым сказам праз апорны (кіруючы) кампанент, выражаны дзеясловам ці іншай часцінай мовы. Адметна, што такія канструкцыі звычайна з'яўляюцца асобнымі рэплікамі дыялагічнага адзінства, прымацаванне якіх рэалізуюцца пры дапамозе бяззлучнікавай сувязі. Развіваючы адна другую, гэтыя рэплікі служаць своеасаблівымі падхватамі, пры якіх наступная рэпліка разгортвае, дапаўняе або завяршае змест папярэдняй рэплікі. Асобае значэнне набывае ў такім разе актуальнае чляненне, таму што ў прымацаваных рэпліках тэма звычайна апускаецца і застаецца адна рэма. Самі ж рэплікі адрозніваюцца паводле камунікатыўнай накіраванасці змешчанага ў іх паведамлення: адна афармляе пытанне, у другой даецца лаканічны адказ на яго: *«Чым жа адрозніваецца чалавек ад скаціны?» — «Розумам»* (46). *«У чым жа віна яго?» — «Шта у чым»* (69). Дыялагічнае адзінства ў пытална-адказнай форме можа быць арганізавана не толькі з дзвюх, але і з большай колькасці паасобных рэплік, напрыклад: *«Я на яго трохі сярдзіта».*— *«За што?»* — *«За тое, што да гэтага часу не знайшоў ён мне прыцеля»* (79), дзе для больш дакладнай інфармацыі дапаўненне развіваецца прэдыкатыўнай часткай даданага тыпу. Канструкцыя ў форме акалічнасці звязваецца са стрыжнёвым сказам праз апорны (паясняемы) кампанент, выражаны дзеясловамі ці іншымі часцінамі мовы. Такія акалічнасці звычайна выражаюцца назоўнікамі ў форме ўскосных склонаў або прыслоўямі і прымацоўваюцца да стрыжнёвага сказа пры дапамозе бяззлучнікавай сувязі. Яны сустракаюцца ў пытална-адказных рэпліках дыялагічнага адзінства і часцей за ўсё абазначаюць месца дзеяння, радзей — спосаб, час і мэту дзеяння: *«А скуль жа сам?»* — *«З Заборцаў»* (46). *«А дзе ж вы вучыцеся?»* — *«На другім курсе рабфака»* (79). *«Сёння я паеду ў Мінск».*— *«Пяхотам?»* (37). *«Калі ты быў там?»* — *«Учора»* (38). *«А чаго ідзеш ты ў Мінск?»* — *«Вучыцца»* (46). У радзе выпадкаў прымацоўваецца не адна, а некалькі падобных акалічнасцей, якія абазначаюць неаднатыпныя сітуацыі, напрыклад: *«Як жа вы дабраліся?»* — *«На машыне».*— *«Так хутка?»* (72). Параўн.: *«А куды ідзеш?»* — *«У Мінск».*— *«У Мінск? Пяхотам?»* (46).

Няпоўнастаўныя канструкцыі аднатыпнай і неаднатыпнай будовы нярэдка сумяшчаюцца ў тэксце апавесці, уключаючыся ў яго злучнікавымі і бяззлучнікавымі сродкамі сувязі: *Я хачу вучыцца. А потым бы зной вярнулася ў вёску: працавала б у ёй. Ну, настаўніцай у школе* (78). *Сцёпка хацеў апісаць усё гэта і паслаць... Каму? Зной успомніў Аленку, а разам з гэтым адчуў і нейкую прыемнасць у сэрцы. Напісаць бы ёй пісьмо? І напіша, абавязкова напіша* (50). *Аленка пастаралася борздзенька і незаметна выйці, каб адной астацца. Не, не адной, а са Сцёпковым лістом. Бегучы на кватэру, некалькі разоў на канверт зірнула і толькі дома асцярожжэнька распячатала яго. На самы пачатак і на ка-*

нец ліста глянула (63). З прыкладаў відаць, што ўдакладняльны характар няпоўнасастаўных канструкцый, адрыў іх ад асноўнага выказвання дае магчымасць выдзеліць, напоўніць асобым сэнсам тое, што з'яўляецца надзвычай важным у паведамленні. Умелае вар'іраванне няпоўнасастаўных канструкцый у звязным тэксце садзейнічае эканомнасці выказвання і разам з тым сведчыць пра яго семантычную ёмістасць і высокую эмацыянальна-экспрэсіўную насычанасць. У выніку разгорнутае паведамленне становіцца больш аглядным і зразумелым, яму надаецца асобая імкліваасць і рэзкасць, падкрэсліваецца яго парывістасць, узмацняецца напружанасць, ад чаго ўзрастае інфарматыўнасць і павышаецца камунікатыўная дзейнасць самога паведамлення.

Валодаючы багатымі мастацка-выяўленчымі магчымасцямі, няпоўнасастаўныя канструкцыі актыўна выкарыстоўваюцца ў якасці такіх стылістычных фігур, як парцэляцыя. Яна індывідуалізуе мову аповесці, стварае спрыяльныя ўмовы пераймаць натуральнае разгортванне звязнага тэксту, калі ён фарміруецца па меры ходу думкі з адпаведнай актуалізацыяй асобных частак разгорнутага паведамлення для надання ім своеасаблівай лаканічнасці, выразнасці, змястоўнасці, эмацыянальнасці і дынамічнасці. Не выпадкова структурна-сінтаксічная арганізацыя звязнага тэксту з рацыянальным выкарыстаннем няпоўнасастаўных канструкцый служыць адным з вельмі важных сродкаў «стварэння асабліва сціслага і чоткага, адрывістага і чаканнага стылю мовы, тэндэнцыя да развіцця якога характэрна для нашай эпохі»³.

¹ Колас Я. Збор твораў: У 12 т. Мн., 1963. Т. 7. Далей спасылкі на гэта выданне даюцца ў дужках непасрэдна ў тэксце.

² Кузнецов В. В. // Проблемы языкознания и теории английского языка. М., 1976. Вып. 2. С. 240.

³ Прокопович Н. Н. // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 136.

М. Р. ПРЫГОДЗІЧ

СКЛАДАННІ З ПЕРШЫМ КАМΠΑНАМ-ПРЫСЛОЎЕМ У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

У помніках старабеларускай пісьменнасці вылучаецца значная колькасць складанняў, першым кампанентам якіх былі прыслоўі, а ў функцыі другой часткі выступалі іменныя і аддзеяслоўныя асновы. У семантычным плане гэтыя кампаненты былі нераўназначныя. Апорным, які меў асноўнае значэнне, з'яўляецца другі кампанент, у той час як першы выконвае дапаможную функцыю, удакладняе інтэнсіўнасць, меру, ступень і іншыя праяўленні прыметы, выражанай другой асновай: *А оно чимъ болей Гдь одкладаючи долготерпеливым себе противъ него показуетъ* (Макарый, 277); *въ року нинеидучомъ шестьдесятъ шостомъ* (Літ. мет., 846); *з присносущнымъ и животворящимъ его Дхомъ* (ЕК, 101); *ани ся до святокрадци иерея оферъ мешати* (Апакр., 1271—1272); *а то власне прикладомъ слепорожденнаго воженя* (Філіп., 84); *пописаны суть светки или згоды кратце, и ины сихъ вышеименованныхъ писмъ* (Скар., ПКЦ, Задв.); *дали новонаступающимъ паномъ... грошей зол. тысячу* (ИЮМ, X, 126).

Ужыванне такіх складанняў не абмяжоўвалася асобнымі жанрамі пісьменнасці. Яны шырока сустракаюцца як у помніках царкоўнай літаратуры, так і ў творах адміністрацыйна-юрыдычнага характару, перакладной і арыгінальнай літаратуры: *онъ же не знашедъ ея вопрошаше мимоходящихъ людей места того глаголя* (Скар., КБ, 70 адв.); *и во иныхъ всехъ многокозней оухищренія* (Катэхізіс, 194); *якъ на такиъ яко и тые гледети маю, на тые дармоеды* (Гіст. сл., VII, 247); *до завждыбытнои онои правдивой и бжественной светлости отошли* (ЕК, II, 6); *взяли*

ми жеребца шерстью гнедого доморосленого (АВАК, XXI, 16); якоже стья иконы, яже намъ оуказоуютъ стыхъ живонаписаныхъ¹ (Катэхізіс, 305).

Складаныя словы такога тыпу ўзнікалі на аснове ад'ектыўных канструкцый з прыслоўем у ролі залежнага кампанента. Гэтыя канструкцыі шырока ўжываліся ў помніках старабеларускай пісьменнасці і ў выніку зрастання кампанентаў лёгка маглі трансфармавацца ў цэльнааформленую лексічную адзінку². Матэрыялы «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» сведчаць пра фактычна неабмежаваныя магчымасці ўтварэння такіх словазлучэнняў (кампазітаў) у помніках старабеларускай пісьменнасці: *высоко парными... крылами* (Карповіч, 25); *очи глубоко запалые* (ГАВІІ, 342); *человекъ ... долго бывалый* (Еўлашоўскі, 159); *долго пожаданный свет* (ХЛЖ, 118); *завжды текучею рекою* (ЕК, 165 адв.); *по свежо умерлом короле* (ХЛЖ, 29); *знаменіе верху явленое* (Катэхізіс, 326); *вышей помененого лукаша мамонича* (КЛС, 14 адв.).

Да ліку найбольш прадуктыўных адносяцца складанні з першымі кампанентамі *мало-, много-, ново-, выше-, ниже-, живо-*.

Асаблівай разнастайнасцю вызначаюцца кампазіты з антанімічнымі кампанентамі *мало-* і *много-* са значэннем меры і ступені праяўлення прыметы: *малобачные поступки* (Апакр., 1040); *малогоднымъ богомолцемъ* (Там жа); *малозрачнии ... мужъ* (ТТ, 277); *мало вдячнымъ словомъ* (Макарыі, 358); *на берегахъ мало известныхъ* (АС, V, 83); *мало мощную и худо умную персону* (Карповіч, прадмова); *будучи ... малоуметнымъ* (Пыт., 95); *многогрешный слуга* (Пацей-І, 987); *много желанного подражателя* (Лякарства, 123); *много мечтанное богатство* (Там жа, 125); *овца многоплодна* (Карповіч, 10); *многоплетенныя сети* (Цудатворац, 100); *многослынущихъ местъ* (Пыт., 23); *житіе ... многострадальное* (Філіп., 120); *Иовъ многотерпеливый* (Макарыі, прадмова); *не гледи на жену многохтивую* (Скар., ІСС, 17).

Складаныя словы з гэтымі кампанентамі шырока ўжываюцца і ў сучасных усходнеславянскіх мовах. Прычым колькасць іх пастаянна ўзрастае, асабліва ў сферы тэрміналагічнай лексікі. Параўн.: руск.: *малоактивный, маловесный, малогрузный, малозастроенный; многозвучный, многоковшовый, многомерный*; бел.: *мнагажыльны, мнагазорны, мнагамэтавы, мнагасторны, мнагавалентны, мнагалямешнік, мнагаплямённы, мнагаразцовы, мнагастаронні, мнагачайночны* і інш.

У народных гаворках кампазіты з першымі кампанентамі *мала-* і *многа-* сустракаюцца абмежавана: *малоедны* (Тур. сл., ІІІ, 63); *маласолкі* (СГЦРБ, І, 223), што, відавочна, можа сведчыць аб кніжным характары такіх складанняў.

У помніках старабеларускай пісьменнасці вылучаецца шматлікая група складанняў з першым кампанентам *ново-* (*нава-*), які перадаваў часавую характарыстыку прыметы, выражанай другой асновай. Сярод кампазітаў з гэтым кампанентам выразна выдзяляюцца дзве падгрупы. Першую з іх, колькасна нешматлікую, утвараюць складанні, семантычна звязаныя з рэлігійнымі паняццямі. Яны адносяцца да ліку найбольш старажытных утварэнняў і характэрны помнікам самых разнастайных жанраў, хоць першапачаткова і былі традыцыйным сродкам агіяграфічных твораў: *новозачатый ... младенець* (Катэхізіс, 303); *новоосвященному митрополиту* (АЗР, ІV, 27); *новоначальным подвижникомъ* (Карповіч, 20); *на новапросвещенных люд* (Соборник, 38); *зноворожденного дитяти* (ГАВІІ, 14); *царя новорожденного* (В неделю, 301); *о новосотворенной звезде* (Скарына, 63).

Другую, надзвычай распаўсюджаную ў помніках дзелавага зместу, падгрупу ўтвараюць складанні, звязаныя з гаспадарчай дзейнасцю чалавека. Многія з іх адносіліся да сферы старажытнага земле- і лесакарыстання, а таксама тэрытарыяльнага падзелу: *нововзниклую ... архимандрію* (АС, ІІ, 53); *не ново впроваженный закон* (ГАВІІ, 128); *статутъ правъ нововчиненыхъ* (Літ. метр., 341); *въ «Требнику» нововыданомъ* (Гармонія, 197); *копца новозасыпаного* (АВАК, ІІ, 70); *о календару но-*

возмышленом (ХЛЖ, 126); свиренъ ... новонаправленный (АВАК, XI, 50).

Складанні з першым кампанентам *ново-/нава-* ў сучасных усходнеславянскіх мовах асаблівай прадуктыўнасцю не вызначаюцца. Пераважная большасць з іх адносіцца да тэрміналагічнай лексікі. Тыя ж адзінкі, якія захаваліся ад старажытных часоў, зараз выкарыстоўваюцца як стылістычна маркіраваныя сродкі мовы; у слоўніках яны прыводзяцца з паметамі «размоўнае» або «ўстарэлае»: *навабранства, новазапаветны, новаспечаны*.

У помніках старабеларускай пісьменнасці сустракаюцца складанні з першай часткай *веле-*, якая перадавала ступень праяўлення прыметы, названай другой асновай: *велелепныя ... добродетели* (Соборник, 29); *велелепнымъ гласомъ* (Катэхізіс, 201); *велемовная спростность* (Лякарства, 116); *велемовство, жарты* (Навука, 56); *велемовцею его ... зваты почали* (Пралог, 560 адв.); *велеречиво молиться* (Каліст, I, 32 адв.); *велеречия не имети* (Чэцця, 166—166 адв.); *одъ велеяности вашихъ* (АВАК, I, 330); *не буди велеречивъ* (Скар. ІСС, 14 адв.).

Неабходна адзначыць, што для старабеларускай мовы быў характэрны традыцыйны набор складанняў з першым кампанентам *веле-*. Абсалютная большасць гэтых кампазітаў адзначаецца ў самых ранніх усходнеславянскіх пісьмовых крыніцах. Параўн., напр., у «Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.»: *велегласие, веледушно, веледельяне, велемудрый, велеречивый, велеславие, велехвала, велеядение* і інш.³

У сучаснай беларускай літаратурнай мове кампанент *веле-* ў складзе кампазітаў не ўжываецца. З пэўнай стылістычнай нагрукі такія складанні выкарыстоўваюцца толькі ў рускай мове: *И корреспондентка заключает, что рабочие не клюют на велеречивые обращения, даже если те, кто их распространяет, зовутся гайслерами и приезжают с Запада* (Правда, 19 лютага 1990 г.).

Указанне на лакальныя ўласцівасці прыметы, названай другой асновай, выражалі ў складзе кампазітаў кампаненты *верху-, выше-, вышней-, вышъ-, ниже-, нижей-*: *тыхъ озеръ верхуписаныхъ* (РПП, 295); *артикулу вышеприпомненого* (Апакр., 1094); *до вышевспомненных семи прикладовъ* (Там жа, 82); *въ тяхъ часехъ вышейзамероныхъ* (Ст. 1588, 172); *вышъменованого Ивана Гоголя* (АЗР, III, 302); *вси вышобжалованные законники* (АВАК, XV, 269); *нижевписаную интерцизу* (Апакр., 1100); *обычаемъ нижеописанымъ* (Там жа, 1137—1138).

Кампазіты гэтай словаўтваральнай мадэлі як спецыфічны сродак канцылярскага стылю без асаблівых змен захаваліся і ў сучасных усходнеславянскіх мовах. Параўн.: бел. *вышэйадзначаны, вышэйапісаны, вышэйзаданы, вышэйназваны, вышэйсказаны, ніжэйназваны, ніжэйпадпісаны, ніжэйуказаны*; руск. *вышеизложенный, вышеотмеченный, вышеупомянутый, нижеприведённый, нижеуказанный, нижеупомянутый*; укр. *вищезазначений, вищеописаний, вищенаведений, нижчевикладений, нижчеподаний, нижченазваний, нижчепойменованый, нижчезгаданий* і інш.

Адно з найбольш старажытных і шырока распаўсюджаных груп у помніках пісьменнасці ўтвараюць складанні з першым кампанентам *живо-*: *живодавнюю смертью* (Карповіч, 20); *живодателного сего хлеба* (ЕК, 97); *офера живоюзакалаема* (Каз. Кір., 84 адв.); *живоначалное троицы* (Скарына, 69); *живоносному гробу* (Там жа, 156); *живописательное Художество* (Лексикон, 8); *Маляръ, живописецъ* (Бярында, 43); *з каменя животворного* (Макарый, 226); *животворящего древа* (ХЛЖ, 54); *вода солодная и животекучая* (ЕК, 166); *напиткомъ животоцнымъ* (Там жа, 165 адв.).

Кампазіты гэтай групы першапачаткова выкарыстоўваліся ў творах агіяграфічнай і рэлігійна-дыдактычнай літаратуры і толькі пазней сталі пранікаць і ў іншыя помнікі пісьменнасці. Аднак і ў апошніх яны ўсё ж захоўвалі сваё «высокае» семантыка-стылістычнае прызначэнне. Ярка выражанае кніжна-літаратурнае гучанне маюць падобныя кампазіты і ў сучаснай беларускай мове. Параўн.: *За гарой за другой дам жывы ва-*

дапой, Жыватворнае кожнаму зелле (Я. Купала); Жыватворчая надзея зямлю абняла (Я. Колас); Усюды я адчуваў пах мяты, жыватворны водар мае радзімы (А. Кулакоўскі); Малюнак хоць звычайны і не новы — Ён нагадаў мне май той жываплынны (М. Рудкоўскі).

Да ліку старажытных адносяцца і кампазіты словаўтваральнай мадэлі «прыслоўе *мимо* + аддзеяслоўная аснова...», якія генетычна ўзыходзяць да свабодных сінтаксічных канструкцый тыпу *мимо* *идти*. Апошнія пад уплывам адпаведных калек з грэчаскай мовы ў агульнаўсходнеславянскі перыяд трансфармаваліся ў складанні нахштальт *мимо* *вести*, *мимо* *грясти*, *мимо* *нести*, *мимо* *течи*, *мимо* *хождение*, *мимо* *ходъ* (прохожий), *мимо* *хотение* і *инш.*⁴ Аднак у помніках старабеларускай пісьменнасці складанні з гэтым кампанентам шырокага развіцця не атрымалі, намі зафіксавана толькі некалькі слоў на *мимо*: *слава си есть . . . и не временная, тленная, мимотекущая, но вечная* (Філіп., 122); *и мимошедшее честию* (Катэхізіс, 166); *мимотекущий, мимоходящий* (Лексикон, 14); *Время . . . мимошедшее* (Сматр., 75). У сучаснай беларускай мове з першым кампанентам *мимо*- часцей ужываюцца складаныя прыслоўі, якія большасцю даследчыкаў прызнаюцца як спецыфічны сродак жывога народнага маўлення⁵: *Так і цяпер, хоць мімаходам, Каб папярэдзіць зло спакус, Яна заўважыла: «Мікодым, А для чаго задраў ты вус?»* (Я. Колас); *Уранні мімаездам залучыла была ў Сівец райжанарганізатар* (М. Зарэцкі); *Бараноўскі можа мімаходзь раздавіць і не азірнецца. Мімалётна лавіла пагляды Алеся на яе* (І. Новікаў).

Часавая характарыстыка прыметы, выражанай другой асновай, укажанне на пастаянства або працягласць праяўлення прыметы перадаваліся кампанентамі *близко*-, *завжды*-, *недавно*-, *скоро*:- *на близко-прошломъ сейме* (Апакр., 1050); *близконаступуючую комысию* (ИЮМ, IV, 74); *на тотъ рокъ близкопридучий* (АВАК, XXI, 61); *завждыбытное правдивое оное слово Отчее* (ЕК, 165 адв.); *на завждытвруючую любов...* (Там жа, 98); *недавно-прошлое войны* (АЗР, V, 24); *въ недавнопрошлыхъ часехъ* (Філіп., 49); *скоротечными молитвами* (Судатворац, 23).

У сучаснай беларускай літаратурнай мове кампазіты з кампанентамі *близко*-, *завжды*-, *недавно*- не ўжываюцца. Відавочна, што і ў помніках старабеларускай пісьменнасці яны ўспрымаліся неадназначна: або як неадэкватныя польскаму арыгіналу пераклады словазлучэнняў (параўн. у «Апакрысісе» Хр. Філалета: *на близкопришлымъ* — па *blisko przyszlum*), або як спецыфічныя аўтарскія ўтварэнні (напр. у «Евангеллі вучыцельным Калісты» 1616 г.: *завждыбытна* і пад.).

Кампанент *скоро*-, хоць і сустракаецца ў некаторых сучасных складаннях, але ён усё больш паслядоўна замяняецца пазнейшым па часе ўзнікнення беларускім эквівалентам *хутка*-. Параўн.: *На гэтай яблыні — скараспельны салодкія яблыкі* (Я. Колас); — *Я як жа ж, дала вялікі ахапак дзяцельніку, — скарамоўна адказала Зося* (Ц. Гартны); *А калі ўлічыць, што мучныя вырабы — як скарасавальныя і непрыгодныя да працяглай транспарціроўкі складаюць тут невялікую долю, то атрымліваецца, што цукерак вывозіцца больш чвэрці ўсёй колькасці* (Чырв. змена); *Каб праз хмараў вячыстых спляценне і гадоў хуткаплынны паток Не пыталіся гордыя цені Нас з маўклівым дакорам: «Вы хто?»* (Н. Гальпяровіч); *З тых далёкіх часоў хуткацечных Я наверыў, што мы — землякі* (П. Пруднікаў).

У народных гаворках у складзе кампазітаў паслядоўна выкарыстоўваецца кампанент *скоро*:- *скараспейка* (Сл. пагранічча, IV, 439); *скороспейка, скороспелка, скороспешно, скорохватом* (Тур. сл., V, 47). Параўн. таксама: *барздаспейка* (СГЦРБ, I, 36).

У помніках старабеларускай пісьменнасці вылучаецца невялікая група ад'ектыўных словазлучэнняў з першым кампанентам-прыслоўем *свежо*:- *пять ульевъ пчолъ, на корень тое прошлое нocy свежо выдраные* (АВАК, XVIII, 240); *для свежо оучиненого чуда* (ЕК, 92); *пневъ дерева соснового свежо порубаного и зъ лесу вывожоного . . . налилшъ есьми деветь-десять* (АВАК, VIII, 75). Развіццё гэтай канструкцыі ў гіс-

торы і беларускай мовы адбывалася ў напрамку паступовай лексікалізацыі кампанентаў, іх зрашчэння ў цэльную кампазітааформленую адзінку. Хоць гэты працэс яшчэ і не завяршыўся, аднак у сучаснай беларускай мове, як і ў іншых усходнеславянскіх мовах, перавага аддаецца кампазітааформленым канструкцыям. Параўн.: *пнянёк свежаспіленага дрэва* (М. Лобан); *свежанамытая падлога* (Я. Верабей); *свежанатоўчаная бульба* (П. Броўка); *на свежасчырванелым твары сержанта* (В. Быкаў); *свежаацёсаныя бяргвенні* (І. Мележ); *на чорнай, свежа нафарбаванай дошцы* (К. Каліна); *свежа-жоўтыя брусы* (В. Адамчык).

Старабеларускай пісьменнасці былі ўласцівы таксама і кампазіты з іншымі прыслоўнымі кампанентамі, якія выкарыстоўваліся ў адзінкавых прыкладах і не вызначаліся асаблівай прадуктыўнасцю. Сярод іх можна адзначыць наступныя: *реки быстроточные* (В неделю, 305); *высокопарного орла* (Карповіч, 7); *обстояние: околичность, вколостоянье* (Бярында, 193); *долготерпеливого Бога* (ЕК, 173); *два вола ... доморослыхъ* (АВАК, XVIII, 75); *косноречивый язык* (КМС, 280); *сына марнотравного* (В неделю, 304); *светлосіающаго Сампсона* (Філіп., 121).

Большасць з гэтых складанняў у сучаснай беларускай мове не ўжываюцца. Пэўную прадуктыўнасць захавалі толькі кампазіты з першым кампанентам *дама-* (*дамаводства, дамарослы* (і *дамарошчаны*), *дамасед, дамаатканка, дамаатканы* і інш.).

З другога боку, пад уплывам гэтых і іншых складанняў у працэс кампазітаўтварэння ўключаюцца ўсё новыя і новыя прыслоўі. Фактычна любое прыслоўе (асабліва на суфікс-канчатак *-а(-о)*) здольна ўступаць у словаўтваральныя сувязі з аддзяслёўнымі асновамі. Параўн.: *Але і тут 12 красавіка 1919 года браканьеры забілі апошняга вольнажывучага зубра* (Мін. праўда); *З гладкапісцамі толькі Не спаборнічай я і не буду* (М. Танк); *Супрацоўнікі міліцыі, якія следавалі за натоўпам, праз гучнагаворачыя дынамікі не раз прапаноўвалі развісціся, не ствараць перашкод для руху транспарту* (Звязда); *Дзень прайшоў дамасідна* (Я. Драздовіч); *Дзікарослая рыба расце вельмі марудна* (Чырв. змена).

Асабліва сцю складанняў з прыслоўямі ў якасці першай асновы ў помніках старабеларускай пісьменнасці з'яўляецца тое, што другія іх кампаненты ў сваёй большасці маглі яшчэ ўжывацца як самастойныя лексічныя адзінкі (*взниклый, описанный, речивый, текущий, шедший* і інш.). У сучаснай беларускай літаратурнай мове гэта назіраецца значна радзей, хоць і тут сустракаюцца выпадкі далёка не адэкватнай семантычнай спаянасці кампанентаў складання (параўн.: *вышэй згаданы — быстралетны, мелкапасаджаны — дзікарослы, вечназялёны — шумнацены, цяжка паранены — гучнабежны* і да т. п.).

Нельга не адзначыць і той факт, што некаторыя словаўтваральныя мадэлі з першым прыслоўным кампанентам ужо ў помніках старабеларускай пісьменнасці выяўляюць імкненне да тэрміналагізацыі. Асабліва гэта датычыцца складанняў з першым кампанентам *ново-*. У выніку выкарыстання ў тэрміналагічных мэтах новым значэннем напоўніліся старадаўнія словаўтваральныя мадэлі кампазітаў з прыслоўямі *много, мало, скоро* ў якасці першай асновы: *малавыгадны, маладойны, малазмяшчальны, мнагааклетачны, мнагалямповы, мнагаслойны, мнагашпіндэльны, многаатамны, мнагавалентны, скараплодны, скарастрэльнасць, скоравысыхаючы, скорамаразільны, скорайздымнасць* (параўн. таксама: *хуткабежны, хуткадрукавальны, хуткарастваральны, хуткаспелы, хуткарэзны*) і інш.

¹ Параўн.: *живо*, нар. а) сходно, точно; б) очевидно, ясно (СЦСРЯ, I, 849).

² Гл.: Журавский А. И. // Проблемы лексикологии. Мн., 1973. С. 35.

³ Гл.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1988. Т. 1. С. 378 і далей.

⁴ Гл.: Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М., 1989. С. 54.

⁵ Там жа. С. 44; Шуба П. П. Прыслоўе ў беларускай мове. Мн., 1962. С. 168.

СЛОВЫ СА ЗНАЧЭННЕМ 'РАДЗІМА' У БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ ХІХ—ХХ стст.

Аналізуючы структуру сучаснай паэтычнай «мадэлі свету», беларускія літаратуразнаўцы як асноўнае, найбольш істотнае адзначаюць: «Тут існуе Сусвет і Зямля, і самае блізкае месца на Зямлі — Беларусь, і яшчэ больш канкрэтна — родны кут, мясціна продкаў і бацькоў...»¹ Менавіта адчуванне Радзімы, сваіх вытокаў — вызначальная прымета беларускай паэзіі сучаснасці. Гэтыя ж пачуцці ў ХІХ — пач. ХХ ст. узнялі беларускую інтэлігенцыю на адраджэнне нацыянальнай культуры. З таго часу і бярэ адлік новы этап у нацыянальна-літаратурным развіцці беларускага народа. Паэзія той пары аказала значны ўплыў на фарміраванне беларускай літаратурнай мовы, распрацавала яе агульнаўжывальныя сродкі мастацкай выразнасці.

Беларуская дакастрычніцкая паэзія развівалася ў трох магістральных накірунках — рэалістычны паказ цяжкага паднявольнага жыцця; стварэнне яркіх лірычных пейзажаў, сугучных унутранаму светаадчуванню паэтаў; выкрыццё ў палкіх абвінавачвальных творах грамадзянскай лірыкі сацыяльнай няроўнасці, заклік народа да барацьбы за нацыянальнае і сацыяльнае вызваленне. Усё гэта ўвасобілася ў пераканаўчыя паэтычныя вобразы, створаныя на лексічнай аснове жывой гаворкі і вусна-паэтычнай творчасці народа. Карыстаючыся мастацкімі рэсурсамі розных лексіка-семантычных груп (ЛСГ), дакастрычніцкая паэзія апавядала пра светаўспрыманне і вераванні сялян, іх побыт і гаспадарчую дзейнасць, пра асаблівае тагачаснага ладу, апісвала навакольную прыроду, звярталася да пачуццёвай сферы чалавека. Але бадай ці не самай значнай, глабальнай паўстае ў ёй тэма Радзімы. Вобразна-сімвалічнае адлюстраванне гэтай тэмы ў літаратуры выклікала неабходнасць выкарыстання адпаведнай лексікі. Частотнасць і функцыянальныя адметнасці ўжывання слоў, аб'яднаных агульным значэннем 'Радзіма', з'яўляюцца паказчыкам узроўню развітасці аўтарскай літаратуры і нават таго, у якой меры на той час народ усведамляў сябе нацыяй. Як трапна заўважае У. Каваленка, «паэтычнае ўяўленне пра родную зямлю — гэта важны духоўны набытак народа. І ўзнікае яно не адразу. Патрэбна не толькі гаспадарчая, але і ўнутраная абжытасць мясцовасці, каб яна выклікала эмоцыі замілавання»². Гэта якраз і прасочваецца ў беларускай паэзіі ХІХ—ХХ стст.

Група намінацый для абазначэння паняцця 'Радзіма' ў дакастрычніцкай паэзіі таго часу акрэсліваецца галоўным чынам наступнымі словамі: *край, старонка, старана, краіна, кут, куточак, Беларусь, Беларускашчына, бацькаўшчына*. Сярод іх першае месца па ўжывальнасці займае лексема *край*. Звычайна ў тэкстах яна дапаўнялася традыцыйным эпітэтам *родны* або азначэннем *мой*. Дарэчы, гэтыя эпітэты-азначэнні маглі дапасоўвацца і да іншых кампанентаў ЛСГ 'Радзіма': *старана, старонка, кут, куточак* і інш.:

Люблю наш *край* — *старонку* гэту, // Дзе я радзілася, расла, // Дзе першы раз пазнала шчасце, // Слязу нядолі праліла (К. Буйла. Люблю);

Я цвёрда, шчыра веру, // Я веру усёй душой, // Што ўстанеш ты з няволі, // *Край* родны, мілы мой (Я. Журба. Да роднай краіны).

Азначэнне *мой* увайшло і ў своеасаблівы купалаўскі аказіяналізм *мой дом* 'Радзіма'. Гэтым словазлучэннем паэт назваў свой верш, надаўшы яго назве анафарыстычнае гучанне: тут значэнне 'будынак для жылля' пашыраецца да значэння 'Радзіма, яе тэрыторыя, паветра, прырода, гісторыя'. Я. Купала стварыў і яшчэ адзін семантычны аказіяналізм для абазначэння радзімы — словазлучэнне *бацькаўскія гоні*. Я ад вас далёка, *бацькаўскія гоні*, // На чужое неба ўжо гляджу сягоння. // Але думкай, сэрцам толькі вас я знаю, // Як і жыў, жыву я ў сваім родным краі. (Я. Купала. «Я ад вас далёка...»).

Сустракаюцца выпадкі, калі намінацыі радзімы выкарыстоўваюцца ў паэтычным тэксце групамі ў два-тры словы. Такім чынам ствараюцца эфектныя лексіка-семантычныя паўторы: Чаму агарнулі так цяжкія думы? // Чаму яны сэрца шчымяць? // У нашай *старонцы*, у нашай *айчызне* // Нам шкодныя злыдні скігляць. // Як жалкі і брыдкі, усе ворагі злыя, // Вы роднаму *краю* майму! (Я. Журба. За айчызну).

Уласнае найменне *Беларусь* сустракаецца радзей у параўнанні з іншымі словамі адзначанай ЛСГ. Яно стала пашырацца ў паэтычных творах ужо толькі ў апошнія перадакастрычніцкае дзесяцігоддзе як сведчанне росту нацыянальнай самасвядомасці народа і яго нацыянальнага самавызначэння: Дружна, брацця, будзьма ў згодзе, // Ці ў нядолі, ці ў прыгодзе, // І злучэмся ў шнур, як гусі, // На дабро усёй *Беларусі*. (Г. Леўчык. Дружна, брацця!..); — Гэй, чалом табе, чалом, *Беларусь*, // Уся *староначка* бяздольная! // Не забуду твой сын сваёй *маці*, // За цябе у зямлі яму ляжаці (М. Багдановіч. Як Базыль у паходзе кранаў).

У першыя паслякастрычніцкія гады Я. Купала папоўніў ЛСГ найменняў Радзімы яшчэ адным сэнсавым ёмістым семантычным аказіяналізмам — *спадчына*. У паэтычным кантэксце агульнавядомае слова, захоўваючы сему прамога значэння (‘тое, што перададзена папярэднікамі’), пашыраецца, нават «узбуйняецца» аказіянальнай семай, якая ўключае ў межы ўласнасці нацыянальную культуру ва ўсіх яе праявах. Заклучныя радкі абагульняюць і адначасова канкрэтызуюць значэнне семантычнага наватвора: Завецца ж *спадчына* мая // Усяго *Старонкай Роднаю* (Я. Купала. Спадчына).

Безумоўна, удала выкарыстаны вобразна-сэнсавы патэнцыял слова *спадчына* паспрыяў наватарскаму падыходу ў адлюстраванні Я. Купалам тэмы Радзімы: «Тэма бацькаўшчыны, яе вытокаў, тэма каранёў у сучаснай беларускай літаратуры мае пачатак тут, у цудоўным Купалавым творы»³. Пад уплывам адзначанага вобразна-сімвалічнага ўжывання ў беларускай літаратурнай мове замацавалася наступнае значэнне лексемы *спадчына*: ‘з’явы культурнага жыцця, быту, якія ўспрыняты ад папярэдніх дзеячаў, ад мінулых часоў’⁴.

У 20—30-я гады ў выніку пэўных сацыяльна-палітычных змен у жыцці краіны ЛСГ найменняў радзімы папоўнілася новымі адзінкамі *Рэспубліка*, *БССР*, *СССР*, *дзяржава*: Хто можа поўзаць — той хоча кусаць. // *Рэспубліка гэта чуже*. // Калі паўзуна не падолею сам, // *Рэспубліка* падмацуе. (М. Лужанін. Смешная геральдыка); Сцяг чырвоны над Мінскам, // А з ім гімн міжнародны... // Абвяшчэнне Саветаў: // *БССР* быць свабоднай... (Я. Купала. Летапіснае). Актывізавалася ўжыванне слова *Радзіма*: Прачнуліся рана, усталі на зорцы, // Песняю славім *Радзіму і Сонца*. (Я. Пушча. Радзіма); *Радзімы* схоў вартуёце, маткі, сёстры! // Я з грамадой іду па шчасце нам. (У. Жылка. Меч). Частотнасць лексем *старана*, *старонка* знізілася, а лексемы *Беларусь*, наадварот, узрасла: Чалом, чалом // Узгоркі і даліны, // *Малінавыя далі Беларусі!* (З. Бядуля. Вандроўка); А тут жыве крывёю вымытае цела — // *Працоўных Беларусь*... (М. Чарот. Разбуджаная); *О Беларусь!* Я на цябе малюся, // Тваім шляхам — // прыйду ў шырокі свет... (У. Дубоўка. Не трэба мне пяць на Беларусі?..). Акрамя шырокаўжывальнага эпітэта *родны*, паэты пачалі выкарыстоўваць эпітэты *савецкі*, *новы*, *свабодны*, *вольны*: *Савецкі край*. Ты мілы сэрцу, // Да працы ты даеш нахвненне (М. Чарот. Я ўспамінаю год дваццаты); Пад сонцам *край*, // *Свабодны край* // Тане ў магутных пералівах. (П. Трус. Май); *Новы край* тут паўстаў з навальніцаў, // Забурлілі другія крыніцы // На шырокай *Савецкай мяжы* (Я. Колас, Краіне Саветаў). Пашырылася ўжыванне эпітэтаў-стваральнікаў эфекту значнасці, «касмічнасці» сацыяльных перамен: *неабсяжная зямля*, *бязмежны край*, *вялікі край*, *краіна росквіту* і інш.

У перыяд пайцяжэйшага для краіны выпрабавання — Вялікай Айчыннай вайны — трагізм падзей вымушае пазбыцца ў паэзіі святочнасці,

часам празмернай дэкларатыўнасці, вярнуцца да спрадвечных духоўных каштоўнасцей. Тэма Радзімы, Бацькаўшчыны набывае асабліва шчымлівае гучанне. Адбываюцца пэўныя зрухі ў спосабах, прыёмах выкарыстання лексікі. Склад найменняў, аб'яднаных значэннем 'Радзіма', істотна не змяняецца, але найбольшую частотнасць атрымліваюць традыцыйныя для беларускай паэзіі словы-сімвалы *зямля, кут, дом, край, старонка*, а таксама параўнальна новае слова *Радзіма*. Характэрным для гэтага перыяду з'яўляецца і вяртанне да традыцыйных вобразна-эпічных сродкаў: *Краіна мая, радасць мая, // Песня мая маладая! // Па нівах тваіх, па тваіх гаях // Сынава сэрца рыдае* (П. Панчанка. Краіна мая); *Там воранаў чорныя хмары // Над шыбеніцамі крычаць. // Хутчэй, не спыняйся, таварыш, // Ідзі Беларусь вызваляць!* (М. Танк. Байцу Беларускага фронту).

Сярод навацый гэтага часу неабходна адзначыць ужыванне ў якасці вобразаў Радзімы ўласных назваў мясцін нараджэння лірычнага героя. Гэтая тэндэнцыя асабліва пашырылася з 50-х гадоў. Так, у творах Н. Гілевіча стаў часта ўпамінацца тапонім *Лагойшчына* і яшчэ больш дакладны адрас — *Слабада*, у творах Р. Барадуліна — *Ушаччына*, у П. Прыходзькі — *Магілёўшчына, Хоцімск, Альшоў*, у М. Мятліцкага — *Бабчын, Літавец*. Палешукі А. Грачанікаў і У. Верамейчык актыўна карыстаюцца тапонімамі *Палессе*; акрамя таго У. Верамейчык звяртаецца да назваў палескіх гарадоў *Мазыр, Рэчыца, Нароўля, Тураў, Любань*. А. Грачанікаў жа неаднаразова ўпамінае сваю вёску *Шарпілаўка*. Па сутнасці кожны з беларускіх паэтаў у большай ці меншай колькасці твораў аддае дапаўняючы родным мясцінам — вёскам, мястэчкам, гарадам: *Гудзевічы, род мой незабыты, // беларуская мая сям'я* (Л. Геніюш. Гудзевічы); *Бор, палеткі, гаі, // Песня родная матчына, // Кут бацькоўскай зямлі, // Дарагая Ушаччына* (П. Броўка. На родных мясцінах);

З маіх далёкіх *Глыбачкі і Хоціна // Паўзуць у Мінск вятры-лесавікі* (С. Законнікаў. Капаюць бульбу землякі); *Знаю, ні ў якой старонцы далёкай: // Тут мне якраз нарадзіцца было! // Услухайся ў назвы: Яголін, Агова, // Гойнава, Гуслікі, Горбень, Звінчо — // Тут, дзе ласкава павераць на слова, // Але правераць затым на плячо* (Я. Янішчыц. Тут).

Такое масавае «паломніцтва» аўтараў да мясцін свайго дзяцінства, на зямлю сваіх бацькоў і продкаў к сярэдзіне 70-х гг. увасобілася літаратурнаўцамі ў тэрмін «малая Радзіма». У беларускай паэзіі гэтая з'ява шырока распаўсюджана па аб'ектыўных прычынах: традыцыйная вёска, як і раней, жывіць, фарміруе нацыянальную культуру, асабліва мову і літаратуру.

Напрыканцы 80-х гг. вызначаная тэндэнцыя характарызуе асабліва так званую маладую беларускую паэзію: *Ткала ўборы зіма. Не даткала // Пад завейную песню вятроў. // Дрэмле вёска мая Матыкалы // У палоне глыбокіх снягоў* (М. Горба. Ткала ўборы зіма...); *Хто з Масквы, а хто з Растова, // Ну, а я, браткі, з Хрыстова* (Я. Малец. Хто з Масквы, а хто з Растова...); *Праз родныя Чайнышкі, праз гады // Свяча струменіць, рэчка-чараўніца* (А. Бабаед. Вяселькавы міраж).

Традыцыйным становіцца ўжыванне назваў мясцін, звязаных з жыццём і дзейнасцю прызнаных беларускіх класікаў: *Вязынка* — Я. Купалы, *Кушляны* — Ф. Багушэвіча, *Ракуцёўшчына* — М. Багдановіча і г. д. У паэтычным кантэксце гэтыя назвы сімвалізуюць нацыянальную культуру, яе важнейшы элемент — мову: *Чужынцы на сваёй зямлі, // Мы да мяжы апошняй падышлі, // Адрынутыя небам і вадою, // Шляхі свае пазначылі бядою. // Над Мілавідамі агонь пагас. // Спіць Вязынка. // Маўчаць Кушляны. // О як яшчэ зямля трывае нас, // Цельпукаватых і ачарашляных?!* (М. Пракаповіч. І час прыйшоў...).

Такім жа чынам выкарыстоўваюцца назвы іншых беларускіх гарадоў і вёсак, звязаных з імёнамі спадчынцаў і захавальнікаў беларускай культуры. Вобразна-сімвалічнае ўжыванне такіх назваў патрабуе матывацыі непасрэдна ў кантэксце ці ў эпіграфе. Напрыклад, Г. Пашкоў прысвяціў беларускаму паэту К. Цвірку верш «Зялёная Дуброва», названы

паводле назвы вёскі, у якой К. Цвірка нарадзіўся (успомніш, // любімае мамкі апроч, // І вершы // дубровенца Цвіркі). Н. Гальпяровіч да свайго верша «Летняй спякотай пад вокны прыйду...» падае эпіграф-прысвячэнне: «Мары Рыгораўне Трафімавай, спявачцы народных песень з г. п. Ушачы». Гэта інфармацыя стварае ідэйна-тэматычную аснову лірычнага твора, вызначае вобразны змест і характар яго паэтычнага ўвааблення: Песня над вулкай ушацкай плыве. // Нельга іначай. // Покуль «шчэ песня ў народзе жыве», // Будуць *Ушачы*. // Будуць узгоркі, пралескі, бары, // Лёт аблачыны, // Водар ад траў сенакоснай пары, // Будуць *Айчына*.

Назва канкрэтнага населенага пункта ўжываецца як сімвал Радзімы. Гэта тэндэнцыя спалучаецца з вяртаннем ў паэзію гістарычных назваў — *Менск, Гародня, Навагарадак, Слуцк, Бярэсце* і інш., прычым не толькі ў творах на гістарычную тэматыку.

З традыцыйных найменняў радзімы сучасная паэзія аддае перавагу словам *Беларусь, Айчына, Бацькаўшчына, край*, словазлучэнню *Белая Русь* — лексемам з ярка выражанай матывуючай асновай: Збераглі нашы продкі *Айчыну*, // Нашу мову для нас збераглі... (В. Шніп. *Беларусы*); *Беларусь!* Душы маёй калыска! // Возера лілейнага святла! (Л. Рублеўская. На шляху *Продкаў*).

Такім чынам, ЛСГ намінацый Радзімы вызначаецца стабільнасцю свайго складу, хоць з часам адбывалася папаўненне гэтых намінацый за кошт паэтычнага пераасэнсавання лексем іншых груп. Больш прыкметнымі з'яўляюцца зрухі ў частотнасці ўжывання гэтых намінацый, спосабах і прыёмах іх мастацкага асваення. Важнасць тэмы Радзімы ў беларускай паэзіі вызначае адносна высокую частотнасць ужывання ўсіх адзначаных намінацый. Рэалізацыя іх вобразнага патэнцыялу залежыць ад асаблівасцей кантэкстуальнага выкарыстання, уздзеяння на працэс вершапісання як інтра-, так і экстралінгвістычных фактараў.

¹ Сямёнава А. Слова сапраўднага лад. Мн., 1986. С. 47.

² Каваленка В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры. Мн., 1981. С. 22.

³ Мішчанчук М. І. Беларуская савецкая паэзія 20-х гадоў. Мн., 1988. С. 19.

⁴ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1982. Т. 5. Кн. 1. С. 241.

Г. І. КУЛЕШ

ДА ВYZНАЧЭННЯ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ ЛЕКСІКІ

Галоўным крытэрыем адрознення грамадска-палітычнай лексікі (ГПЛ) ад іншых лексіка-семантычных разрадаў павінен служыць такі паказчык, які быў бы ўласцівы ўсім адзінкам гэтай лексічнай групы. Наконт такога вызначальнага паказчыка даследчыкам ГПЛ выказваюцца розныя меркаванні. Большасць мовазнаўцаў, акрэсліваючы яе межы, на першы план ставіць сэнсавую сувязь слоў з грамадска-палітычнай сферай.

Каб удакладніць паняццё галіны, што ахоплівае грамадска-палітычную лексіку, некаторыя мовазнаўцы перш чым даследаваць названы разрад слоў пэўнага перыяду або канкрэтнага аўтара, праводзяць тэматычную класіфікацыю. Выдзяленне тэматычных груп у складзе ГПЛ мае гістарычны характар. У савецкім мовазнаўстве панавала тэматычная класіфікацыя, распрацаваная І. Ф. Протчанкам, які выдзеліў наступныя тэматычныя класы савецкай ГПЛ: 1. Назвы, звязаныя з рэвалюцыйнай барацьбой працоўных пад кіраўніцтвам партыі, з дзейнасцю КПСС, міжнароднага камуністычнага і рабочага руху; 2. Найменні, што абазначаюць асобныя бакі марксісцка-ленінскага светапогляду, ідэйна-маральныя паняцці, новыя ўзаемаадносіны, новую мараль савецкіх людзей; 3. Назвы з галіны камсамольскага жыцця, звязаныя з ра-

ботай дзіцячых і юнацкіх самадзейных арганізацый; 4. Назвы, звязаныя з савецкім будаўніцтвам, якія абазначаюць дзяржаўныя, адміністрацыйна-гаспадарчыя арганізацыі, установы, пасады, званні; 5. Назвы з галіны прафсаюзнай дзейнасці і звязаныя з функцыянаваннем разнастайных добраахвотных саюзаў, таварыстваў і жаночых арганізацый; 6. Найменні, узнікненне якіх абумоўлена карэннымі змяненнямі ў галіне прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці, новымі адносінамі савецкіх людзей да працы; 7. Назвы, што абазначаюць новыя з'явы, працэсы, падзеі ў галіне асветы, культурнага жыцця савецкага народа; 8. Назвы, якія абазначаюць адмоўныя факты, з'явы ў грамадска-палітычным, эканамічным, культурным жыцці краіны; 9. Назвы, што адлюстроўваюць працэсы класавай барацьбы, варожыя савецкім людзям ідэалогію, палітычныя погляды, прыхільнікаў такіх поглядаў¹.

Да цяперашняга грамадска-палітычнага жыцця прыведзеная класіфікацыя, безумоўна, стасавацца не можа. Аднак звяртае на сябе ўвагу сам падыход да вызначэння прадметных груп. Характэрна, што да ГПЛ І. Ф. Протчанка, як і некаторыя іншыя даследчыкі ГПЛ савецкага перыяду², адносіць і словы, сэнсава звязаныя са сферай матэрыяльнай вытворчасці (гл., напр., пункт 6). Такія словы, як **тэхмінімум**, **зарплата**, **працадзень**, **сямігодка**, **пяцігодка**, **уборачная**, **пасяўная** (кампаніі) паводле іх зместу ўяўляецца правамерным аднесці да сацыяльна-эканамічнай лексікі. Даследчык і сам прызнае, што яны перш за ўсё асацыіруюцца з гаспадарчай дзейнасцю. Матывуючай асновай залічэння названых слоў у ГПЛ, на яго думку, з'яўляецца глыбокі грамадска-палітычны сэнс абазначаных імі паняццяў, камуністычны змест, які надаюць гэтым паняццям будаўнікі новага жыцця³.

Цікава параўнаць прыведзеную схему з класіфікацыяй грамадска-палітычнай лексікі іншага перыяду яе развіцця, а таксама з класіфікацыяй, пабудаванай на базе гэтага разраду слоў іншай мовы. Вось, напрыклад, якія прадметна-тэматычныя групы вылучае А. М. Булыка ў складзе ГПЛ, запазычанай беларускай мовай у XIV—XVIII стст.: 1. Назвы асоб па адміністрацыйных пасадах, выканаўчых службовых функцыях, сацыяльнаму становішчу, месцапражыванню і адносінах да грамадскага працэсу; 2. Група запазычанняў, якая характарызуе арганізацыю дзяржаўнага кіравання ў Вялікім княстве Літоўскім, выканаўчую дзейнасць чыноўніцкага апарату, знакі і атрыбуты ўлады, адміністрацыйныя адзінкі, паняцці знешнепалітычнай дзейнасці і дыпламатыі; 3. Словы, якія характарызуюць з'явы і падзеі грамадскага жыцця, грамадскія арганізацыі і групы, а таксама тэрміны ветлівага звароту⁴.

Як бачым, гэтая класіфікацыя не ахоплівае лексіку, звязаную з матэрыяльнай вытворчасцю. Словы, сэнсава звязаныя з эканомікай (назвы асоб па ўдзелу ў эканамічным жыцці, камерцыйнай і фінансавай дзейнасці; назвы фінансавых разлікаў і аперацый, розных выплат і дапамог і да т. п.), А. М. Булыка адносіць да сацыяльна-эканамічнай лексікі.

Не ўключае словы з галіны эканомікі ў склад ГПЛ і класіфікацыя І. В. Рагозінай і А. А. Стрыжэнка, пабудаваная на рэаліях сучаснага жыцця ЗША. Лексіку грамадска-палітычнага зместу яны размяшчаюць на такіх тэматычных групах: 1. Словы, звязаныя з функцыянаваннем дзяржаўнай улады; 2. Словы, што абазначаюць лозунгі, дактрыны, палітычныя рухі і напрамкі; 3. Словы, якія адносяцца да агульнапалітычнай дзейнасці; 4. Словы, звязаныя з функцыянаваннем дзвюхпартыйнай сістэмы; 5. Словы, звязаныя з сістэмай выбараў⁵.

Дапамагае ўдакладніць межы ГПЛ і апісанне гэтай лексікі ў адпаведных галіновых слоўніках. У гэтай сувязі заслугоўвае ўвагі змест Руска-беларускага слоўніка грамадска-палітычнай тэрміналогіі, выдадзенага ў 1970 г.⁶ У прадмове да слоўніка адзначаецца, што ў яго ўключана тэрміналагічная лексіка з трох найважнейшых галін грамадазнаўства: філасофіі, палітычнай эканоміі і навуковага камунізму. Па сутнасці, у ім аб'яднана не столькі грамадска-палітычная тэрміналогія ўвогуле, колькі тэрміналогія марксізму-ленінізму, тэорыя якога, як вядома,

якраз і складаецца з пералічанага трыадзінства. У адпаведнасці з гэтым у слоўнік уключаліся і такія эканамічныя тэрміны, як **даход, дзяржплан, дэбет, жылфонд, зберажэнні, зарплата, крэдыт, падатак, цана** і інш., семантычна звязаныя з сацыяльна-эканамічнай сферай.

Слоўнік, такім чынам, як і іншыя лексікалагічныя і лексікаграфічныя працы, прысвечаныя вывучэнню тэрміналогіі марксізму-ленінізму (а толькі такая тэрміналогія і вывучалася да апошняга часу), традыцыйна ўключае ў разрад грамадска-палітычнай і сацыяльна-эканамічную лексіку. Падставай для аднясення эканамічных паняццяў да грамадска-палітычнай сферы з'яўляецца ўдакладненне іх зместу з класавых пазіцый⁷. Гэта праяўляецца ў неаднолькавым разуменні адных і тых жа рэалій прадстаўнікамі розных ідэалогій. Так, напрыклад, паводле Вялікай Савецкай Энцыклапедыі, эканамічны тэрмін **заработная плата**, згодна з тэорыяй марксізму-ленінізму, гэта «частка нацыянальнага даходу, якая паказвае ў грашовай форме вартасць неабходнага прадукту работнікаў сферы матэрыяльнай вытворчасці». Буржуазнымі эканамістамі, адзначана ў энцыклапедыі, **заработная плата** трактуецца «альбо як цана працы, альбо як цана прадукту працы, альбо як цана паслуг працы. Тым самым утойваецца спецыфічная прырода тавару — рабочая сіла, затушоўваецца прысваенне капіталістамі прыбавачнай вартасці»⁸.

Пры такім падыходзе да вызначэння складу грамадска-палітычнай лексікі семантычны крытэрыі адбору, па сутнасці, паслядоўна не вытрымліваецца. А некаторымі даследчыкамі гэты крытэрыі наогул не прызнаецца вызначальным. Так, Т. Б. Кручкова выказвае меркаванне, што ад іншай агульнаўжывальнай лексікі ГПЛ адрозніваецца тым, што яна мае ўласцівасць ідэалагізаванасці. На яе думку, вызначальным крытэрыем пры залічэнні таго ці іншага слова ў грамадска-палітычны слоўнік з'яўляецца не суаднесенасць з прадметнай сферай, а наяўнасць або адсутнасць у яго данай уласцівасці⁹. Безумоўна, ідэалагічная звязанасць з'яўляецца характэрнай асаблівасцю многіх слоў грамадска-палітычнага значэння. Аднак такія словы, як **грамадства, эпоха, цывілізацыя, калектыў, дагавор, пагадненне, дэкларацыя, перагаворы, прэсканферэнцыя, дэбаты, прыярытэт, гарант, запыт, гараджанін, вясковец, казах, беларус, вайсковец** і да т. п., з'яўляюцца ідэалагічна нейтральнымі. Яны адносяцца да ГПЛ на падставе семантычнай сувязі з грамадска-палітычнай сферай. Т. Б. Кручкова агаворвае гэты момант, падкрэсліваючы, што назвы, якія хоць непасрэдна і не адлюстроўваюць ідэалагічныя погляды, а выконваюць выключна рэфэрэнцыйную функцыю, усё роўна трэба лічыць ідэалагічна звязанымі, бо яны абазначаюць асаблівасці сацыяльнай будовы, уласцівыя розным грамадска-эканамічным фармацыям. Аднак жа ў апошні час наша грамадства ўсвядоміла неабгрунтаванасць класовага падыходу да з'яў жыцця, звярнулася да агульначалавечых маральных каштоўнасцей. Гэта атрымала адлюстраванне і ў ГПЛ. Некаторыя паняцці, якія раней суадносіліся выключна з буржуазным грамадствам, пачынаюць ужывацца для абазначэння рэалій нашага жыцця, страчваючы пры гэтым ідэалагічны змест і негатыўную ацэнчанасць. Такая з'ява характэрна як для грамадска-палітычнай лексікі (напр., **скаўт, скаўцкі, скаўтынг, мецэнат, мецэнацтва, спадар**), так і для сацыяльна-эканамічнай (**бізнес, бізнесмен, маркеттынг, менеджмент** і г. д.).

Безумоўна, уласцівасць ідэалагізаванасці як адлюстраванне ў лексіка-семантычных адзінках ідэалагічных поглядаў носыбітаў мовы, ацэнку з ідэалагічных пазіцый важна ўлічваць пры даследаванні грамадска-палітычнай лексікі, у прыватнасці, пры вызначэнні залежнасці ад гэтай ацэнкі семантыкі слова. Аднак жа аднясенне таго ці іншага слова да ГПЛ можа адбывацца толькі на падставе сэнсавай сувязі з грамадска-палітычнай сферай. Таму і ідэалагічна маркіраваныя словы з галіны эканомікі, якія не маюць грамадска-палітычнага значэння, уяўляюцца неправамерным уключаць у ГПЛ. Уваходжанне ў грамадска-палі-

тычны слоўнік найменняў з іншых паняццільных сфер магчымае толькі ў выніку пераасэнсавання, набыцця словамі адпаведнага грамадска-палітычнага значэння.

¹ Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социолингвистический аспект. М., 1985. С. 137.

² Гл.: Соотношение интернационального и национального в общественно-политической терминологии восточнославянских языков. Львов, 1984; Скворцов Л. И. // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972; Коготкова Т. С. // Исследования по русской терминологии. М., 1971.

³ Протченко И. Ф. // Русский язык в национальной школе. 1965. № 3. С. 7.

⁴ Булыка А. М. Лексічныя запазычаны ў беларускай мове XIV — XVIII стст. Мн., 1980.

⁵ Рогозина И. В., Стриженко А. А. Политическая лексика англоязычной прессы. Барнаул, 1983. С. 34.

⁶ Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии. Мн., 1970.

⁷ Бельчиков Ю. А. // Вестн. МГУ. Сер. Журн. 1967. С. 24 и далее.

⁸ Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 9. С. 364—365.

⁹ Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989. С. 14 и далее.

М. Я. АБРАГІМОВІЧ

АРГАНІЗАЦЫЯ РАБОТЫ НАД БАЛГАРСКА-БЕЛАРУСКІМ СЛОЎНІКАМ З ДАПАМОГАЙ ЭВМ

Пашырэнне сферы ўжывання беларускай мовы, а таксама развіццё ў сувязі з суверэнізацыяй Беларусі непасрэдных кантактаў з іншымі дзяржавамі ставіць на парадок дня задачу тэрміновай падрыхтоўкі перакладных іншамовна-беларускіх слоўнікаў, у прыватнасці — балгарска-беларускага. У сувязі з гэтым варта абмеркаваць некаторыя шляхі паскарэння работы над такім слоўнікам, выкарыстоўваючы сучасныя ЭВМ для аблягчэння руціннай часткі падрыхтоўчай працы.

Пазбегнуць афармлення і працаёмкіх маніпуляцый з вялікай картатэкай, звычайных у такіх выпадках, магчыма ў выніку выкарыстання рэляцыйнай базы даных Э. Ф. Кода, інфармацыі, прызначанай для машынай апрацоўкі. У якасці даных у нашым выпадку выступае лексіка балгарска-рускага і руска-беларускага слоўнікаў, што выкарыстоўваецца для стварэння макета, на аснове якога будзе весціся практычная работа па складанню і рэдагаванню арыгінальнага перакладнага слоўніка. У прыватнасці на другім этапе работы мяркуецца выкарыстаць створаныя пры дапамозе ЭВМ канкардансы перакладных тэкстаў.

Для выканання камп'ютэрам паслядоўных дзеянняў па фарміраванню і апрацоўцы даных выкарыстоўваюцца пакеты прыкладных праграм, або сістэмы кіравання базами даных (СКБД). Кожная такая сістэма кіравання прадугледжвае сваю мову запытаў. Для складання балгарска-беларускага слоўніка выкарыстоўвалася СКБД НЕЙРОН-БАЗА. Апусціўшы тэхнічныя падрабязнасці выканання работы, засяродзім увагу на канцэптуальных прынцыпах вырашэння пытання.

Фарміраванне структуры базы даных прадугледжвае заданне параметраў, якія будуць уносіцца з слоўнікаў у памяць машыны. Каб аформіць асобны артыкул слоўніка, неабходна завесці некалькі палёў для знясення ў іх балгарскай лексемы і адпаведных ёй рускіх і беларускіх лексем («балг», «рус1», «рус2», «бел1», «бел2», «бел3»), а таксама сінтаксічна і фразеалагічна звязаных словазлучэнняў з усімі гэтымі лексемамі («балгфр1», «балгфр2» і г. д.). Пры фарміраванні структуры задаецца таксама максімальная колькасць сімвалаў, якія могуць быць уведзены ў кожнае поле (для слова дастаткова 30, для словазлучэння — 50—60 сімвалаў).

Цяпер у кожнае поле можна заносіць інфармацыю, якая датычыцца слоўнікавага артыкула, а па меры запаўнення патрэбных палёў пераходзіць да наступнага артыкула і адпаведнага набору палёў.

Увядзенне даных з балгарска-рускага слоўніка ажыццяўляецца ў графы, якія адпавядаюць паям «балг», «балгфр1», «балгфр2», «рус1», «рус2», «русфр1», «русфр2». Графы, прысвечаныя беларускай частцы слоўніка, застаюцца пакуль незапоўненымі. Прадставім некалькі артыкулаў, атрыманых пасля ўвядзення патрэбнай колькасці балгарскіх лексем і іх рускіх адпаведнікаў у выглядзе табл. 1.

Табліца 1

Структура базы даных	Артыкулы			
	1	2	3	4
балг	безгрижен	бездънен	дебел	ярък
балгфр1		бездънна пропаст	дебели очн	
балгфр2			дебел глас	
рус1	беззаботный	бездонный	толстый	яркий
рус2	беспечный		тучный	
русфр1		бездонная пропастъ	бесстыжие глаза	
русфр2 і г. д.			низкий голос	

Для зручнасці работы з руска-беларускім слоўнікам неабходна правесці сарціроўку рускіх лексем, прызначаных для перакладу, у алфавітным парадку. Пры ўводзе адпаведнай каманды камп'ютэр праводзіць сарціроўку слоў на полі «рус1», пасля чаго артыкулы 1 і 2 табліцы мяняюцца месцамі. Зараз можна ўводзіць даныя ў графы, прысвечаныя беларускай частцы артыкула. Заносіцца пакуль што інфармацыя, якая адпавядае звесткам поля «рус1». Па заканчэнні гэтага этапу работы неабходна аналагічным чынам правесці сарціроўку рускіх слоў па полі «рус2» і ўнесці ў слоўніковы артыкул беларускія адпаведнікі з руска-беларускага слоўніка. Пасля гэтага сарціруем артыкулы па полі «балг», вяртаючы ім першапачатковы парадак размяшчэння (гл. табл. 2).

Табліца 2

Структура базы даных	Артыкулы			
	1	2	3	4
балг	безгрижен	бездънен	дебел	ярък
балгфр1		бездънна	дебели очн	
балгфр2			дебел глас	
рус1	беззаботный	бездонный	толстый	яркий
рус2	беспечный		тучный	
русфр1		бездонная пропастъ	бесстыжие глаза	
русфр2			низкий голос	
бел1	бескляпотны	бяздонны	гоўсты	зыркі (польмя і пад.)
бел2	бестурботны		дзябелы	яскравы (прыклад і пад.)
бел3				яркі (фарба і пад.)
белфр1		бездань	бессаромныя вочы	
белфр2			нізкі голас	

СКБД НЕЙРОН-БАЗА забяспечвае магчымасць рэдагавання. Гэта аперацыя прадугледжвае ліквідацыю прамежкавых, у прыватнасці рускіх, структур слоўніка, каб яго артыкулы складваліся з балгарскай і беларускай частак. Машына дазваляе карэкціраваць, а таксама паслядоўна праглядваць і рэдагаваць любы артыкул. Неабходнасць такога рэдагавання выклікаецца тым, што механічны пераклад пры дапамозе рускай мовы не заўсёды бывае правільным, напрыклад, слова *безответен* перакладаецца з балгарскай на рускую мову як *безответный*. Апошнія разам з адпаведнікамі *бязмоўны, маўклівы, без адказу* мае беларускі адпаведнік *накорлівы*. Між тым балгарскае слова *безответен* беларускім *накорлівы* не перакладаецца.

Раздрукоўка або вывад на прынтэр гатовага слоўніка ажыццяўляецца аўтаматычна і выключае стварэнне рукапісу паводле апрацаваных артыкулаў.

Прыведзены ўзор рабочай структуры слоўніка не з'яўляецца эталонам: структуру можна пашырыць і дапоўніць у адпаведнасці з патрабаваннямі, якія прад'яўляюцца да слоўніка. Змяненні ў структуру можна ўносіць у працэсе работы, непасрэдна па меры ўзнікнення такой неабходнасці.

Выканаўшы ўсе асноўныя віды работ па складанню рабочага варыянта перакладнога слоўніка, мы пераканаліся ў шматлікіх перавагах выкарыстання ЭВМ для вырашэння такой задачы. Адпадае неабходнасць афармлення і неаднаразовай механічнай сарціроўкі вслізарнай картатэкі, лягчэйшым і хутчэйшым робіцца працэс рэдагавання, які выключае пераборку ўсёй картатэкі і шматлікія закрэсліванні. Не трэба некалькі разоў перапісваць і перадрукоўваць адны і тыя ж лексемы, таму што з клавіятуры кожнае слова ўводзіцца толькі аднойчы, а гатовы слоўнік аўтаматычна выводзіцца на прынтэр, прычым раздрукоўваецца ў патрэбнай колькасці экзэмпляраў. Акрамя таго, у выніку нескладанай дапрацоўкі можна атрымаць і раздрукаваць беларуска-балгарскі слоўнік, які будзе ўтрымліваць матэрыял, выкарыстаны для стварэння балгарска-беларускага слоўніка.

Т. Н. ВОЛЫНЕЦ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА УРОВНЕ ТЕКСТА

Проблема взаимозаменяемости атрибутивных и предикативных форм глагола ставит перед исследователем много интересных вопросов. Один из них — расширение грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных групп при функционировании их на уровне текста.

Проведенный нами анализ¹ возможных трансформационных замен причастий предикативными формами глагола показал следующее: функциональная нагрузка различных причастных форм при непосредственном употреблении их в тексте намного шире заданных им (при образовании от соответствующих глаголов) грамматических (а иногда и семантических) характеристик.

Существующие в языке группы причастий дают различные в качественном и количественном отношении типы трансформационных замен. Так, действительные причастия настоящего и прошедшего времени при синтаксическом развертывании текста (от причастного оборота к прилагательному определению) могут выражать значения следующих предикативных форм:

осваивающий ²	осваивавший
осваивает	осваивал
осваивал	осваивает
будет осваивать	осваивает/освоит
осваивает/осваивал	осваивал/осваивает
осваивает/осваивал бы	осваивает/освоит

осванвал бы	осванвал/освоил
осванвал бы/освоил бы	освоил
осванвал/освоил	осванвал/осванваает/освоит
освоил	осванвались
осванваает/осванваается	осванвал бы
осванвал/осванвался	может осванвать
может осванвать	

Не менее разнообразны наборы предикативных форм глагола и при трансформационных преобразованиях страдательных причастий:

осванваемы́й	освоенный
осванваает	освоил
осванваает/осванваается (в страд. зн.)	освоил/осванваается (в страд. зн.)
осванваает/осванваается (не в страд. зн.)	освоили/осванваают
осванваается (не в страд. зн.)	осванвался (в страд. зн.)
осванвал/осванвался (в страд. зн.)	освоил/осванвал
осванвал	освоил/осванвался (не в страд. зн.)
осванвался (в страд. зн.)	осванвал
можно/нельзя осванвать	осванваает
	освоил/осванвал/осванвался
	можно/нельзя освоить
	можно/нельзя осванвать

Данные ряды языковых единиц образуют своеобразные функциональные системы, в пределах которых осуществляется выбор глагольных форм для замещения причастий в процессе синтаксического развертывания текста. При широком понимании функциональной грамматики, когда описание языковых единиц идет не просто от смысла к форме, а от мыслительной деятельности к обслуживающим ее языковым средствам, эти системы форм могут быть представлены как **функционально-семантические парадигмы**, на уровне которых в процессе коммуникации проявляется расширение семантического и грамматического содержания причастий.

Использование термина «парадигма» в данном случае нам кажется уместным, ибо в широком смысле парадигма — это «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего — совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями»³. Парадигматические отношения, в свою очередь, свойственны любым группировкам, которые, с одной стороны, выделяются в языке по принципу формальной или семантической общности членов, а с другой, — противопоставляются друг другу по одному из этих оснований. Наличие одного из членов парадигматического ряда в тексте исключает присутствие другого, но предполагает их взаимозамену, поэтому обычно парадигматические отношения рассматриваются как проявляющиеся во взаимном включении и взаимозамене⁴.

Любая языковая парадигма (лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая) обладает определенным набором характеристик, совпадающих благодаря изоморфизму явления и не совпадающих из-за объединения единиц разных языковых уровней.

К числу общих характеристик прежде всего относятся: 1) структурная общность (обязательное присутствие стабильной инвариантной части, выражающей идею тождества, и переменных показателей); 2) наличие отношений взаимозамены и взаимовключения; 3) равноправный характер отношений между членами.

Представленные ряды языковых единиц в полной мере обладают всем этим набором признаков. Они состоят из одного постоянного (причастная форма) и ряда переменных членов (формы глаголов), в структуре которых свободно выделяются общие (корень, основа) и дифференцирующие (деривационные и словозменительные аффиксы) части. Благодаря этому постоянные и переменные члены относятся друг к другу как «варианты некоторого инварианта, связанные его тождеством и противопоставленные своими различиями»⁵.

Глагольные формы (переменные члены) группируются вокруг при-

частий (постоянных членов) в силу своей функциональной взаимозаменяемости в различных позициях, но в одной и той же позиции они взаимноисключают друг друга, так как не могут одновременно занимать в потоке речи одно и то же место. Говорящий или пишущий, преобразуя текст, выбирает в ряду закономерно варьирующихся единиц одну из возможных форм.

Структура интересующих нас систем грамматических форм не является иерархичной, все их члены находятся в равноправных отношениях: ни один из них не является доминирующим.

В данном случае мы, видимо, можем говорить об особом типе парадигматических отношений. Назовем его **функционально-семантическим**, ибо возникают такие отношения между формами разных слов в речевой коммуникации, когда для выражения одного и того же содержания используются различные грамматические средства. Функционально-семантические отношения могут быть представлены также как отношения **совместного функционирования**, свойственные рядам грамматических форм, которые существуют в языке не сами по себе, а являются функцией от содержания и отражают асимметрию «средство — функция». Обладая различными характеристиками, данные формы объединяются в функционально-семантическую парадигму на основе общности выполняемых ими семантических функций, поэтому **функционально-семантическая парадигма** (в нашем понимании) **представляет собой систему разнородных грамматических форм, связанных отношениями совместного функционирования**.

Функционально-семантические парадигмы существенно отличаются от морфологических и словообразовательных характером языковых единиц (отдельные грамматические формы) и типом отношений между членами ряда, внутри которого противопоставляются семантические и словоизменяющие отношения одновременно:

осваивающий	—	{	осваивает
			осваивал/освоил
			осваивает/осваивается...

Эти же характеристики позволяют провести грань между функционально-семантическими и синтаксическими парадигмами, хотя в основе выделения тех и других лежит один и тот же признак — возможность функциональных замен при сохранении общей семантики синтаксической конструкции⁶.

Представленные функционально-семантические парадигмы отражают модус функционального наполнения причастной формы в процессе ее функционирования на уровне текста. Они наглядно демонстрируют совокупность всех грамматических и лексических значений, которые могут быть выражены формами различных причастных групп в зависимости от целей и задач коммуникации.

Отношения между членами данных функционально-семантических парадигм мы можем охарактеризовать не только как равноправные отношения совместного функционирования, но и как стандартные / нестандартные.

Стандартными мы считаем те отношения, которые возникают при свободной трансформации причастной формы в семантически и грамматически соотносительную предикативную форму глагола (*бросающий — бросает, державший — держал, колышимый (ветром) — колышет (ветер), придвинутый (братом) — придвинул (брат)*).

Данилов, восторженно относившийся к прокофьевскому «Огненному ангелу», годы ждал, чтобы решились (В. Орлов. Альтист Данилов). — *Данилов, который восторженно относился к прокофьевскому «Огненному ангелу», годы ждал, чтобы решились*.

Классики выполняют функцию запечатления, требуемую от них будущим (Е. Евтушенко. Талант есть чудо не случайное). — *Классики выполняют функцию запечатления, которую от них требует будущее*.

Нестандартные отношения между членами интересующих нас функционально-семантических парадигм в различной степени отражают разрушение формально-семантической соотносительности между причастиями и образующими их глаголами и свидетельствуют о расширении грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных форм. Напр.: *Нет здесь ни одного ребенка, ни одного постоянно живущего здесь человека, потому что каждые пятнадцать дней все население Пионерного заменяется, разъезжается по своим далеким домам* (Огонек. 1988. № 8). — *Нет здесь ни одного ребенка, ни одного человека, который постоянно жил бы (живет) здесь, потому что каждые пятнадцать дней все население Пионерного заменяется, разъезжается по своим далеким домам.*

Слово — духовная жизнь народа, материализованная в звуке, а затем в высвеченном начертании (А. Вознесенский. Мнемозина на метле). — *Слово — духовная жизнь народа, которая материализуется в звуке, а затем в высвеченном начертании.*

На выбор замещающей формы, а следовательно, и на изменение функциональной нагрузки причастных форм, влияет целый ряд факторов, важнейшими из которых являются: а) общая семантика текста; б) характер видо-временных форм глагольных предикатов; в) возможность нейтрализации видового противопоставления; г) характер субъекта действия, определяемого причастием. Специфика данных факторов подробно рассматривалась нами при анализе трансформационных замен страдательных причастий прошедшего времени предикативными формами глагола⁷, поэтому сейчас мы на них подробно останавливаться не будем.

Полифункциональность и расширение грамматического (а иногда и семантического) объема всех существующих в языке причастных групп — явления, на наш взгляд, естественные: они обусловлены, прежде всего, особым положением причастий в языковой системе. Генеративная связь с глаголами, с одной стороны, и функциональная близость с прилагательными, с другой, в процессе коммуникации создают особые условия для внутренних грамматических и семантических изменений причастных форм.

Образуясь от основ соответствующих глаголов (*освежай-(эт) — освежай-ущ(ий), освежа-(л) — освежа-ви/ий, распространяй-(ут) — распространяй-эм(ый), раскида-(л) — раскида-нн(ый)*), получив соответствующие грамматические характеристики (действительные причастия прошедшего и настоящего времени, страдательные причастия прошедшего и настоящего времени) и заимствовав процессуальную семантику образующего глагола, причастия на уровне текста начинают выражать более широкий спектр грамматических и лексических значений. Практически они оказываются тем языковым средством, при помощи которого связываются воедино различные формы однокоренных глаголов с противоположными видовыми и залоговыми значениями:

выбрасывающий — выбрасывать — выбросить
 выбрасываться (в страд. зн.)
 выбрасываться (не в страд. зн.).

С одной стороны, это можно рассматривать как веский аргумент, подтверждающий существование в языке сложной, так называемой «супплетивной» (термин А. В. Исаченко) парадигмы глагола, объединяющей в себе глагольные формы с противоположными видовыми и залоговыми значениями⁸. Но, с другой стороны, это же обстоятельство может быть не менее веским аргументом в пользу самостоятельности причастий, наличия между причастием и глаголом не словозменительных, а деривационных отношений. Возможность разнообразных трансформационных замен при синтаксическом развертывании текста и отсутствие такого разнообразия при обратных трансформациях (от предикативной формы глагола к причастию)⁹ указывают на функциональную обособленность причастий, их особую роль в ряду языковых средств, используемых в процессе коммуникации.

Рамки статьи не позволяют доказать или опровергнуть первое или второе предположение. На наш взгляд, возникновение разветвленных функционально-семантических парадигм в процессе трансформации причастных форм отражает разрушение формально-семантической близости между причастиями и глаголами. Следствием этого является функциональное расширение грамматического и семантического содержания причастных форм, которое еще раз подтверждает тезис о «коммуникативной мощности» языка.

¹ Трансформации подвергнуто более 3600 примеров, взятых из художественных, публицистических и научно-популярных текстов.

² Здесь и далее выбор причастия произволен.

³ Кубрякова Е. С. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 366.

⁴ Там же.

⁵ Головин Б. Н. // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 76.

⁶ На выявление и определение семантических рядов, которые в настоящее время рассматриваются как синтаксические парадигмы, существенное влияние оказало понятие функциональных замен, широко разрабатывавшееся в женеvской лингвистической школе («транспозиция» у А. Сешез, «функциональная транспозиция» у Ш. Балли, «параллельно транспонированные конструкции», «трансляция» в трудах Л. Теньера). См.: Костинский Ю. М. // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 108.

⁷ Волынец Т. Н. // Русский язык. Мн., 1987. Вып. 7.

⁸ См.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. С. 12; Шуба П. П. Дзеяслоў у беларускай мове. Мн., 1968. С. 160; Daum E., Schenk W. Die russischen Verben. Leipzig, 1966. S. 28.

⁹ Нами проанализировано более 2500 синтаксических конструкций, допускающих замену в процессе синтаксической компрессии текста одной из предикативных форм глагола причастной.

В. Л. ЛЕОНОВИЧ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ *суб-* И *транс-* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Описание типов образований с элементами латинского происхождения *суб-* и *транс-* в современном русском языке предполагает анализ их структурных и семантических характеристик.

С точки зрения структуры лексемы с *суб-* и *транс-* объединяются в различные группы в зависимости от степени морфемной членимости и словообразовательной производности основ.

К первой группе относятся нечленимые, непроеводные слова, выделение компонентов которых возможно лишь в диахронии с помощью этимологического анализа. Данные элементы обнаруживаются в заимствованных и освоенных словах, подвергшихся в русском языке опрощению и утративших членимость. Этому во многом способствовал вид данных частиц, когда в словах обнаруживается не основной вариант морфемы, а ее морфонологические разновидности. Вторую группу составляют членимые слова, где *суб-* и *транс-* употребляются в связанном виде. Основы, их содержащие, могут быть как производными, так и непроеводными. Эти основы, определенным образом членимые в языке-источнике, изменили границы своей членимости в русском языке, хотя и сохранили следы прежней производности. В них вычленение префиксов *суб-* и *транс-* возможно на морфемном уровне, поскольку в этом случае лексемы соотносимы с однокоренными приставочными и беспроставочными словами: (ср.: *транссудат* и *экссудат*; *диффузия* и *трансфузия*; *субстрат*, *адстрат* и *суперстрат*; *эксплантация*, *имплантация* и *трансплантация*; *аффикс*, *префикс*, *суффикс* и *конфикс*). Их объединяет общность значения, заключенного в постпрефиксальной части. Третья группа представлена членимыми и производными словами, где *суб-* и *транс-* выступают в роли префиксов, при помощи которых образованы данные лексические

единицы или которые перешли в них в составе производящей базы. Это приставочные и суффиксальные образования, где *суб-* и *транс-* являются словообразовательными морфемами, выполняющими функцию модификатора значения исходной основы, употребляющейся в свободном виде.

Эта группа и будет предметом рассмотрения в нашей статье. Она представлена разными структурными схемами, которые имеют различное семантическое наполнение. В словах данного разряда можно достаточно точно определить значение производящей базы и префикса, который уточняет, конкретизирует семантику исходного цельнооформленного слова, будучи в значительной степени формально и семантически самостоятельным. В этих словах выделяются структурно-семантические типы.

Структурный анализ требует учитывать следующие характеристики исследуемых основ: 1) категориальная валентность (взаимодействие аффикса со словами определенных частей речи, т. е. лексико-грамматическая принадлежность производящих основ); 2) морфемная структура производящих основ (определяется путем морфемного анализа); 3) словообразовательная структура мотивированных и мотивирующих (определяется типом аффикса и производным или непроизводным характером исходной основы); 4) одно- и многомотивированность; 5) заимствованный или исконный характер аффикса и производящей базы (имеются в виду следующие типы: иноязычный аффикс + русский корень и иноязычный аффикс + иноязычный корень). Первый признак является определяющим, ибо на его основе строится самая общая и крупная типология структур.

С учетом приведенных показателей рассмотрим структурные характеристики производных образований с префиксами *суб-* и *транс-* в русском языке.

Суб- закреплён за существительными и прилагательными, т. е. является приименным. В процессе деривации существительных присоединяется к цельнооформленным словам с одно- или полиструктурными основами (например: *субдоминанта*, *субинтеллектуал*, *субкарлик*, *субкварки*, *субкультура*, *субординатура*, *субподряд*, *субрегион*, *субтропики* и *субпролетариат*, *субстратосфера*), производными и непроизводными (*проектировать* — *проект* — *субпроект*, *центр* — *пресс-центр* — *субпресс-центр* и *субъединица* — *единица*), заимствованными с точки зрения этимологии (*субкультура*, *субтитр*); при этом формируются одномотивированные образования (*субпродукты* — *продукты*).

В процессе деривации прилагательных основы, являющиеся мотивирующими, характеризуются полиструктурностью (*суборбитальный*, *субрегиональный*, *субсветовой*, *субмикроскопический*, *субклеточный*), производным или непроизводным типом структуры (*субмикронный*, *субмиллиметровый*, *субъядерный*, *субатомный* и *субфоссильный*); образования с ними в ряде случаев характеризуются формальной полимотивированностью (*субсветовой* — 'близкий к скорости света' и *субсветовой* — 'скорость, близкая к световой скорости'; *субрегиональный* — 'являющийся частью региона' и *субрегиональный* — 'являющийся частью регионально-го, входящий в региональное подчинение'; такие слова могут считаться либо префиксальными, либо префиксально-суффиксальными с точки зрения структуры), исконным и заимствованным характером (наличие первых служит доказательством освоения данного иноязычного аффикса русским языком и доказательством его словообразующей функции: *субсветовой*, *субъядерный*, *субклеточный*; *суборбитальный* и *субрегиональный*).

Транс- преимущественно соединяется с прилагательными, хотя в русском языке может быть выделен в единичных существительных терминологического характера (*транзакция*, *транспозиция*, *трансураны*) и глаголах (*трансформировать*). При образовании прилагательных он взаимодействует с основами, чаще полиструктурными (*трансарктический*, *трансатлантический*, *трансгалактический*, *трансиранский*, *транскультурный*, *трансморской* и т. д.), производными и непроизводными (*контин-*

нент — континентальный — трансконтинентальный, океан — океанский — трансокеанский и финитный — трансфинитный), заимствованными и исконнорусскими (транскавказский, транскосмический, трансконтинентальный и трансграничный, трансморской); при этом новые слова являются одно- или многомотивированными формально (трансполярный — полярный и трансурановый — урановый и трансурановый — трансураны).

Семантический анализ образований с *суб-* и *транс-* предполагает описание их значения, значений производящих и самих префиксов с указанием на их валентность (сочетаемость со словами соответствующих лексико-семантических групп, определяющую систему структурно-семантических моделей и сферы их действия). *Суб-*, *транс-* относятся к разряду пространственно-качественных приставок.

Лексемы с приставкой *суб-* образуют следующие семантические группы: 1) слова, называющие нечто, находящееся ниже чего-либо, внизу, под чем-либо (*субстратосфера* — 'слой атмосферы, расположенный ниже стратосферы и отделяющий ее от тропосферы'; *субтитр* — 'надпись в нижней части кадра, кинофильма, являющаяся обычно кратким переводом иноязычного диалога на язык, понятный зрителям'; *субальпийский* — 'находящийся (в горах) ниже альпийского пояса'); 2) слова со значением «близкий (территориально или по величине) к чему-либо, находящийся в непосредственной близости от чего-либо» (*субсветовой* — 'близкий к скорости света'; *субарктический* — 'находящийся в непосредственной близости к арктическому поясу'; *субтропики* — 'две физико-географические зоны земного шара, расположенные к северу и югу от тропиков'); 3) слова со значением «меньший, чем то, что называет мотивирующая основа» (*субкарлик* — 'обозначение класса звезд со светимостью меньшей, чем у звезд-карликов'; *субмиллиметровый* — 'относящийся к электромагнитному излучению с длиной волн менее миллиметра'); 4) слова со значением подчиненности: а) «подчиненный, подначальный» в названиях лиц, подчиненных по званию, должности, должности кому-нибудь: *субинспектор*, *субпрефект*, *субрегент*, *субординатор*; б) слова, называющие объект, подчиненный кому- или чему-либо, составляющий часть чего-либо, подразделение (*субрегион* — 'регион, являющийся частью более крупного региона'; *субъединица* — 'часть более крупной структурной единицы'); эти же значения отмечаются и у прилагательных, обозначающих зависимые отношения между предметами: *субимпериалистический* — 'подчиненный силам империализма, управляемый ими'; *субъядерный* — 'входящий в структуру атомного ядра'). Иногда значение подчиненности выступает как значение дополнительной, второстепенности (*субцентр* — 'центр периферийной части какой-либо страны'; *субпродукты* — 'побочные продукты, получаемые после разделки туши животных') или недостаточности (*субфоссильный* — 'не достигший полной фоссилизации').

Слова с *транс-* по семантическому признаку делятся на следующие группы: 1) слова, обозначающие движение через какое-либо пространство, пересечение его (*трансконтинентальный* — 'проходящий через континент, пересекающий его'; *трансиранский* — 'проходящий через Иран'; данная группа самая многочисленная); 2) слова, связанные с обозначением следования, расположения за чем-либо (*трансураны* — 'радиоактивные химические элементы, расположенные в периодической системе элементов после урана') и расположения за пределами чего-либо (*трансфинитный* — 'находящийся за пределами конечного', *транснациональный* — 'межнациональный'); 3) слова, обозначающие передачу через посредство чего-либо (*транспозиция*); 4) слова со значением изменения формы, состояния (*транскристаллизация*).

Образования с *транс-* преимущественно относятся к сфере географической терминологии, однако в ряде случаев это — медицинские (*трансплевральный*), физические (*транс-звук*), химические (*трансураны*) термины; слова с *суб-* составляют специальную лексику, чаще топонимическую.

Семантическая и структурная классификации дают основания для выделения следующих структурно-семантических типов: 1) *суб*+существительное образует существительные со значением: а) расположение ниже или под чем-либо; б) расположение в непосредственной близости от чего-либо; в) более мелкая величина, размеры; г) подчиненность по службе; д) более мелкое подразделение, составная часть чего-либо; е) вспомогательность, дополнительное назначение чего-либо; 2) *суб*+прилагательное образует прилагательные, связанные со значением: а) расположения ниже или под чем-либо; б) расположения в близости от чего-либо; в) сравнительно мелкой величины, размера; г) зависимости, подчиненности; д) недостаточности; 3) *транс*+прилагательное образует прилагательные, указывающие на а) движение через какое-либо пространство, пересечение его; б) следование, расположение за чем-либо и за пределами чего-либо; в) передачу или обозначение посредством чего-либо; г) изменение формы, состояния.

Таковы структурные и семантические особенности слов с элементами латинского происхождения *суб*- и *транс*- в современном русском языке и структурно-семантические типы образований с данными элементами.

ЙАХИА КАДУМ АХМЕД

О ВАРИАНТАХ ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются некоторые основания языковой вариативности на материале форм родительного падежа в современном русском языке. Как известно, имена существительные мужского рода в родительном падеже единственного числа могут иметь либо окончание *-а*: *стола, народа, сахара, чая, воздуха* и т. п., либо окончание *-у*: *народу, чаю, сахару, воздуху* и т. п. (Вариант на *-а* далее будет для краткости именоваться РП₁, вариант на *-у* — РП₂).

Данные разновидности падежной формы восходят к двум типам древнерусского склонения. Однако за время многовековой эволюции категории падежа произошло определенное разделение сфер употребления РП₁ и РП₂. Второй вариант сегодня значительно более ограничен в использовании по сравнению с первым.

Разные исследователи выделяют разные факторы, влияющие на выбор говорящим падежной формы. Так, В. И. Чернышев выделяет целый ряд семантических и формальных факторов, служащих основанием для образования и употребления формы на *-у*. Важнейшие из них таковы:

а) существительное обозначает часть, некоторое количество вещества или измеримого материала: *много дыму, купил ситцу, куча щебню* и т. п.; сюда же относятся «отвлеченные имена существительные, которые изменяются количественно, обозначая меру или степень предмета или качества» (*жар, крик, страх, ход, простор, размах* и т. п.);

б) существительное обозначает место. Как правило, это относится к оборотам с предлогами *из, от, с*, передающими «движение удалительное, исходное откуда-либо, а также причину, от которой что-либо происходит: *выбежать из дому, нагнуться от ветру, умереть с голоду* и т. п. К этому же типу примыкают предложные конструкции со значением времени или образа действия (*с первого разу* и т. п.), а также обороты с предлогом *до*, имеющие достигательное значение (*бежать до упаду* и т. п.);

в) существительное употреблено в отрицательной конструкции — с предлогом *без* (*безо*) или с частицами *нет, не, ни*: *говорить без умолку, не подавать виду, ни слуху, ни духу* и т. п.¹

Кроме этих, основных факторов, В. И. Чернышев указывал также на некоторые дополнительные условия, способствующие или препятствующие выбору формы РП₂: это наличие или отсутствие при существительном определения, подвижность или неподвижность ударения в слове и т. п.

По мнению А. А. Шахматова, сфера образования формы РП₂ в русском языке ограничена следующими группами существительных: «1) слова со значением вещественным, 2) слова со значением отвлеченным, 3) слова конкретные с подвижным ударением»². При этом «индивидуализация или конкретизация вещественных понятий» влечет за собой использование формы РП₁ (ср.: *много народу*, но: *два народа*). Ученый показал также, что использование РП₂ со значением вместилища, местонахождения, меры характерно для некоторых застывших словосочетаний, представляющих непродуктивные грамматические образования: *из лесу*, *с часу на час* и т. п.

В. В. Виноградов различал у родительного падежа три основные функции: определительную, количественно-отделительную и причинно-целевую³. В первом случае речь идет о широком круге синтаксических значений (родительный принадлежности, родительный субъекта, родительный объекта и т. п.); форма РП₂ здесь возможна лишь у небольшого числа слов, употребляющихся в значении меры и количества. Вторая функция, по В. В. Виноградову, объединяет количественные, отрицательные и отложительные значения родительного падежа (здесь РП₂ значительно активнее). Третья функция — родительный падеж в причинно-целевом значении (в обязательном сочетании с предлогами *из*, *из-за*, *с*, *от*); здесь употребление формы РП₂ специально автором не оговаривается, хотя оно, очевидно, также допустимо.

С некоторыми разночтениями те же факторы, влияющие на выбор формального варианта родительного падежа, указываются и другими авторами. В частности, Д. Н. Шмелев к числу условий, предопределяющих появление формы РП₂, относит следующее: 1) существительное обозначает некоторое количество, часть вещества; 2) существительное имеет отвлеченное значение; 3) существительное входит в устойчивое словосочетание (фразеологическое выражение); 4) существительное образует сочетание с предлогом (*из*, *до*, *без* и т. п.)⁴.

Очень интересное определение двух «родительных падежей» в современном русском языке дает А. А. Зализняк. По его мнению, РП₂ отличается от других падежей тем, что он, во-первых, не имеет лексических сегментов (однородных участков), которые относятся к нему одному. Это значит, что всякая словоформа РП₂ омонимична либо словоформе РП₁, либо словоформе дательного падежа. Во-вторых, РП₂ находится в таком отношении с РП₁, что вместо любой словоформы РП₂, не омонимичной словоформе РП₁, всегда можно без изменения смысла употребить словоформу, омонимичную РП₁ (например, вместо *у меня нет чаю* всегда можно сказать *у меня нет чая*)⁵. В результате А. А. Зализняк приходит к выводу о необходимости выделять в русской падежной системе особый «второй родительный» падеж. Иными словами, РП₁ и РП₂ оказываются не формальными вариантами одного — родительного — падежа, а представителями двух разных граммем.

Однако употребление РП₂ в современном русском языке не является строго обязательным. Можно добавить, что и выбор одной из форм — РП₁ или РП₂ — имеет в большинстве случаев размытый, вероятностный характер. Р. А. Маркарян обращает внимание на то, что чем ощутимее книжный или заимствованный характер лексемы и чем отвлеченнее ее значение, тем меньше для нее вероятность образовать форму РП₂; но строгих, резких границ, необходимых для различения граммем, и здесь нет⁶.

В целом можно считать, что наличие у существительных вариантов окончаний нарушает системный характер падежных изменений. Одни из этих вариантов не передают никаких семантических различий (ср., например, формы творительного падежа у существительных женского рода: *рукой* и *рукою*). Другие служат для различения некоторых семантических оттенков, однако при этом они реализуются только в определенных условиях, на суженной лексической базе. Именно так обстоит дело с РП₂. И хотя известно, что употребление формы на *-у* в современном рус-

ском языке постепенно все более ограничивается (например, по утверждению Л. Л. Буланина, «в речи молодого поколения абсолютно преобладают формы на -а»⁷), представляет значительный интерес реальное соотношение вариантов РП₁ и РП₂ в текстах художественной литературы (равно как и особенности их восприятия современным читателем).

С данной целью мы провели обследование художественных произведений 10 дореволюционных русских писателей и 10 — послереволюционных современных. Объектом наблюдения послужили тексты Н. М. Карамзина, В. Ф. Одоевского, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского (XIX век), М. Булгакова, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Абрамова, Д. Гранина, Ю. Нагибина, Ю. Трифонова, Ч. Айтматова, В. Белова, В. Распутина (XX век). Каждый писатель был представлен одним или несколькими произведениями, общим объемом от 300 до 1000 страниц печатного текста, из которых методом сплошной выборки выписывались все случаи употребления формы РП₂. Таким образом, общий объем обследованных текстов оказался равным примерно 10000 страниц, или 3,6 млн. словоупотреблений.

Поскольку сравниваемые тексты разных авторов были не вполне равновеликими, то нам пришлось ввести специальный коэффициент: среднее количество форм РП₂ на 100 страниц. Данный показатель весьма сильно варьируется по отдельным писателям. Так, на 100 страницах прозы Л. Н. Толстого встречается в среднем лишь 3,3 случая употребления РП₂, в то время как для Г. И. Успенского аналогичный показатель составляет 27,3. Для послереволюционного периода данный показатель ниже всего у Д. Гранина (3,8) и наиболее высок у В. Распутина (16,7). Эти расхождения позволяют считать употребительность формы РП₂ довольно ярким стилистическим средством, характеризующим идиолект писателя в целом. (Вместе с тем заметим, что количественный диапазон данного коэффициента в XX веке заметно сократился по сравнению с предыдущим периодом.)

Важнейшие результаты наших наблюдений и подсчетов представлены в таблице.

Соотношение вариантов РП₁ и РП₂ в текстах художественной литературы

Материалы исследования	Общее кол-во примеров	В том числе			
		в речи автора	в речи персонажей	разных слов	фразеологизмов
Тексты XIX в.	430	266	164	111	37
То же, %	100	62	38	26	8
Тексты XX в.	362	225	137	72	44
То же, %	100	62	38	20	12

Первое, на что следует обратить внимание в таблице, это некоторое снижение употребительности формы РП₂. Снижение это невелико: примерно на 16 %, однако с учетом большого объема обследованных текстов можно утверждать, что оно отражает статистически достоверную и устойчивую тенденцию.

В следующих двух графах таблицы отражено количественное соотношение употреблений формы РП₂ в речи автора и речи персонажей (в диалогах, прямой речи). Дело в том, что форма РП₂, по мере сужения сферы своего образования и употребления, становится ярким стилистическим средством, свидетельствующим об архаичности речи, ее народных корнях или же каких-то особых эстетических задачах. И можно было бы предполагать, что в современной литературе форма РП₂ должна

использоваться более активно в речи персонажей (как характеризующий элемент), чем в речи автора, причем относительный вес этого «персонажного» употребления должен бы возрастать. Но результаты подсчетов не совсем оправдали наши ожидания. С одной стороны, оказалось, что форма РП₂, действительно, свойственна более диалогической речи, чем авторскому монологу (62 % против 38). Но, с другой стороны, данное соотношение оказалось весьма стабильным во времени — во всяком случае, обследованные тексты XIX и XX вв. не дают в этом смысле никаких различий. Возможно, это связано с тем, что стилистический диапазон формы РП₂ ныне достаточно широк (в частности, она может употребляться и с некоторым пародийным, сниженным оттенком), что допускает ее многообразное использование в современной литературе, в том числе и авторской речи.

Следующая графа таблицы отражает количество разных лексем, обнаруженных в обследованном материале. Налицо некоторое снижение объема «словника», допускающего образование (и употребление) формы РП₂. Данный показатель очень важен, потому что он демонстрирует постепенное сужение лексической базы интересующего нас грамматического явления. Форма РП₂ постепенно лексикализуется, и хотя сегодня нельзя говорить о том, что ее сфера функционирования закрыта определенным кругом слов, тем не менее нельзя и считать ее полноценной («конкурентноспособной») грамматической формой.

Наконец, последняя графа таблицы свидетельствует, что среди общего количества примеров с формой РП₂ возрастает доля фразеологизмов. Это вполне закономерно: коль скоро грамматическая форма сужает сферу своего существования, постепенно выходит из употребления, то лучше всего она сохраняется в устойчивых, застывших словосочетаниях. Примеры здесь многообразны: *ни слуху ни духу, с боку на бок, с глазу на глаз, сбоку припёка, дать маху, смеяться до упаду, пить без просыпу, у семи нянек дитя без глазу* и т. п. Употребление РП₂ в составе подобных фразеологических выражений по-своему свидетельствует об относительной архаичности данной формы.

Наше исследование подтверждает, что форма РП₁ продолжает теснить форму РП₂. Что же касается внутреннего перерождения данной формы, приобретения ею новых (стилистических) функций, то эта тема, очевидно, заслуживает дополнительного исследования.

¹ См.: Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 493—495.

² Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 137.

³ См.: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 144—146.

⁴ См.: Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1964. С. 15.

⁵ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 44.

⁶ См.: Маркарян Р. А. Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования. Ереван, 1970. С. 104.

⁷ Буланни Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 41.

В. И. КОВАЛЬ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *Задать баню*

Этимологизация фраземы *задать (задавать) баню* 'побить, поколотить, сильно отругать, выбранить' обычно заключается в указании на ее связь с существовавшими в древности пытками людей в бане: «провинившегося сажали в баню, обливали его попеременно горячей и холодной водой, поддавали жару и не давали пить» (ОЭСРФ, 52). Происхождению данной фраземы посвящена одна из работ В. М. Мокиенко, в которой известный фразеолог всесторонне обосновывает связь семантики этого оборота не только с практикой пыток, но и с реально существующим

свободным словосочетанием, подвергшимся метафорическому переосмыслению (это же свойственно оборотам типа *задать духу, поддать пару, задать жару* и под.)¹.

Объективность предложенной интерпретации фраземы *задать баню* не вызывает сомнений: в русском языке встречается большое количество одноструктурных устойчивых словосочетаний: *задать гонку (перцу, феру, чёсу)* 'отругать, выбранить'; *задать копоты* 'напугать кого-либо'; *задать драла (лататы, стрекача)* 'поспешно убежать'. Значительный вариантный ряд со значением 'побить; отругать' образуют подобные фраземы в русских народных говорах: *задать бучку (валку, вздувку, жарёху, жарню, жигу, зною, лупки, мятку, передёру, таску, тряску)*.

Нетрудно заметить, что функции глагольного и именных компонентов этих фразем (в том числе и *задать баню*) различны. Слово-компонент *задать* лексически «опустошено», оно выполняет категориальную функцию, реализуя значение 'устроить (сделать, совершить) экспрессивное действие'; именные же компоненты являются семантическим центром фразем, т. е. формируют и конкретизируют их значение.

Вместе с тем фразема *задать баню* занимает особое место в ряду аналогичных образований, поскольку в данном случае нельзя отрицать связи ее именного компонента (в отличие от «прозрачных» существительных типа *жар, пар, бучка, валка, вздувка, лупка*) со сложными этнокультурными представлениями.

В системе некоторых этнокультурных воззрений, связанных с жилищем и другими хозяйственными постройками, баня относится к строениям, где человеку может угрожать опасность. По мнению А. К. Байбурина, существует две причины «маркированности бани в сфере отрицательных значений»: во-первых, отсутствие определенной, однозначной хозяйственной функции бани (это и не надворная, и не хозяйственная постройка). В связи с этим «бани строились, как правило, на периферии усадьбы («на задах») или вообще выносились к границе селения, поближе к воде». Во-вторых, баня воспринималась как место объединения стихии воды и стихии огня, специфическое сочетание которых соотносится с идеей борьбы, а значит, опасности². Довольно распространенным является табу на постройку дома на том месте, где ранее находилась баня. Сравн.: *банище* 'место, где баня стояла (оно почитается нечистым, и строить на нем жилое, избу не годится)' (Даль, I, 45). В бане запрещалось громко говорить, ругаться, хвастаться; в ней не вешали икон, не делали крестов страстной свечкой; при входе в баню предписывалось снимать крест и пояс³. Последняя деталь — снятие креста и пояса — особенно отчетливо подчеркивает сакральную «нечистоту» бани: это действие было непременно предварительным условием девичьих гаданий, осмыслявшихся как вступление гадающих в связь с «нечистой силой». Сравн.: «Во время гаданий обыкновенно снимается с шеи крест, а девушки, кроме того, распоясываются и расплетают косу, иная даже проклинает сама себя»⁴ (разрядка наша — В. К.). Использование же бани как традиционного места гаданий (особенно на святки) было распространено достаточно широко. В бане опасались встреч с навьями — чужими, враждебными мертвецами, противопоставлявшимися добрым духам — умершим предкам, с которыми встречались дома и готовили для них ритуальную еду⁵ (сравн. белорусский обряд *дзяды*). Закономерно и то, что баня являлась местом совершения обрядов «черной магии»: «вынутый след сжигают в глухую полночь в бане, если требуется умертвить обидчика»; «похищают очарованные голубиные сердца, сжигают в бане с намерением расторгнуть мужа и жену»⁶. Негативные представления о бане отразились и в ряде диалектных фразеологизмов, имеющих общую отрицательную семантику: *банная притка* 'болезнь, получаемая по неизвестной причине после мытья в бане' (ФСРС, 153), *делать банный угол* 'недобросовестно, нестарательно работать', *по-банному крыт* 'невзрачен', *банная запуха* 'грязнуля', *банная затычка* 'о непопрятном человеке', *банная дура* 'совсем глупая'; сравн. также диалект-

ное субстантивированное прилагательное *банное*, 'относящееся к бане и считающееся в высшей степени нечистым'. *Банному и молитва не читают*» (СРНГ. 2, 96).

Для понимания истоков семантики фраземы *задать баню* важно также учесть, что в сфере этнокультурных представлений баня повсеместно осмыслялась как место обитания злого и опасного антропоморфного духа — *банника* (*банного*, *баенника*, *байника*). В народных воззрениях банник отчетливо противопоставлен другим, добрым домашним «нечистикам» — прежде всего домовому, а также овииннику, гуменнику и пуннику⁷. Отмеченное верование наглядно иллюстрируется следующей быличкой: «Банник мужика хотел отдуть. А мужик побежал от него, а банник за им. Мужик побежал мимо овина: «Подовинник, батюшка, спаси меня!» Подовинник выскочил, начал банника хлестать»⁸. По поверью, записанному В. И. Далем, «пар выживает банника временно, а в нетопленной бане он живет всегда» (Даль, I, 45). Банник опасен для моющих: «может испугать, бросая камни с печи, содрать с них живьем кожу»⁹; «дух, обитающий в бане, склонен к злым проказам, иногда затаскивает людей на горячую каменницу» (СРНГ. 2, 95). Банник может напустить на моющихся опасную болезнь — *банную нечисть* (СРНГ. 2, 43). Особую опасность банник представляет для тех, кто поздно пойдет один в баню (СРНГ. 2, 43); банник «удушает человека, который без молитвы станет один париться в бане или уснет там» (СРНГ. 2, 96). Банный дух особенно враждебен по отношению к жещинам и девушкам: «банной, если родильницу одну оставить в бане, сдерет с нее кожу» (СРНГ. 2, 96); «роженицу в бане на час нельзя оставить одну — нечистая сила удавит, — хоть маленького (не взрослого), но оставят»¹⁰; «банник задавил ее», — говорят о женщине, умершей в бане (СРНГ. 2, 95). О злонамеренности банника говорит и следующее поверье: «тем, кто, гадая, сует руку в баню, он может сковать пальцы железными кольцами». Банный дух в женском облике — обдериха — «плещет кипятком, душит угаром, подменяет оставшихся без присмотра детей»¹¹. Чтобы задобрить обдериху, «деревенские девушки, выходя вечером из бани, непременно оставляют на окне кусочек мыла и шайку теплой воды»¹². Более сложные обереговые действия по «нейтрализации» банника записаны В. Н. Добровольским в Смоленской губернии. При обдавании водой в бане становились правой ногой на маленький камешек, который приносили с собой. Входя на полок, приговаривали: «Хрещеный на полок, нехрещеный с полка». Выходя из бани, оставляли на полке ведро воды и веник для «хозяина» с приговором: «Тебе, баня, на стояние, а нам на здоровье» (СОС. 22).

Существенна роль, которую выполняет баня и в народной медицине. При этом важно отметить, что приемы «банного» лечения отличались особой «радикальностью», почти жестокостью. Так, для излечения ломоты во всем теле и для оздоровления в разгар полевых работ крестьяне «парятся и натираются в бане в сильном духу крапивой-жигучкой, так что все тело покрывается волдырями»; «при ломоте в спине или в плечах натирают больное место мелко натертым хреном или редькой; это натирание производится в бане, в сильном духу»¹³. Больных людей вносили в баню на жгучей крапиве; «в надежде помолодеть» старые люди парились в бане «лютыми кореньями». Больного оспой «ведут в жарко натопленную баню и парят на славу»¹⁴. С народной медициной соотносится этимологами и польская фразема *sprawić łaźnię* 'побить': ее происхождение связывается с народным обычаем хлестания в бане березовыми вениками для улучшения кровообращения (НКРР. II, 339).

Итак, этнокультурные сведения (несомненно, известные носителям языка и являющиеся для них весьма актуальными) не могли не отразиться на формировании семантики фраземы *задать (задавать) баню*. Негативность этой семантики — 'побить, поколотить; сильно отругать, выбранить' — необходимо связывать не только с традицией пыток в бане, но и в меньшей степени — с этнокультурными сведениями: 1) о бане как опасном, нечистом месте; 2) о бане как месте обитания злого,

враждебного людям банного духа — банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, напоминающих битые, избивание.

- ¹ См.: Мокшенико В. М. // Русская речь. 1974. № 6.
² См.: Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 35—36.
³ См.: Будовская Е. Э. // Русская речь. 1990. № 4. С. 106.
⁴ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1915. № 1—2. С. 113.
⁵ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1986. С. 115.
⁶ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 80, 87.
⁷ См.: Байбури А. К. Указ. соч. С. 36; Никифоровский Н. Я. // Виленский временник. Вильно, 1907. Кн. II. С. 60.
⁸ Богатырев П. Г. // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 59.
⁹ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 162.
¹⁰ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4. С. 109.
¹¹ Будовская Е. Э. Указ. ст. С. 109, 107.
¹² Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. М., 1975. С. 67.
¹³ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895. С. 148.
¹⁴ См.: Сказания русского народа... С. 277; Куличковский Г. Н. // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 47.

Л. Б. АДУЦКЕВИЧ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В ПРОЦЕССАХ ЕГО СЕМАТИЗАЦИИ

Воспринимая тексты на родном или неродном языке, человек встречается с неизвестными ему словами, в процессах семантизации которых работают два механизма: синтагматический и парадигматический. При синтагматическом поиске значения реципиент учитывает положение неизвестного слова в контексте, прежде всего, его грамматическую позицию и лексическую сочетаемость. В процессе парадигматической семантизации, которая является ведущей в случае недостаточности контекста, языковое сознание учитывает морфемно-словообразовательную структуру и фонетическую оформленность слова. В результате неизвестное реципиенту слово (обладающее для него пока только формой) сопоставляется с известными ему и по форме и по содержанию словами. Владение лексической системой языка включает понимание не только значений лексических единиц, но и значений слагаемых морфем, а также представления о правилах, по которым созданы и создаются слова, т. е. о действии и результатах действия словообразовательных моделей. Это позволяет предположить, что процесс парадигматической семантизации неизвестного слова зависит от того, как выражена семантика слова его структурой.

В настоящей работе показано, как при овладении неродным языком происходит парадигматическая семантизация неизвестного слова, в частности, как словообразовательная структура детерминирует процессы его семантизации. Исследование было осуществлено на основе психолингвистического эксперимента, так как в естественных условиях коммуникативной ситуации процесс семантизации, как правило, имплицитен и направляется факторами как парадигматического, так и синтагматического характера. Предполагалось, что на процесс семантизации оказывают влияние следующие морфемно-словообразовательные характеристики: 1) производность/непроизводность основы слова; 2) степень членности основы; 3) фразеологичность семантики слова; 4) количество корневых морфем.

Релевантность для процессов семантизации производности/непроизводности основы слова определяется тем, что производное слово отличается от непроизводного как мотивированный знак от условного, а процесс усвоения значения слова зависит от наличия связи между планом выражения и планом содержания. Как указывает Ч. Дж. Филлмор, «не-

мотивированные слова в каком-то смысле «труднее», поскольку их приходится выучивать отдельно, тогда как мотивированные слова легче запоминать и понимать даже в тех случаях, когда их значение не «вычисляется» автоматически из значений их частей»¹.

Значимость для семантизации степени членимости слова определяется тем, что от ее характера зависит легкость, с какой слово распадается на значимые части. Исчисление возможных степеней членимости слова (для русского языка) было предложено М. В. Пановым². По его шкале слова, входящие в два ряда соотношений (с тем же корнем и с тем же аффиксом), имеют первую степень членимости; слова, входящие в один сопоставительный ряд, имеют вторую и третью степень членимости, если это ряд однокорневых слов (т. е. уникальным элементом является аффикс), и четвертую и пятую степень членимости, если это ряд одноаффиксальных слов (т. е. уникальным элементом является корневая часть). М. В. Панов отмечает, что смысловая определенность элемента находится в прямой зависимости от количества сочетаний, в которых этот элемент встречается. Чем меньше количество таких сочетаний, тем меньше смысловая определенность элемента, и «она полностью превращается в икс при уникальности этого элемента. Икс этот, в сущности, равен нулю»³. Слова с уникальным или редким аффиксом (встречающимся в 2—3 словах с частотой не выше 10 в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977) включены в группу слов с ослабленной членимостью наряду со словами, в которых вычленение и идентификация морфем затруднены из-за наличия чередований и нехарактерных для структуры существительных префиксов.

Понятие фразеологичности/нефразеологичности семантики производного слова, выдвинутое также М. В. Пановым, позволяет учитывать степень зависимости совокупной семантики слова от семантики составляющих его морфем. Лексические значения слов с нефразеологичной семантикой «полностью складываются из значений составляющих их частей»; фразеологические лексические значения «кроме значения морфем содержат добавочные смысловые компоненты, которых нет ни в значениях производящих основ, ни в значениях производящих аффиксов»⁴. Слова с фразеологичной семантикой неоднородны: можно говорить о большей или меньшей степени идиоматичности семантики⁵. Степень идиоматичности определялась нами с помощью «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (М., 1981—1984). За критерий меньшей или большей степени идиоматичности мы взяли соответственно наличие или отсутствие однокоренного слова к толкуемому в словарной дефиниции.

Количество корневых морфем влияет на степень мотивированности слова: в общем случае слова, семантика которых выражена одной корневой морфемой и аффиксальными, обладают меньшей степенью мотивированности, чем слова, имеющие в своем составе две корневые морфемы, в силу конкретности, «вещности» значения корня и абстрактности значения аффикса. Е. С. Кубрякова отмечает, что, «несмотря на наличие семантической компрессии, значение сложного слова обычно прозрачно из-за весомости полнозначных компонентов композита...»⁶

Для эксперимента были отобраны слова следующих словообразовательных групп: 1) непронизводные слова; 2) слова с ослабленной членимостью; 3) аффиксальные производные первой степени членимости: 3^а — с высокой степенью фразеологичности семантики, 3^б — с низкой степенью фразеологичности, 3^в — с нефразеологичной семантикой; 4) сложные слова.

В ходе эксперимента по внеконтекстной семантизации русских слов иностранным студентам, обучающимся в СССР, были предъявлены 300 существительных, предположительно им неизвестных. Каждое существительное предъявлялось (одновременно в устной и письменной форме) 20 испытуемым. Одному испытуемому предлагалось не более 10 слов в день для письменного определения значения каждого неизвестного слова.

Результаты эксперимента позволяют в каждой группе слов выделить ведущие способы семантизации. (В статье мы рассматриваем только те из них, которые свидетельствуют об обращении испытуемых к системе русского языка.)

1. Для семантизации непронизводных слов характерно установление связей с известным испытуемому словообразовательным гнездом на основе звукового совпадения частей слов: *осетр* — 'от слова сеть'; *решето* — 'связано с глаголом решить/решать'.

Непронизводные слова чаще, чем слова других групп, получали семантизации, происхождение которых трудно объяснить. В основе так называемых случайных ассоциаций в большинстве случаев, по-видимому, лежит сближение не до конца освоенных слов на основе их звукового сходства или отнесение совсем «темного» для испытуемого слова к определенному тематическому полю, включающему большое количество немотивированных или слабо мотивированных слов: названиям растений животных, блюд: *омут* — 'птица'; *ворс* — 'животное'; *плесень* — 'какое-то растение'.

Если основа непронизводного слова по своему звуковому составу совпадает с корнем известного испытуемому глагола, то такое существительное расценивается как его безаффиксальное производное: *сажа* — 'процесс поставления семян в землю'; *страда* — 'от глагола страдать. Это тоска, жалость', т. е. испытуемые пытаются связать предъявленные слова не только со словообразовательным гнездом, но и с моделью.

2. Семантизация слов с ослабленной членимостью путем отнесения к определенному словообразовательному гнезду в большинстве случаев (72,6 %) свидетельствует о верном вычленении и осмыслении корня. Этим способом обычно семантизируются слова с уникальными и редкими аффиксами: *бельмо* — 'что-то белое'; *изголовье* — 'от слова голова'; *плакса* — 'связано с плакать'.

Основы слов с чередованиями и редкими префиксами испытуемые при семантизации часто переразлагают и в соответствии с неверным членением на морфемы пытаются связать предъявленные слова с определенным словообразовательным гнездом и моделью: *сыщик* — 'человек, который насыщен, у которого нет голода'; *простенок* — 'простой человек'; *подчеркица* — 'подчеркнутые слова в тексте'.

3. Семантизация аффиксальных производных первой степени членимости происходит путем лексической конкретизации на основе узнаемого корня и узнанной словообразовательной модели. При толковании испытуемые могут ограничиваться семантикой корня и словообразовательной модели, конкретизация фактически отсутствует. Такая широкая семантизация соответствует узуальной, если семантика слова нефразеологична: *хвалитель* — 'тот, кто хвалит кого-нибудь'; *объединитель* — 'тот, кто (то, что) объединяет кого-то, что-то', а если фразеологична, то полученные толкования шире соответствующих узуальных: *качалка* — 'то, что качается'; *блестки* — 'что-то блестящее, маленькое'. В других случаях испытуемые привносят в семантику слова добавочное значение, не имеющее формального выражения. Если такое добавочное значение привносится в слова с неидноматичной семантикой, то слову приписывается более узкое значение, чем оно имеет в действительности: *выдумщик* — 'человек, который что-то дурное выдумывает'; *возбудитель* — 'человек, который возбуждает чувства в ком-нибудь'. Лексическая конкретизация при семантизации слов с фразеологичной семантикой может привести как к узуальной, так и незузуальной семантизации, которые одновременно могут содержаться даже в толковании одного испытуемого: *копеечник* — 'человек, который заботится о каждой копейке, скупой человек или место, где собирают мелочь'.

Незузуальные семантизации слов с низкой степенью фразеологичности в большей мере соответствуют реальному значению, чем незузуальные семантизации слов с высокой степенью фразеологичности. Об этом, в частности, свидетельствуют незузуальные, но возможные в разговорной речи

значения слов, полученные от испытуемых на существительные группы Зб: *волосатик* — 'человек с длинными волосами'; *качалка* — 'что-то вроде кровати, предназначена для качания маленьких детей'.

4. Поиск значения сложного слова происходит в основном в рамках верной идентификации корневых морфем: *однолюб* — 'когда человек любит другого, но не наоборот, или любит только одного человека, никого другого'; *глазомер* — 'таблица, по которой врач проверяет зрение'; *кашевар* — 'посуда для варки каши'. О высокой степени прозрачности сложных слов, кроме большого процента узуальных семантизаций и малого — отрицательных ответов, свидетельствует и фактическое отсутствие случайных ассоциаций. Это, по-видимому, объясняется тем, что в структуре сложного слова легче выделить хотя бы один корень, который может стать отправной точкой для семантизации.

Способы семантизации	Типы строения слова					сложные
	непроизводные	с ослабленной членностью	аффиксальные производные I ст. чл.			
			с высокой фраз.	с низкой фраз.	с нефразсемант.	
Неверная лексическая конкретизация на основе верной идентификации всех компонентов	—	2,6	34,7	43	6	28,8
Семантизация на основе всех вычлененных морфем при неверной идентификации одной или нескольких из них	3,7	4,3	9,4	10,3	10	1,7
Семантизация на основе осмысления корня (-ей)	10,7	37,3	19,9	10,2	12,4	12,9
Случайные ассоциации	7,9	5,5	1,9	1,5	0,6	0
Узуальные семантизации	11,4	15,3	9,6	22,1	60,1	40
Отрицательные ответы	38,6	28,5	12,7	7,9	3,1	5,4
Другие способы семантизации	27,7	6,5	11,8	5	7,8	11,2
Всего, %	100	100	100	100	100	100

Таким образом, способ осознания семантики неизвестного слова в определенной мере зависит от его структуры. В таблице представлены доли ответов, приходящихся на каждый из рассмотренных способов семантизации, в процентном отношении к другим способам по каждой из выделенных групп слов. (В отдельных графах указаны доли отрицательных ответов, т. е. отказов от семантизации, и семантизаций, совпадающих с узуальными. Основную часть ответов, объединенных в графе «Другие способы семантизации», составляют толкования, базирующиеся на фактах родного языка испытуемых; незначительная часть ответов приходится на семантизацию путем отождествления с частично известным словом русского языка и семантизацию путем осмысления аффиксов.)

Для осмысления неизвестного слова значима степень мотивированности его значения строением: количество узуальных семантизаций, полученных в результате лексической конкретизации на основе верной идентификации всех компонентов слова, прямо пропорционально возрастанию мотивированности, а количество отрицательных ответов — обратно пропорционально. В процессе парадигматической семантизации особую значимость приобретает вычленение и осмысление корня, вещественное значение которого задает основное направление поиску семантики неизвестного слова.

¹ Филлмор Ч. Дж. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 39.

² Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова, М., 1968. С. 214—215.

³ Панов М. В. // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1956. Т. 51. Вып. 5. С. 143.

⁴ Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 5, 6.

⁵ См.: Мельчук И. А. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1968. Т. 27. Вып. 5; Гловинская М. Я. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975; Ермакова О. П. Указ. раб. С. 25.

⁶ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981. С. 69.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, Н. М. ГУРИНА

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧИ И СМЕЖНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Рефлексия говорящих над процессами языковой коммуникации, с одной стороны, и метаязыковая функция речи, с другой, обуславливают наличие в каждом языке тех или иных средств передачи речи и построения высказываний о языке/речи. Рефлексивность языка (т. е. возможность мысли и речи о языке с использованием его речемыслительных механизмов и лексико-грамматических средств) — это одна из тех семиотических универсалий, которая отличает язык людей от языка животных¹.

В филогенезе наиболее ранние результаты рефлексии над языком закрепляются в древнейшей лексике и фразеологии со значениями (часто синкретичными) 'говорить, спрашивать, отвечать', 'сообщать, знать, понимать, думать', 'сказанное, речь, слово'; в паремииологии²; в мифопоэтических и обиходных представлениях разных народов о языке. Так, согласно реконструкциям Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, древние индоевропейцы, например, считали, что дар речи, наряду с двуногостью, отличает людей от животных; что боги отличаются от людей (помимо «двуногости», и «небесности») особой пищей и особым языком³. В ведической традиции есть сюжет о первичном состязании между молчащим божеством чистого разума и богиней речи; разум побеждает, однако за речь признается роль необходимой опоры творящего разума. Для христианской онтологии языка показательно, что в Евангелии от Иоанна Слово (греч. «Логос») означает второе лицо Троицы — Сына Божия; в одном из православных толкований в этой связи говорится: *Слово же в человеке во образ сына божия, понеже сын божии имат у себе два рождения, первое родися от отца неким рождением непостижным..., второе же родися без страсти истинно плотию. ...Того ради по сугубому рождению сына божия и нашего слова сугубое рождение, понеже бо наше слово рождается прежде от душа неким рождением непостижным и пребывает у душа неведомо. И пакы рождается вторым рождением и плотским, еже есть устнами изыдет и гласом в слышании объявится*⁴. Таким образом, по мысли писавшего, слово «двугубо» — духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа (ср. общепризнанное в современной лингвистике мнение об особой трудности изучения семантики). Как можно видеть, уже на ранних ступенях филогенеза рефлексии над языком были выработаны определенные позитивные представления о языке и поставлены основные вопросы философии языка (язык и сознание; форма и содержание в языке; создающие возможности языка).

В онтогенезе современного человека факты метаязыковой рефлексии возможны на третьем-четвертом году жизни и обычны начиная с пятого-шестого. Метаязыковые операции осуществляются на базе парадигматических механизмов левого полушария⁵. Рефлексия выражается в сопоставлении форм и слов, в отказе от одних форм и слов и предпочтении других, в исправлении чужой или своей речи, в экспликации процесса или результата семантизации какого-то слова и т. п. При этом в одних случаях рефлектирующее сознание может использовать те или иные языковые/речевые средства, в других — обходиться без них. Оба случая широко представлены, например, в книге К. И. Чуковского «От двух до

пяти», ср.: (1) *Давай я буду покупатель, а ты продаватель.* — *Не продаватель, а продавец.* — *Хорошо, я продавец, а ты покупатель* (коррекция и языковая игра); (2) *Понимаешь, родились два мальчишка и оба называются Яшки. Их так и назвали: два Яшки [двойшки]. А когда они вырастут, их будут звать Миша и Лева* (метаязыковые средства — слова называются, назвали, будут звать).

По-видимому, языки могут различаться характером и степенью разнообразия своих метаязыковых средств. У Вейнрейх считал типологически значимой характеристикой лексического запаса языка то, насколько эффективен данный язык для своего собственного описания (степень «циркулярности», определяемости слов друг через друга)⁶. Высказывалась также мысль о типологической значимости различий языков в «модальности сказывания», т. е. в отношении говорящих к дилеммам словесного представления действительности в высказывании⁷.

Легко видеть многочисленность и в большинстве случаев полную обычность высказываний, в которых представлена и/или охарактеризована речь говорящего и/или других лиц. Так, в высказываниях *Ваня сказал: «Я жду Машу»*; *Ваня якобы сказал, что ждет Машу*; *Ваня сказал по-белорусски: «Я жду Машу»*; *«Я, так сказать, жду Машу»*, — *сказал Ваня, многозначительно растягивая слово жду* использованы следующие структурные разновидности средств презентации речи: 1) графико-пунктуационные (оформление прямой речи, включая заглавную букву в ее начале, графическое выделение слова *жду*); 2) морфологосинтаксические (союзы, модификация значения лица); 3) лексические (*сказал, по-белорусски, так сказать, многозначительно растягивая слово*). Лексические средства презентации наиболее многочисленны и разнообразны. Благодаря им возможна углубленная метаязыковая рефлексия, тонкое и точное комментирование речи.

Структура лексики, используемой для презентации речи, в общем плане определяется структурой отображаемого объекта (т. е. сферы коммуникации). Согласно представлениям, восходящим к К. Шеннону («The Mathematical Theory of Communication, 1949) и Р. О. Якобсону («Linguistics and Poetics», 1960)⁸, всякий коммуникативный акт предполагает наличие таких компонентов, как адресант, адресат, контакт (акт коммуникации, включая физические и психологические условия коммуницирования), код (общий для коммуникантов язык), сообщение (содержание коммуникации) и контекст (связанная с данным сообщением информация, предварительно известная коммуникантам). Указанным компонентам коммуникативного акта соответствуют основные группы обозначений, служащих для презентации речи.

А) Названия адресанта и адресата: *слушатель, читатель, чтец, толкователь, пишущий эти строки, радионяня, оратор, дикторша, Би-би-си, выступальщик...*

Б) Названия актов и процессов коммуникации: *говорить, спрашивать, отвечать, интервьюировать, мямлить, почемукать, кодировать, висеть на телефоне, лапшу на уши вешать...*

В) Названия кода, его элементов и характеристик: *язык, стиль, говор, феня, волапюк...; слово, фраза, выражение...; белорусский язык, социальный диалект, косноязычие, закадровый голос...*

Г) Названия видов сообщений и их элементов: *вопрос, ответ, рассказ, евангелие, сценарий, справка, речевка, шпаргалка, ноу-хау, дайджест, эпизод...*

Д) Лексико-синтаксические средства «текущей» характеристики речи, включаемые говорящим в пропозицию (внутри структуры основного высказывания): *вообще говоря, по правде сказать, выражаясь высоким штилем, по счастливому выражению (имярек), мол, де...* Находясь на ином синтаксическом уровне по отношению к основному высказыванию, вводные конструкции имеют тенденцию к редукции лексического значения компонентов, к фразеологизации и лексикализации словосочетаний (ср. *так сказать, собственно говоря, дескать* и т. п.).

Языковой статус категории презентации речи определяется ее взаимоотношениями с некоторыми другими классами языковых явлений. С одной стороны, это тематически определенные (но по-разному определяемые в конкретных исследованиях) лексико-тематические и лексико-семантические группы слов — такие, как глаголы речи; или, шире, лексика, связанная с приемом и передачей информации; или некоторые группы обозначений интеллектуальных действий и состояний; или группы слов, объединенные дескрипторами⁹ *говорить, речь, слово* и т. п. С другой стороны, категория презентации речи сопоставима с такими функциональными (и, разумеется, не однопорядковыми) категориями, как модальность, вводность (релятивность)¹⁰, приблизительное наименование¹¹. В частности, категория презентации речи и модальность имеют некоторые общие средства выражения. Например, в простых и сложных высказываниях с изъяснительными конструкциями глаголы речи, указывая на источник той информации, которая передается данной конструкцией, вносят в высказывание большее или меньшее сомнение в достоверности события. Ср.: *Болезнью Боткина он не болел* и *Болезнь Боткина отрицает; Он придет* и *Говорил придет; Он поляк* и *Пишется поляком*. Реальность сообщаемого события не достигает нейтрально-индикативного уровня и при перформативах: *Обвинили в растрате; Клялся, что придет*.

Некоторые серии модальных частиц, вводных слов и конструкций вносят в высказывание значение большей или меньшей ирреальности, которое формируется на основе метаязыковой семантики, обусловленной их внутренней формой. Например, если говорят: *Поверьте, это в ваших интересах*, то значит, содержание основной части недостаточно убедительно; если говорится: *Повторяю, это...*, значит, говорящий не уверен, что сообщение действительно является повтором или что слушатель понимает, что это повторение; если говорится: *«Что еще важнее, . . . , значит, говорящий не уверен, что для слушателя очевидно, что «это еще важнее»*. Метаязыковой комментарий может передавать колебания говорящего в выборе языковых средств (*с ним там говорил следовательно, что ли; имитация, а еще лучше сказать, симуляция; что-то вроде сарая*). Эта текучесть или неопределенность обозначения референтной ситуации ослабляет индикативную модальность высказывания.

В гносеологическом аспекте общезыковые средства презентации речи представляют собой первичную семиотическую систему, моделирующую в коллективном сознании процессы общения. В целом это отображение / осмысление на уровне «здорового смысла» и обыденного сознания, т. е. картина наивная, но в общих чертах адекватная реальности. С развитием культуры, созданием письменности и углублением рефлексии над языком и коммуникацией формируются вторичные семиотические системы, моделирующие соответствующие феномены. Это различные в разных культурах системы представлений о языке, речи, текстах, общении — например, правила построения заданных текстов (грамматика Панини); словари иероглифов, объяснявшие их структуру и этимологию, позже также и правила чтения иероглифов (древнекитайская традиция); грамматика, риторика, поэтика и отчасти диалектика и логика в европейской античности и в Средние века; в новое время — филологическая критика текста, лингвистика и литературоведение; теория коммуникации (в качестве комплексной гуманитарной дисциплины, объединяющей семиотику, некоторые области психологии, социологии, психолингвистики, литературоведения и исследующей коммуникацию как жизненно важный компонент всех человеческих институций и объединений)¹² и др. Вторичные семиотические системы, моделирующие язык и процессы общения, возникают на основе первичной картины, формируемой естественным языком. Однако, по мере развития знания, вторичные системы приобретают более или менее специальный характер, т. е. становятся «науками». Языковые/речевые средства, используемые различными науками о языке и коммуникации, составляют соответствующие ме-

таязыки (метаязык лингвистики, метаязык теории коммуникации, метаязык нейролингвистики и т. д.). Содержательным ядром специальных метаязыков является терминология соответствующих дисциплин.

Таким образом, метаязыки могут быть противопоставлены средствам презентации речи по признаку «специальный (терминологический) — общий характер», однако между специальными метаязыками и нетерминологическими средствами презентации речи имеется генетическая связь: в конечном счете они представляют собой две ступени рефлексии над языком, два уровня проявления метаязыковой функции речи.

Анализ средств презентации речи представляет интерес в трех аспектах. Во-первых, в аспекте культурологии: данные о составе языковых средств презентации речи в разных языках, а также о тенденциях развития таких средств в определенные периоды истории могут быть полезны для понимания типологии коммуникативных процессов в социумах. Во-вторых, в аспекте лингвистической гносеологии: такой анализ отвечает естественному для всякого специального знания интересу к общечеловеческим (непрофессиональным) представлениям о «своем» предмете, т. е. в данном случае — интересу лингвистов к обиходным представлениям о языке/речи и языковом общении. В-третьих, в чисто лингвистическом плане: встает вопрос о способности определенной содержательной интенции общения (в данном случае — метаязыковой функции языка/речи) объединить достаточно разнородные языковые средства в некоторую языковую общность — функциональную категорию презентации речи. Если такое объединение поддерживается известной общностью в плане выражения, то встает вопрос о выявлении и интерпретации таких черт и, далее, об определении места категории презентации речи в ряду сопоставимых явлений языка.

¹ См.: Хоккет Ч. // Новое в лингвистике: Языковые универсалии. М., 1970. Вып. 5. С. 58.

² Ср.: диапазон аспектов коммуникации, запечатленный, например, в таких русских поговорах: *Язык телу якорь; От слова не сбудется; Сказано — серебро, не сказано — золото; Молвить — не воротить, плюнешь — не поднимешь; Ради красного словца не пожалеет родного отца; Язык — враг: прежде ума глаголет; Красна речь с притчею.*

³ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Ч. I—II. С. 471 и далее.

⁴ Цит. (с графическими упрощениями) по изданию: Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. I. С. 675—676.

⁵ См.: Якобсон Р. О. // Афазия и восстановительное обучение: Тексты. М., 1983. С. 141; Он же // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 3. С. 163.

⁶ См.: Вейнрейх У. // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М., 1970. С. 221.

⁷ См.: Сахно С. Л. // Всес. конф. по типологии: Тез. докл. М., 1990. С. 143.

⁸ Русский перевод опубликован в кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

⁹ См.: Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980; Русский семантический словарь. М., 1983.

¹⁰ См.: Япон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

¹¹ См.: Сахно С. Л. // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

¹² См.: Williams F. The New Communications. Wadsworth, 1989; International Encyclopedia of Communications. Oxford; New York; Toronto, 1989. V. 1—4.

О. М. ГАЛАЙ, Н. К. ЗУБОВСКАЯ

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-сопоставительное изучение двух или нескольких языков независимо от родства и территориальной распространенности предполагает выявление в них отношений изоморфизма и алломорфизма.

Задачи сопоставительного изучения языков ставятся и решаются на

различных уровнях. Исключительно важным является сопоставительное изучение лексических явлений, ибо лексика представляет собой обширную и очень сложную часть языка.

Необходимым и существенным моментом семантического анализа лексики любого языка является изучение закономерностей употребления его лексических единиц, так как именно в особенностях употребления языковых единиц, связи с другими единицами отражается характер и специфика их внутреннего содержания.

Для выявления общих системных свойств лексики разных языков и специфики каждой из них и используется сопоставительная методика, состоящая в параллельном прослеживании характерных особенностей сравниваемых языков на одних и тех же участках лексической системы и на одном и том же срезе их исторического развития.

Для более глубокого понимания особенностей слов какого-либо языка необходимо их сравнение со словами другого языка как в плане языка, так и в плане речи. Анализ лексических значений слов разных языков на парадигматическом уровне (в плане языка) может производиться на базе лексикографических источников. При таком анализе выявляются смысловые структуры лексических единиц, а также отождествляются значения соотносительных по семантике слов. При сравнении соотносительных слов разных языков в плане речи (на синтагматическом уровне) проводится сопоставление семантических структур лексем с учетом лексической сочетаемости, что объясняется тем, что вследствие более или менее непосредственной направленности на референт парадигматически закрепленные значения эквивалентных слов, как правило, довольно точно совпадают. Различия же семантических систем исследуемых языков обусловлены, главным образом, синтагматическими употреблениями слова в речи.

В качестве примера можно рассмотреть и сопоставить атрибутивные словосочетания, образованные прилагательными размера русского, немецкого и французского языков. Прилагательные, объединенные общим понятием «размер», в указанных языках являются многозначными, что, как правило, обусловлено контекстом, точнее, сочетанием с именем существительным.

Говоря о структуре словосочетаний, необходимо заметить, что русский язык характеризуется так называемым свободным порядком слов. Однако степень «свободы» разных членов предложения различна. Так, в атрибутивных словосочетаниях преобладает фиксированный порядок слов, поскольку определение более тесно, чем дополнение или обстоятельство, связано с тем словом, к которому относится. Возможность варьирования словоупорядка в таких словосочетаниях ограничена, поэтому определение, как правило, занимает препозитивное положение по отношению к определяемому слову. Постпозиция определения — необычное положение, которое может быть использовано для выражения других отношений.

По отношению к ядру словосочетания (существительному) немецким прилагательным, как и русским, свойственна препозиция (Adj.+Sub.).

Характерным признаком русского языка является согласование прилагательного с существительным в роде, числе и падеже. Для немецкого языка согласование менее характерно, поэтому здесь прослеживается номинация атрибутивной детерминации за счет свернутой до сложного слова синтагмы. Минимальная бинарная определительная синтагма в русском языке соответствует сложному слову в немецком, где словосложение исключительно продуктивно используется для номинации определенных отношений, а в русском языке с развитой системой флексий тенденция к атрибутивному словосложению так ясно не проявляется. Таким образом, детерминирующим признаком для номинации атрибутивной семантики в русском языке является согласование в бинарной синтагме, маркируемое флексией, а в немецком языке — свертывание бинарной синтагмы до сложного слова:

большой город — die Großstadt — die große Stadt;
высотный дом — das Hochhaus — das hohe Haus.

В рассматриваемых языках постпозиция прилагательного является сильным средством смыслового выделения атрибута. Большой вес, краткость и комплектность постпозитивного определения обеспечивают ему место в ряду стилистических средств. В обоих языках постпозиционное определение распространено в деловом стиле, поэзии и разговорной речи.

Однако большая регламентированность позиции прилагательного в немецком языке, обусловленная его структурным типом, позволяет сделать вывод о большей экспрессивности немецких прилагательных-определений в постпозиции по сравнению с постпозитивными прилагательными в русском языке.

Вопрос о месте определения по отношению к определяемому в предложении является одним из сложных и не вполне разрешенных вопросов грамматики французского и некоторых романских языков. Выбор позиции прилагательного во французском языке не вполне свободен и зависит от целого ряда факторов. Особый интерес исследователей к проблеме порядка слов в именной группе связан со специфическими свойствами романских языков: зависимостью позиции прилагательного от семантики именной группы.

Нормативной и нейтральной для французских прилагательных является постпозиция: **un homme grand** — **высокий человек**. Вместе с тем часто встречается препозиция прилагательного по отношению к существительному: **un petit enfant** — **маленький ребенок**. Препозиция прилагательного в именной группе может определяться несколькими факторами: в препозиции, как правило, могут стоять прилагательные, обозначающие количественные признаки и по семантике близкие к местоимениям, либо прилагательные, обозначающие наиболее общие свойства предметов, величину, интенсивность, а также прилагательные, не несущие новой информации и означающие неотъемлемое свойство. Таким образом, препозитивное прилагательное выражает признак, независимый от ситуации. В современном французском языке препозиция прилагательного-определения (так называемая рамочная конструкция) и наличие одной ритмической группы служат грамматическим средством выражения тесной смысловой связи атрибутивного признака со своим носителем, что обусловлено самим строем французского языка, обладающим относительно слабо развитой системой флексий и нуждающимся поэтому в других грамматических средствах для уточнения значений слов и словосочетаний, передачи синтаксических отношений и пр. Часто препозиция диктуется желанием говорящего или пишущего представить какое-либо качество как само собой разумеющееся и несущественное для сообщения. Эта несущественность нередко обусловлена присутствием постпозиционного определения, оттесняющего на первую позицию прилагательное более общего значения: **la longue barbe blanche** — **длинная белая борода**.

Итак, атрибутивные словосочетания имеют широкую распространенность в рассматриваемых языках. Данные языки характеризуются рядом типологических сходств и различий в структурной организации таких словосочетаний, согласовании и позиции их компонентов. Сходство структурной организации атрибутивных словосочетаний состоит в их бинарности. К структурным различиям относится обязательное согласование в роде и числе прилагательного и существительного в русском языке; менее характерно такое согласование для немецкого языка (что выражается в свертывании бинарной синтагмы до сложного слова), и отсутствие оппозиции по признаку рода большинства прилагательных французского языка. К структурным особенностям атрибутивного словосочетания относится твердый порядок расположения компонентов словосочетания в русском и немецком языках (прил.+сущ. и Adj.+Sub.), что позволяет говорить об изоморфизме между русским и немецким языками, и два варианта расположения компонентов словосочетания во

французском языке (A+N и N+A). В сравниваемых языках один и тот же смысл может передаваться по-разному. Например, в русском языке — словосочетанием, в немецком — сложным словом, во французском — лексикализованной группой или также сложным словом:

короткое замыкание — der Kurzschluß — le court-circuit;
бреющий полет — der Tiefflug — le vol en rase-mottes;
подзорная труба — das Fernrohr — la longue-vue;
бабушка — die Großmutter — la grand-mère.

Таким образом, номинация в рассматриваемых языках может происходить при помощи единиц разных уровней. Поэтому разноуровневые, различные по структуре семаснологические сущности необходимо рассматривать как варианты номинации.

Между эквивалентами разных языков наблюдаются, как правило, пересекающиеся асимметричные отношения. В силу, главным образом, специфичности и неповторимости, с одной стороны, сематического и функционального объема большинства языковых фактов, с другой — свойственных языку синонимических рядов, существующие между языками эквивалентные отношения в целом асимметричны по своему характеру.

Интерес к проблемам сопоставления лексических единиц не случаен, поскольку позволяет существенно уточнить специфику смысловой структуры каждого из сопоставляемых языков, выявить характерные черты сходства и различия, а также глубже понять специфические особенности каждого из сопоставляемых языков и уяснить их общие закономерности.

М. О. ЛОЙКО

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКА

В психолингвистике среди методик семантического анализа выделяется метод семантического дифференциала. Этот метод впервые был предложен Ч. Осгудом для определения коннотативного значения слова¹. В логике и психологии коннотативное значение трактуется по-разному. В логике оно содержит предметно-логическую информацию, в психологии — субъективно-эмоциональную. Под коннотативным значением в психологии подразумеваются те эмоциональные элементы значения слова, которые отражают отношение говорящих к предмету речи.

Предложенная Ч. Осгудом техника измерения значения состоит из ряда непрерывных противопоставленных шкал с семью делениями, на которых испытуемый должен поместить предъявляемое понятие. Если слово помещается на середине, т. е. на одинаковом расстоянии от полярных терминов, это значит, что оно никак не определяется ими. Однако если испытуемый считает, что предложенное ему для оценки слово в какой-то мере ближе к одному из значений шкалы, он помещает его соответственно в сторону этого термина. Чем ближе определяемое слово находится к одному из концов шкалы, тем большее подобие значений выявляется у них. Дальнейшее вычисление профилей значения, которые данное понятие получает на всех делениях, и является мерой коннотативного значения этого слова.

Количество шкал может быть неограниченным. Ч. Осгуду и его сотрудникам путем математических вычислений удалось объединить шкалы в три независимые объединения измерения или фактора: силы, оценки и ориентированной активности. Факторы эти, как постулирует Ч. Осгуд, могут использоваться для построения семантического пространства, внутри которого размещаются слова какого-либо понятия. Ч. Осгуд также пришел к заключению, что построенная им трехмерная пространственная модель является универсальной и, следовательно, мо-

жет быть стандартом (эталоном) для измерения значений слов любого языка. Это положение, однако, не подтвердили последующие эксперименты. Вместе с тем методика измерения значения слова Ч. Осгуда в несколько модифицированном виде с успехом использовалась в ряде работ². Нельзя не согласиться с заключением А. П. Клименко, что осгудовское измерение значения применимо в наибольшей мере к измерению тех слов, в содержании которых на первом месте эмоциональный, оценочный фактор. По методике, близкой к методике Ч. Осгуда, мы провели измерение значений 35 имен прилагательных, заключающих в своих дефинициях семантику интенсивности. Испытуемым (30 студентам-филологам) было предложено оценить каждое из этих слов по трем факторам (от -1 до $+1$) трехбалльной системы Ч. Осгуда. Был подсчитан средний показатель каждого слова по факторам. Поскольку значения слов интерпретируются как точки в семантическом пространстве, между ними было измерено расстояние для всех пар слов по известной формуле:

$$D_{il} = \sqrt{\sum_j D_{ijl}^2},$$

где d_{il} означает разность между координатами слов i и l на каждом данном из j измерений.

В семантическом пространстве интенсивность признака слова невозможно свести к синонимическим или антонимическим отношениям, либо семантическим группировкам, ибо не все члены семантических групп оказываются на близком расстоянии друг от друга и не все пары, находящиеся близко, принадлежат к одной группировке. Ср.: *мерзкий* — *бдительный* (0,26), *мерзкий* — *титанический* (0,30).

Ч. Осгуд, а также критики семантического дифференциала указывают, что ценность этой методики особенно показательна для изучения прагматики лексики. Определенная часть слов, входящая в поле интенсивности признака, относится к выражению чувств и эмоций. И, как представляется, именно этот слой лексики поддается интерпретации с точки зрения прагматики.

Развивая предложения У. Вайнрайха, Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука, А. К. Жолковского, А. Вежбицка предложила гипотезу — проводить семантический анализ таких слов при помощи «элементарных семантических смыслов» («хотеть», «чувствовать», «так как», «сказать»), где одновременно репрезентируются значение слова и его толкование³. Ж. Вандриес проблему семантической структуры слова решал в аспекте его психического восприятия. «Всякое слово всегда вызывает в нашем сознании какое-то представление чего-то веселого или печального, приятного или ужасного, большого или маленького, удивительного или смешного»⁴, — утверждал он. «Семантические смыслы» А. Вежбицкой, «представления» Ж. Вандриеса входят в состав компонентов значения, которые образуют как бы дополнительные значения.

В построенном семантическом пространстве интенсивности выделяется группа слов: *азартный* — *заядлый* (0,22), *пылкий* — *бдительный* (0,04), *pronзительный* — *пылкий* (0,28), которые интуитивно осознаются как устойчивое эмоциональное увлечение определенными видами деятельности. В слове *азартный* этот признак выражен наиболее ярко, далее по степени убывания признака «деятельность» следует *заядлый*, *пылкий*, *бдительный*, *pronзительный*, что дополняют данные семантического дифференциала (ср.: *азартный* — *заядлый* (0,22), *азартный* — *пылкий* (0,26), *азартный* — *бдительный* (0,3), *азартный* — *pronзительный* (0,39)). Близкое расположение слова *наглый* к этой группе объясняется наличием у него также признака «действия», однако несколько иного характера. Если в приведенных словах «действие» каузируется желанием, целью, то *наглый* каузирует чувства, связанные с действиями, причем нежелательными.

Пары слов *необузданный* — *безмерный* (0,27), *вопиющий* — *необуз-*

Список слов по интенсивности признака

Слова	Факторы		
	ориентированной активности	силы	оценки
азартный	2,4	2	2,23
наглый	2,36	2,1	1,96
пылкий	2,23	2,13	2,03
бдительный	2,23	2,1	2
заядлый	2,2	1,96	2,13
здоровенный	2,2	2,63	2,56
пронзительный	2,2	2,33	2,13
свирепый	2,13	2,46	2,3
ослепительный	2,06	2,36	2,43
непревзойденный	2	2,3	2,36
мерзкий	2	2,13	2,13
изуверский	1,96	2,43	2,4
необузданный	1,86	2	1,56
внушительный	1,8	2,1	2,1
титанический	1,8	2,36	2,13
дьявольский	1,76	2,33	1,96
вопиющий	1,76	1,86	1,86
матерый	1,73	2	1,9
безмерный	1,7	1,8	1,66
знойный	1,66	1,8	1,83
увесистый	1,56	2,1	1,86
махровый	1,5	1,5	1,63
изрядный	1,5	1,36	1,46
баснословный	1,46	1,6	1,7
приторный	1,46	1,33	1,63
ангельский	1,46	1,7	1,83
исступлённый	1,43	1,56	1,53
извечный	1,4	1,43	1,7
смиренный	1,36	1,46	1,66
скрупулёзный	1,33	1,36	1,7
церемонный	1,33	1,26	1,46
допотопный	1,33	1,43	1,6

данный (0,34), *вопиющий* — *безмерный* (0,21) объединяются в том смысле, что вызываемые ими чувства обладают свойствами, которые могут проявляться в некоторый данный момент времени. В рамках «семантических примитивов» можно предложить следующую дефиницию для этих слов: «чувствуем **так**, **когда** реагируем на неожиданные обстоятельства или факты, идущие против наших ожиданий, перестаем контролировать свои мысли, поступки на некоторое время». Предрасположенность к чувству восторга выявляет общее в словах *непревзойденный-ослепительный* (0, 11). Такое чувство связано с реакцией на что-то красивое. Толкование этого чувства можно заключить в дефиницию: «восторг — это чувство, которое появляется **тогда**, **когда** видим что-то красивое». За словами *изуверский* — *свирепый* (0,19) скрывается стереотип о недопустимой мере проявления силы, внушающей чувства страха и ужаса.

Чувства эти связаны с нежеланием того, что может произойти, т. е. «чувствует так, когда обычно чувствуем, что что-то плохое может случиться и не хотим, чтобы это произошло».

Нагляднее полный список анализируемых слов можно проследить по таблице. Близко по фактору «ориентированной активности» расположены *азартный, наглый, пронзительный, бдительный, заядлый, свирепый, непревзойденный, ослепительный, изуверский* и ниже *необузданный, вопиющий, безмерный*. Хотя не все эти слова проявляют себя одинаково во всех отношениях, но объединяются они тем, что обнаруживают сходство в выражении аспектов психики человека, т. е. психического состояния как свойства его природы и характера, где признак «временность» является определяющим. Выделяются слова, которые связаны с реакцией человека, которая включает: отношения друг к другу (*наглый*), разнообразия, направленные на что-то эмоции. Слова, обозначающие эти понятия, выявляют между собой небольшой семантический дифференциал (ср.: *необузданный — безмерный* (0,22), *необузданный — вопиющий* (0,34), *безмерный — вопиющий* (0,21), а также выражают эмоции, по существу, не направленные, которые переживаются сами по себе (напр., восторг, страх, ужас).

По этому же фактору в нижней части таблицы группируются слова, которые описывают постоянные качества. В словах *извечный — допотопный* (0,12), *допотопный — баснословный* (0,23), *извечный — баснословный* (0,17) выявляется общий компонент значения «давность существования во времени». Пара слов *смиранный — церемонный* (0,28) дает понятие о поведении человека согласно обычаям и нравам и выражает традиционные этические установки. В этих словах отмечается разнообразие уточняющих признаков, которые совпадают с прилагательными, характеризующими психический аспект поведения человека (напр., признак «добросовестность»). Так объясняется и связь между словами *церемонный — скрупулезный* (0,26).

Обобщая результаты размещения слов по фактору, интересно представить их интерпретацию в психологическом смысле. Понятие «временность» не ассоциируется с понятием «постоянства», «давности»; понятие ужаса, страха не совместимо с понятием доброты, восторга, восторга со спокойствием. Это подтверждается их большим семантическим дифференциалом (ср.: *бдительный — допотопный* (1,18), *заядлый — церемонный* (1,29), *пронзительный — смиранный* (1,29), *непревзойденный — церемонный* (1,26), *изуверский — допотопный* (1,42), *ослепительный — допотопный* (1,44)).

Наше исследование преследовало цель — измерить коннотативное значение интенсивности признака. Если это значение определять как меру отношения испытуемых к оцениваемым понятиям, то здесь универсальным приемом анализа выступает метод семантического дифференциала.

¹ См.: Osgood C. E. // Psychol. Bul. Baltimore, 1952; Jenkins J. J., Russell W. A., Suci G. J. // The American Journal of psychology. Baltimore, 1958. V. LXXI. № 4.

² См.: Rogala St. Rozumienie znaczenia konotacyjnego pojęć przez uczniów szkół średnich (na podstawie badań metodą dyferencjału semantycznego C. E. Osgooda, G. J. Suci). Wrocław etc., 1979; Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Мн., 1970.

³ См.: Вежбицка А. // Семантика. М., 1983.

⁴ Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 175.

Я. Р. РАДКЕВІЧ

РАДЫЁ І ПАЛІТЫКА

Наіўна чакаць раптоўных змен у рэальным жыцці. Працэс ломкі старых традыцый ідзе марудна, балюча, але ідзе, і адзначаць прынцыпова важныя моманты ў ім неабходна, каб адшукаць апорныя пункты ў далейшым працоўванні наперад.

Радыё — найлепшы сродак фарміравання і выказвання грамадскай думкі, а значыць, і непасрэднага яе ўплыву на палітыку кіруючых структур. Сама ж палітыка ёсць, па сутнасці, барацьба за ўладу, адно што вядзецца пад рознымі шыльдамі і рознымі метадамі. Заваяваць сімпатыі грамадскасці сваімі праграмамі і заклікамі, даць надзею на лепшае жыццё, сабраць на выбарах патрэбную колькасць галасоў, стварыць у парламенце большасць і такім чынам прыйсці да ўлады — вось традыцыйны малюнак парламенцкіх дэмакратый. У нас жа, як нейкае заклінанне, паўтараецца, што да парламенцкай дэмакратыі мы не дараслі, тым самым і вызначаецца галоўная задача палітычнай дзейнасці: разбудзіць актыўнасць мас, скіраваць яе на вырашэнне прагрэсіўных і прыцягальных для людзей задач.

Прамы эфір — бясспрэчна, найбольш уласцівы прыродзе радыё і тэлебачання від вяшчання, востры і хвалюючы від журналісцкай дзейнасці, калі ні аўтарам, ні ўдзельнікам, ні саўдзельнікам, г. зн. слухачам, тэлегледачам, невядомы сюжэт перадачы, калі кожны наступны момант абяцае нечаканы паварот дзеяння. Эфір становіцца полем ідэалагічных, палітычных сутыкненняў, выяўлення плюралізму асоб і думак. У прамым эфіры адразу робіцца ясна, чаго варты журналіст-вядучы, высвечваюцца яго грамадзянскія, чалавечыя і прафесійныя якасці.

На працягу доўгіх год на радыё прыходзілі людзі без асаблівага прафесійнага адбору, іншы раз туды «ссылаліся» адпаведнымі органамі журналісты, якія праваліліся на газетнай працы. Для штампавання шаблонных гутарак і тэматычных перадач вялікага ўмельства не патрабавалася. У апошнія гады пачалі ўжо сачыць, каб у штат не траплялі заікі і гугнявагалосыя. Цяпер і гэтага недастаткова. Для таго, каб весці імправізаваную гаворку ў эфіры, выходзіць сам-насам з неспакойнай, ваяўнічай, многім незадаволенай аўдыторыяй, мала гаварыць добра пастаўленым голасам. Журналіст павінен валодаць асаблівым талентам, выдатнымі прафесійнымі навыкамі.

Адна з першых ластавак прамога эфіру на Беларускім радыё — перадача «Ваша думка, ваша прапанова» — з'явілася 26 красавіка 1989 г. Вёў яе Міхась Фашчылін. Прышоў жа ён да гэтай перадачы шляхам доўгіх пошукаў. Яшчэ ў 1979 г. па яго ініцыятыве пачаў выходзіць «Актуальны мікрафон», даволі вострая на той час перадача. Аднак яму даўно хацелася мець сваё месца ў эфіры, стаць даверанай асобай радыёслухачоў, атрымаць адрэзак часу ў праграме тыдня, пра які ведалі б тысячы людзей і адкладвалі б тэрміновыя справы для сур'ёзнай шчырай размовы з добрым знаёмым — журналістам. Такая з'ява добра вядома ў практыцы замежнага радыё і атрымала назву персаніфікацыі вяшчання. Амерыканскія журналісты, напрыклад, наладжваюць захапляючыя палітычныя шоу ў эфіры і на працягу дзесяцігоддзяў карыстаюцца поспехам у публікі.

Выхад у прамы эфір — справа псіхалагічна цяжкая, а весці дыялог са

слухачамі, не ведаючы, якое пытанне яны зададуць, — справа яшчэ і вельмі рызыкаўная.

Жанчына з Віцебска цікавіцца: навошта сродкі масавай інфармацыі шмат гавораць пра міжнацыянальныя адносіны, на яе думку, гэтай праблемай ў Беларусі не існуе. Падобна, яна нават не задумваецца над такой акалічнасцю: карэспандэнт да яе звяртаецца па-беларуску, а яна да яго па-руску. Хутчэй за ўсё беларускую мову не ведае, і журналіст далікатна падводзіць яе да разумення сутнасці пытання, якое жанчына задала.

Звоніць мінчанін-пенсіянер, скардзіцца на складанасці, якія ўзніклі ў сям'і сына з-за бяздушнасці службоўцаў-бюракратаў. Фашчылін адчувае небяспеку, што тоіцца ў такога роду пытаннях: засыплюць прыватнымі скаргамі. А як з імі разабрацца, седзячы ў студыі? І ён пачынае падштурхоўваць пенсіянера і іншых слухачоў у патрэбным кірунку: трэба, маўляў, гаварыць пра цікавае для многіх. Пенсіянер не здаецца: магчыма, падобныя складанасці не толькі ў яго сям'і, так што давайце абмяркуем маё становішча.

Тут і задумаешся над тым, што раней нас не цікавіла з-за поўнай адсутнасці падобных перадач: як паводзіць сябе журналісту перад вялізнай аўдыторыяй слухачоў? Быць настойлівым, весці сваю лінію? Але такім чынам можна лёгка пакрыўдзіць чалавека, а ў астатніх адбіць ахвоту званіць на радыё. А пагаджацца з многімі выказваннямі пельга, трэба спрачацца, дыскутаваць. І для журналіста вастрэй, як для каго, паўстае праблема культуры спрэчак. А насельніцтва наша да публічных спрэчак мала прывучана. Значыць, з журналіста гэтая культура і павінна пачынацца.

Ці такая сітуацыя: чалавек пытаецца, а вядучы ніяк не можа зразумець пытанне, удакладняе, цягне час замест таго, каб адразу прызнацца: прабачце, даражэнькі, тут маіх ведаў не хапае, адкажу вам пасля пісьмова ці праз эфір. Шчырасць трэба вылучыць як яшчэ адну неабходную рабочую якасць вядучага ў прамым эфіры. Не трэба рабіць выгляд, быццам журналіст валодае ісцінай у апошняй інстанцыі.

Несумненна, у падобных перадачах — магістральны напрамак развіцця грамадска-палітычнага вяшчання ва ўмовах дэмакратыі. Але ёсць на Беларускім радыё і іншыя перадачы, у якіх даецца магчымасць выказваць розныя погляды на падзеі, на сучаснае жыццё. Адна з іх — «Такая пазіцыя». Стваральнікі яе (рэдактар Я. Шупо) паставілі высакародную мэту: пазнаёміць слухачоў з зарэгістраванымі ў рэспубліцы партыямі, даць прадстаўнікам кожнай радыётрыбуну. Старшыня нацыянальна-дэмакратычнай партыі А. Астапенка абвясчае: галоўная наша задача — выхаваць новага чалавека. Ад такой заявы міжвольна трапляеш у старыя часы, калі пра партыі ў множным ліку ў нас і думаць было забаронена, калі адна толькі і займалася выхаваннем новага чалавека. І тут жа з'яўляюцца пытанні да старшын новай партыі: а каго і як выхоўваць? Па якой праграме і якой метадыцы? І чаму менавіта новы чалавек патрэбны? А са старым што рабіць?

Задаць бы гэтыя пытанні старшыні новай партыі адразу па ходу перадачы, як гэта можна ў праграме М. Фашчыліна. Вось дзе спатрэбіўся б прамы эфір.

У самой назве рубрыкі «Такая пазіцыя» адчуваецца некаторая адчужанасць ад матэрыялу: маўляў, сапраўды ёсць такая пазіцыя ў некаторых, калі ласка, пазнаёмцеся, а што да нас, то наша хата з краю. На першы погляд, у цяперашніх умовах вольнага эфіру правільная пазіцыя, аб'ектыўная, адпавядае патрабаванням шырокага дэмакратызму: няхай людзі слухаюць — самі разбіраюцца. Аднак жа трэба лічыцца з рэальнасцю: нашы людзі не прывыклі самі разбірацца. Дзесяцігоддзямі заглянаючы да драбніц разжаваных дагматы камуністычнай ідэалогіі, яны атручаны гэтымі дагматамі, і да іх, і да іншых, нават вельмі разумных меркаванняў у радыёэфіры ставяцца пераважна без увагі і даверу, на ўзроўні павярхоўнай эмацыянальнай рэакцыі, накшталт той, што ўзнікае пасля дэкларацыі А. Астапенкі наконт «новага чалавека».

Прадстаўнікі ўсіх партый, якія былі прадстаўлены ў рубрыцы «Такая пазіцыя», асноўнай сваёй бядой назвалі адсутнасць уласных сродкаў масавай інфармацыі. Гэта, на іх погляд, галоўная прычына таго, што пра іх мала ведаюць. А што сапраўды так, то гэта пацвердзіў фрагмент размовы новых партыйцаў з будаўнікамі. «Не чулі, казалі людзі, ні назвы іх, ні лозунгаў».

Паспрабуем зразумець логіку разважанняў партыйных лідэраў. Сабралася сотня-другая аднадумцаў, выбралі кіруючыя органы, вельмі прыблізна акрэслілі план дзеянняў, раз'ехаліся і чакаюць, калі народ дасць ім уладу. «Нам калі патрэбна ўлада? Калі народ яе дасць», — фраза В. Навуменкі — аднаго з лідэраў нацыянальна-дэмакратычнай партыі. Яго тут жа паправіў

А. Астапенка. Партыя, сказаў ён, павінна імкнуцца да ўлады. А як? «Я лічу, — развівае сваю думку А. Астапенка, — што галоўная наша задача — гэта стаць багатымі. Таму што грошы і ўлада — гэта адно і тое ж, амаль». Няхай так, але ж ні грошы, ні ўлада самі ў рукі не прыдуць. І А. Астапенка ведае, што рабіць. «Мы будзем ісці па шляху стварэння нейкіх прадпрыемстваў. Нам трэба будучы энергічныя дзелавыя людзі». Звернем увагу на выраз: «нейкіх прадпрыемстваў». Кіраўнік партыі не мае ніякай пэўнасці, гаворачы пра будучую прадпрыемальніцкую дзейнасць, зусім як гогалеўскі Манілаў. Патрэбны «нейкія прадпрыемствы», а да іх яшчэ «энергічныя дзелавыя людзі». Яны толькі і чакаюць, гэтыя дзелавыя людзі, якой партыі служыць...

Не сумняваюся, што і А. Астапенка, і В. Навуменка, хутчэй за ўсё, разумныя, прыстойныя людзі і, магчыма, партыйныя справы ў іх наладзяцца. Аднак слухаючы іх па радыё, не толькі не верыш у сур'езнасць іх справы, але і падсвядома вырашаеш быць падалей ад такой партыі, нягледзячы на ўсю прыхільнасць да ідэі адраджэння беларускай нацыі, якая абвешчана яе праграмай.

Думаецца, што і сродкі масавай інфармацыі, апыніся яны ў распараджэнні сучасных палітычных партый, мала ў чым дапамаглі б ім. Таму што, папершае, ніводная не мае дакладнай праграмы дзеянняў, канкрэтнага плану вываду рэспублікі з эканамічнага, палітычнага і культурна-этнічнага крызісу. Задавальняюцца абстрактнымі дэкларацыямі наконт таго, што таталітарны рэжым будзе заменены дэмакратычным. Трэба вельмі кепска ведаць настрой народу, каб спадзявацца, што на абстрактныя заклікі нехта адгукнецца. Слова «бальшавік» зрабілі абразам, аднак нялішне ўзгадаць, што бальшавікі змаглі перамагчы ў 1917 г. дзякуючы канкрэтнасці і прыцягальнасці сваіх лозунгаў.

Па-другое, якраз нядаўняе пануючае становішча камуністычнай партыі ў грамадстве многім новым палітыкам у патаемных мроях здаецца ідэальным для сваёй, толькі створанай. Таму і сродкі масавай інфармацыі ім патрэбны ў манапольнае ўладанне, і вывучаныя вышкаленыя функцыянеры, і энергічныя дзелавыя людзі, і прасторныя офісы для штаб-кватэр, і многае іншае. Такія мроі мала назваць бесперспектыўнымі, яны гібельныя, бо нерэальныя ва ўмовах новага жыцця. Застаючыся мроямі ў галовах лідэраў, яны перашкаджаюць цвярозаму мысленню, якое толькі і здольна суладаць са звышскладанай сацыяльна-эканамічнай сітуацыяй у рэспубліцы.

Па-трэцяе, ідэі нацыянальнай самасвядомасці ў Беларусі, рэспублікі, найбольш інтэрнацыяналізаванай з усіх, што ўваходзілі ў СССР, пашыраюцца з вялікай цяжкасцю, калі наогул пашыраюцца, бо абсалютная большасць дарослага насельніцтва сфарміравалася як рускамоўная і функцыянальнасць беларускай мовы зведзена да нулявой адзнакі. Зрушыць справу з месца магчыма толькі карэнным чынам змяніўшы сістэму адукацыі, пачынаючы з дзіцячых устаноў і менавіта на беларусізацыю гэтых устаноў аддаўшы лепшыя сілы і неабходныя сродкі. У палітычным жыцці беларуская культура і ў прыватнасці беларуская мова павінны стаць асноўным рэйтынгавым паказчыкам для вызначэння ступені падрыхтаванасці палітычнага дзеяча для працы на тэрыторыі Беларусі. Беларускі парламент мог бы стаць школай выхавання кадраў нацыянальных палітыкаў, і ў гэтым можа і павінна дапамагчы яму масавая камунікацыя (газеты, радыё, тэлебачанне).

Па-чацвёртае, жыццёва важна ўсім, і ў першую чаргу журналістам, пазбавіцца ад догмаў і звычак камуністычнай ідэалогіі. Гэта настолькі складана, што многімі проста не ўсведамляецца. Журналіст павінен пастаянна кантраляваць сябе з пункту гледжання волнага, незашоранага мыслення. Кантраляваць і сябе, і тых, з кім пастаянна мае справу.

Па-пятае, трэба нарэшце навучыцца адрозніваць гульні ў палітыку ад сур'ёзнай карпатлівай працы па аднаўленню беларускай дзяржаўнасці, па наладжанню нармальнага жыцця беларускага народа. Менавіта па тым, наколькі шырока і глыбока ўлічваюцца інтарэсы простых людзей, наколькі актыўна ўключаюцца яны ў сферу дзейнасці той ці іншай партыі, уцягваюцца і падключаюцца да механізму дэмакратыі — настолькі вялікія перспектывы і магчымасці гэтай партыі. Калі журналісты падтрымаюць такую партыю, то поспех яе праграм будзе забяспечаны. Вось чаму важна быць разборлівым, рыхтуючы перадачы аб палітычным жыцці рэспублікі.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О РЕАКЦИОННОЙ И ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

В выступлениях против реакционной печати Салтыков прежде всего касался изданий М. Н. Каткова — журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», — ставших в начале 60-х гг. на крайне правые позиции.

Не преминул сатирик высказаться и об органах либерально-буржуазной прессы — газете А. С. Суворина «Новое время», которая в конце 70-х гг. определялась как одна из самых умеренных и благонамеренных газет, и газете «Санкт-Петербургские ведомости», отличавшейся поверхностным либерализмом и провозгласившей лозунг «Наше время — не время широких задач», подвергшийся осмеянию сатириком.

Крайне правая печать даже не находила нужным маскировать свои реакционные идеи. Журнал «Русский вестник», выражая свое консервативное направление, прямо писал о желании выполнять охранительные функции в литературе: «Мы не откажем <ся> также от своей доли полицейских обязанностей в литературе, — и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим *искусством не для искусства*, а в интересе дела и чести»¹.

На откровенно полицейский, охранительный характер реакционной печати, усилившийся в связи с ростом освободительного движения, Салтыков-Щедрин указывал в статье «Литературные будочники (Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. вед.» и № 66 «Нашего времени»)» (1863): «Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества»².

Щедрин видел, какую роль играли один из идеологов и вдохновителей реакции М. Н. Катков и его издания. О всесилии М. Н. Каткова, пользовавшегося покровительством правительственных кругов и, в свою очередь, оказывающего влияние на них, Салтыков в письме к Г. З. Елисееву от 20 января 1883 г. писал: «Времена наступили злые. Катков делает что хочет и пользуется этим, чтоб отомстить» (19, кн. 2, 175).

Салтыков-Щедрин понимал и истинный характер либерально-буржуазной печати, ее поверхностную оппозиционность, которая с изменением обстоятельств сменялась отступничеством. Наиболее влиятельной буржуазной газетой, современной Щедрину, была «Новое время». Такой она стала после приобретения ее в 1876 г. А. С. Сувориным. Определенное время А. С. Суворин вел газету в либерально-оппозиционном духе, что принесло ей популярность, рост подписчиков и прибыли издателю. Затем А. С. Суворин изменил позицию и превратил «Новое время» в реакционный орган.

На приобретение А. С. Сувориным «Нового времени» Салтыков так откликнулся в письме к П. В. Анненкову от 9/21 марта 1876 г.: «На журнальном горизонте взошел новый пятиалтынный. Суворин купил «Новое время» (18, кн. 2, 275). Сатирик сразу же уловил возможную эволюцию и суть суворинского либерализма. В письме к Н. А. Некрасову от 11/23 мая 1876 г. Салтыков писал: «Я сегодня еще писал к Лихачеву³, что девиз «Нового времени» — неуклонно идти вперед, но через задний проход» (18, кн. 2, 291).

Щедрин показал причины, вызвавшие распространение буржуазной прессы и условия ее существования. Если в дореформенное время газетная пресса в России была представлена преимущественно различными официальными «ведомостями», то в пореформенный период, с ростом капиталистических отношений, стали во множестве возникать ежедневные газеты, принадлежавшие частным издателям. Салтыков считал, что это изменение нельзя признать плодотворным, оно не способствует развитию общественной мысли.

Если ежемесячные журналы отличались, как правило, определенной

последовательностью в проведении своего направления, то «газету до такой степени охватывают мелочи дня, что даже самый добросовестный состав редакции не может от времени до времени не впасть в противоречия, а что касается до деятелей прямо недобросовестных, то им тут широкое поле» (13, 629).

Читатель понимает это и потому к колебаниям прессы относится довольно снисходительно. «Во-первых, он понимает, что газета не претендует на деятельность строго литературную, а представляет собой лишь образец литературного проворства; во-вторых, ему небезызвестно, что каждый день может привести за собой такой вопрос, о котором человеку неподъяремному и думать-то противно и по поводу которого подъяремная газета *должна* во что бы то ни стало высказаться, тогда как ежемесячный журнал может и промолчать» (13, 629).

Газета стремится завоевать «успех в публике» (13, 620), укрепить свое финансовое состояние. И тогда «речь идет уже не о том, чтобы обсуждать насущные вопросы добросовестно, а только, чтоб «подать горячо» (13, 630). Доходы газеты во многом завясят и от того, имеет ли она, кроме постоянных подписчиков, право на розничную продажу. Угроза лишения этого права, применяемая в качестве карательной меры за публикацию негодных властям материалов, «...самым вредным образом действует на независимость и достоинство газеты» (13, 630), она ведет на путь соглашательства и компромиссов.

Стремясь привлечь к себе больше читателей, газета находится как бы «между двух огней». С одной стороны, ей необходимо сохранить за собой право на розничную продажу, с другой стороны, ей надо «оживлять столбцы» (13, 630), ибо в противном случае ее перестанут читать. И здесь, чтобы соблюсти эти два несовместимых условия, надо обладать поистине змеиной мудростью. «Право на розничную продажу требует сдержанности и хорошего поведения, что, при известной дозе добросовестности, угрожает газете бесцветностью. Напротив, потребность уловить читателя требует «горяченьких». Как согласовать это противоречие. Является вопрос: об чем и как говорить?» (13, 630—631).

Торжество в обществе злых начал и инстинктов, равнодушие к общественным интересам, казнокрадство, хищение крупных общественных сумм — все эти вопросы печать только констатирует, не вскрывая их причин, а «...если и разъясняет кой-что, то или совсем по-детски, или уж до того нелепо-злостно, что лучше бы уж и не касаться» (13, 632).

Передавая впечатление от чтения газет, Щедрин писал: «Едва ли не десять лет сряду, каждое утро, как мне подают вновь полученные с почты органы русской мысли, я ощущаю, что мною начинает овладевать тоскливое чувство. Иногда мне кажется, что вот-вот я сейчас услышу какое-то невнятное и ненужное бормотание о том, о сем, а больше ни о чем; иногда сдается, что мне подадут детскую пеленку, в которой новорожденный младенец начертал свою первую передовую статью; иногда же просто-напросто я воочию вижу, что в мой кабинет вошел дурак. Пришел, сел и забормотал. И я не могу указать ему на дверь, я должен беседовать с ним, потому что это дурак привилегированный: у него за пазухой есть две-три новости, которых я еще не знаю» (10, 401—402).

В своих сатирических произведениях Салтыков-Щедрин отразил характер буржуазной прессы и создал ряд обобщенных образов ее деятелей — издателей, редакторов, корреспондентов.

Тип журналиста-приспособленца, деятеля либерально-буржуазной прессы Салтыков-Щедрин создал в книге «В среде умеренности и аккуратности» в образе Молчалина 2-го, издателя и редактора либеральной газеты «Чего изволите?»

Молчалин 2-й пришел в печать в ту пору, когда «...главные роли в литературном деле заняли не литераторы, а менялы и прохвосты...» (12, 68). Он получил воспитание в военно-учебном заведении, где пристрастился к правописанию. До прихода в литературу держал табачную лавку, затем накопленные деньги использовал на создание газеты.

Молчалин 2-й не имеет четкой линии, «...он день и ночь словно в котле кипит: все старается, как бы ему в мысль попасть, а кому в мысль и в какую мысль — и сам того не ведаст» (12, 68). Удел Молчалина 2-го — постоянный страх перед цензурой. Он «так боится, так боится, что, можно сказать, вся его жизнь — лихорадка одна. Впал он, грешным делом, в либерализм, да и сам не рад» (12, 69).

В той же книге «В среде умеренности и аккуратности» в очерке «Тряпичкины-очевидцы» Салтыков коснулся беспардонности буржуазной прессы. Уже в самом названии очерка «Тряпичкины-очевидцы» заключена издевка, так как оба корреспондента газеты «Краса Демидрона» (Подхалимов 1-й и Подхалимов 2-й), известные редакции как «...молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовестные и, главное, непьющие» (12, 212) и посланные на театры военных действий в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., 1-й — на Дунай, а 2-й в Малую Азию, оказались на самом деле во внутренних губерниях России. При этом оба Подхалимовы вели довольно легкомысленный образ жизни, а один из них — Подхалимов 1-й — посылал в редакцию газеты корреспонденции об успехах русских войск. «Одиссея» Подхалимовых кончилась тем, что они были задержаны в Чебоксарах как беспаспортные бродяги.

Что же касается третьего корреспондента, Ящерицына, посланного на малоазнатский театр войны вместо Подхалимова 2-го, от которого редакция не получила никаких известий, то Ящерицын принял в Сызрани место квартального надзирателя «весьма и весьма небезвыгодное» (12, 248). Узнав об этом, редакция «Красы Демидрона» понадеялась, что он возвратит ей подъемные, поверстные и кормовые деньги, полученные от газеты.

Беспринципность и продажность буржуазной прессы Щедрина показал и в «Современной идиллии» на примере той же «Красы Демидрона», «газеты ассенизационно-любоэстрадной, выходящей в дни публичных драк» (15, кн. 1, 61), «...служащей органом политических и литературных мнений Егарева и Малафеева»⁴ (15, кн. 1, 56), и облике ее «редактора по вольному найму» (15, кн. 1, 56) Очищенного.

Рисуя этот образ, Щедрина смело и остроумно использует фантастическую деталь: на щеке Очищенного выступала такса за оскорбления и побои, которые он готов переносить при условии денежного вознаграждения. О нравственном облике Очищенного говорит и его прошлое: он «...бывший проносский помещик, преданный суду за злоупотребление помещичьей властью, а впоследствии тапер» в увеселительном заведении сомнительного свойства. Немаловажна и такая деталь: будучи тапером, Очищенный «...был почтен от квартала секретным поручением по части внутренней политики» с вознаграждением «десять рублей в месяц» (15, кн. 1, 77).

В конце романа «герон» «Современной идиллии» — рассказчик и Глумов — сами стали деятелями продажной прессы. Приняв предложение «известного мецената и мануфактур-советника Кубышкина» (15, кн. 1, 277), они стали редактировать газету «Словесное одобрение», в которой пропагандировали кубышкинские ситцы. В этой газете нашлось место и Очищенному, на него возлагалось ведение отдела «Наш петербургский high life *» (15, кн. 1, 278).

Наблюдая в пореформенный период подчинение прессы в России интересам буржуазии, констатируя корыстный и беспринципный характер печати, Салтыков-Щедрина в «Письмах к тетеньке» («Письмо одиннадцатое») писал: «Я признаю, что в современной русской литературе на первом плане должна стоять газета и что в этой газете должна господствовать публицистика подсиживания, сыска и клеветы. Допускаю также появление на сцену борзописцев, которые не могут доказать, где они вчера ночевали, и у которых нет других слов на языке, кроме слов, не помнящих родства...» (14, 409).

* Высший свет (англ.).

В качестве образчика подобной прессы Щедрин приводит газету «Помои — издание ежедневное» (14, 396). Уже одно имя редактора-издателя этой газеты — гоголевского Ноздрева — говорит о характере издания. Другой характерный штрих, говорящий о продажности газеты, — это слух о том, «что главный воротило в газете — публицист Искарриот. Не тот, впрочем, Искарриот, который удавился, а приблизительно. Ноздрев даже намеревался его ответственным редактором сделать (то-то розничная продажа пошла!), но не получил разрешения, потому что формуляр у Искарриота нехорош» (14, 396).

Как видим, по отношению к реакционной и беспринципной буржуазной прессе Салтыков-Щедрин был настроен резко отрицательно и бескомпромиссно. Что же касается органов демократической печати — журналов «Современник» и «Отечественные записки», то о них он отзывался с большим уважением. С этими изданиями были связаны годы творческого расцвета и активности писателя.

¹ Рус. вестн. 1861. № 1. С. 483—484.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1965—1977. Т. 5. С. 299. В дальнейшем все ссылки на сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы. В тех случаях, когда том делится на книги, то после тома указывается книга.

³ Лихачев Владимир Иванович (1837—1906), юрист, либеральный общественный деятель. Упомянутое письмо Салтыкова к В. И. Лихачеву неизвестно.

⁴ Егарев Василий Никитич, Малафеев Василий Михайлович — владельцы увеселительных заведений в Петербурге.

Н. И. РАТНИКОВА

РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Известно, что в рамках учебного курса иностранного языка нельзя научить или научиться этому языку «вообще», но можно овладеть его фрагментом — целесообразно построенной и поэтому действующей подсистемой этого языка. Построение такой функциональной подсистемы осуществляется в три этапа: сначала фиксируется объем конечных знаний, которыми должен владеть учащийся; затем производится дозировка фактографического материала, покрывающего сферу целевой коммуникации, и только после этого избирается стратегия обучения.

Письменная речь — наиболее сложная форма речевой деятельности; к слухо-речедвигательным связям, с помощью которых осуществляется устная речь, при письме добавляются еще зрительно-слуховые и речедвигательно-моторные связи. Письмо служит средством совершенствования приобретенных навыков и развития речевого умения. Письмо осуществляется на основе умения, в которое входят: навыки начертания знаков письма (букв) — навыки каллиграфии; навыки правильного перекодирования звучащей речи в адекватные навыки письма — навыки орфографии; навыки построения письменного высказывания — навыки композиции; лексические и грамматические навыки. При обучении графически правильному письму и орфографии предлагаются различные виды упражнений, направленных на овладение техникой письма. Мы не будем их касаться, так как они достаточно просты. В ходе решения второй задачи — обучения письму как виду речевой деятельности студенты учатся продуцировать собственные письменные высказывания, связанные с проработанной на занятиях тематикой. В процессе обучения ставятся коммуникативные задачи: написание писем, заметок в стенгазету и некоторые другие, затрагивающие сферу личных интересов учащегося, его желание высказаться по тому или иному поводу. При обучении письменной речи учитываются такие ее особенности, как стремление к полноте, развернутости, подчеркнутой логичности, более строгой грамматической оформленности, монологичности. Процесс составления письменного текста включает следующие основные элементы: 1) отбор слов для данного конкретного текста; 2) распределение предметных признаков в группе предложений; выделение предиката как стержневой части в смысловой организации предложения; 3) организацию связей между предложениями. Обучение письму на материале нейтрального и научного стилей проводится параллельно. Однако учитывая, что овладение языком специальности — главная задача, мы, по мере накопления учащимися необходимых знаний, уделяем все большее и большее внимание научному стилю речи.

Проблема координации учебного процесса кафедрами русского языка и кафедрами специальных дисциплин представляется важнейшей. Специфика иностранной аудитории такова, что с ней необходимо постоянно вести работу над материалом языка. Совершенно очевидно, что преподаватель-естественник, стремясь добиться знания учащимися самого предмета, вынужден уделять внимание и собственно языковой работе. Преподаватель-русист проводит такую работу параллельно с естественником, максимально адаптируя языковой материал в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся на

данном этапе обучения, акцентируя внимание на собственно языковых (речевых) явлениях, особенностях структуры языка.

Чтобы научиться извлекать и фиксировать нужную информацию из письменных и устных источников научного стиля речи, студент должен владеть навыками чтения, аудирования, языкового оформления текста в устной и письменной форме. Как известно, записи предшествует внутреннее проговаривание. Следовательно, упражнения, обучающие говорению, должны занимать ведущее место в процессе усвоения письменной речи. Чтобы построить собственное высказывание, студент должен владеть определенными навыками и умениями, выработке которых способствует градуированная по языковым трудностям организация учебных материалов и последовательное их предъявление в постепенно усложняющихся условиях. Важно придерживаться соответствия изучаемого грамматического материала, синтаксических моделей в нейтральном и научном стилях. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности предполагает параллельное обучение чтению, аудированию, говорению и письму на одном и том же языковом материале. Приоритет в этой кропотливой работе отдается выработке умения самостоятельно строить высказывания. Достижению этой цели предшествует длительная «черновая» работа: затверживание моделей, разного рода тренировочные упражнения. Дозировка в подаче материала во многом определяется уровнем подготовки группы.

Обучение письму как виду речевой деятельности возможно на хорошо усвоенном лексико-грамматическом материале. На наш взгляд, при отборе учебных материалов следует использовать тематико-ситуативный подход, который заключается в отборе ряда узловых тем, а внутри тем — в отборе наиболее употребительных, часто встречающихся коммуникативных ситуаций. Необходим такой материал, который, сохраняя свою информативную ценность, постепенно усложняясь, оказался бы доступным для понимания и усвоения.

Основными разновидностями учебных действий являются ознакомление с учебным материалом, тренировка его применения в речи и контроль правильности понимания и выполнения речевых действий. Упражнения, обучающие говорению, позволяют студентам тренироваться в передаче нужной информации. Работа по обучению говорению ведется на уровне слова, словосочетания, предложения, высказывания. Учащиеся повторяют опорные слова и словосочетания, предложения с постепенным их наращиванием, группу предложений; произносят фразы с трансформацией, отвечают на вопросы к тексту, формулируют вопросы к предложению или части текста; кратко или подробно пересказывают усложненный текст, опираясь на его план. Работа на уровне абзаца (субподтемы) учит студента выделять в абзаце главную информацию, сжимать развернутую информацию и передавать главную информацию в виде плана или текста.

К упражнениям, обучающим записи звучащей речи, относятся разного рода диктанты, которые включают запись со слуха отдельных слов, словосочетаний, предложений; выборочные диктанты (слушая, студенты записывают только указанные слова и словосочетания); фразовые диктанты без трансформации и с трансформацией; самодиктанты. Записи предшествует проговаривание вслух, что развивает оперативную память. Чтобы студенты успешно справились с фразовым диктантом, материалы, предназначенные для диктанта, должны быть предварительно проработаны и усвоены. Студент увидит результат своей деятельности, если после написания диктанта сверит его с текстом методических разработок. Целесообразно не останавливаться на этом, а прочитать диктант вслух, передать его содержание, а также выполнить ряд других заданий преподавателя.

Наращение трудностей происходит постепенно. Уже при написании диктантов следует обращать внимание на сокращенную запись слов, использование различных знаков, символов, условных обозначений, что создаст основу для перехода к следующему этапу в развитии письменной речи — конспектированию. Ведется регулярная работа с высказываниями, раскрывающими отдельные микротемы целого текста. При этом много внимания уделяется использованию средств межфразовой связи. При письменном пересказе содержания прочитанного текста учащиеся используют в качестве опор: план текста; фразы, вводящие микротемы; отдельные слова и словосочетания из предложений, развивающих микротемы.

Работа над печатным текстом облегчает переход к работе над звучащим текстом, ибо и в первом и во втором случае мы используем одни и те же методические приемы: разделение текста на смысловые части, составление пла-

на, конспективную запись каждой смысловой части с использованием сокращения слов, символов, знаков, условных обозначений. Однако работа над звучащим текстом протекает в более сложных условиях. Слуховая рецепция однократна и неповторима. Трудности аудирования могут быть связаны с языковой формой сообщения, со смысловым содержанием сообщения, с условиями предъявления сообщения, с источниками информации. Только преодолев их, учащийся сможет уяснить мысль автора, т. е. декодировать предъявленный аудиотекст.

Основной целью обучения студентов-иностранцев аудированию лекций по специальности на завершающем этапе подготовительного факультета является целенаправленное формирование навыков и умений извлекать основную информацию в условиях аудирования, соответствующих реальным, к которым относятся: языковые особенности, структурно-смысловая организация, информативность, длительность.

В системе упражнений, обучающих пониманию звучащей речи, мы выделяем первый этап, когда идет работа на уровне предложения. Студенты учатся выделять в предложении, воспринимаемом на слух, слова-опоры, заранее указанные словосочетания. Затем в потоке речи необходимо выделить предложение, которое несет главную информацию микротекста, абзаца. Уясненную, понятую мысль автора следует перекодировать в устную (заторможенную, внутреннюю) речь, несущую максимум информации при минимуме лексических единиц. И последний, третий компонент этой работы — кодирование своей устной речи в письменную.

Необходимо развивать навык восприятия речи на слух и ее записи с однократного прослушивания. В противном случае слуховая рецепция лишается своих естественных особенностей — кратковременности и необратимости.

Занятия по обучению письму на материале звучащей речи целесообразно проводить в лингафонном кабинете. На начальном этапе занятия будут максимально эффективны, если студенту показывать материалы, предназначенные для восприятия на слух. Зрительная и слуховая наглядность в синхронном предъявлении способствуют лучшему усвоению фонетического строя русского языка, закреплению изучаемого лексико-грамматического материала, облегчают восприятие аудиотекста.

Навыки конспектирования звучащего текста вырабатывают упражнения, которые делятся на три типа: 1) упражнения, обучающие пониманию со слуха; 2) упражнения, обучающие говорению, так как аудирование предполагает отсроченное воспроизведение услышанного; 3) упражнения, обучающие синхронной записи при аудировании.

Обучение конспектированию с листа предваряет обучение записи лекций, ибо увиденное усваивается легче услышанного. На первых порах конспектирование проводится в условиях отсроченного воспроизведения предъявляемого на слух смыслового отрезка текста (так называемое «конспектирование по абзацам»). Следующий, наиболее сложный этап — обучение синхронному конспектированию звучащего текста. Следует отметить, что на подфаке эту работу можно проводить на ограниченном языковом материале (хорошо знакомом студентам). До начала работы преподаватель должен позаботиться о снятии трудностей восприятия текста как в логико-смысловом, так и в лексико-грамматическом плане. Обучение должно проходить при высокой речевой активности учащихся.

Последовательность, системность в подаче материала, продуманная, методически оправданная система упражнений облегчают усвоение материала, обеспечивают выработку необходимых умений и навыков. В условиях подготовительного факультета особенно важна разумная минимизация языкового материала. Адаптировать языковой материал до такой степени, чтобы он был посильным для восприятия студента и в то же время обеспечил его подготовленность к учебе на первом курсе — вот важнейшая и наитруднейшая задача, стоящая перед методистом. В отношении развития письменной речи как наиболее сложного вида речевой деятельности эта мысль особенно актуальна.

Резюмируя изложенное, отметим, что, обучая письменной речи, преподаватель стремится выработать у студентов навыки и умения письменного пересказа, с одной стороны, и навыки построения собственного высказывания, с другой. Прогресс в овладении навыками и умениями письменного пересказа достигается путем постепенного перехода от работы по заданным опорам к изложению по опорам, подготовленным самими учащимися; путем сокращения видов опор; путем усложнения текстов. Прогресс в овладении навыками и умениями построения собственного письменного высказывания достига-

ется путем постепенной выработки умения наметить план будущего высказывания, путем увеличения полноты раскрытия содержания сообщения, путем увеличения свободы в выборе языковых средств.

МАЙХУБ СНАН (СИРИЯ)

О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ СТУДЕНТОВ

Успешность обучения студентов в вузе зависит не только от обладания ими знаниями, умениями и навыками, необходимыми для выбранной профессии, но и от сформированности интереса к ней. Выпускники вуза не станут хорошими специалистами, если их профессиональные интересы не развиты.

Профессиональный интерес проявляется в форме избирательной, эмоционально окрашенной потребности личности в определенной профессиональной деятельности, склонности к ней, в связанных с ней ценностных ориентациях. Отражая, с одной стороны, способности, с другой — эмоционально-волевою и потребностно-мотивационную сферы личности, профессиональный интерес сближает ее желания, намерения и возможности, ее «хочу» и «могу», стимулирует активность овладения профессией.

Профессиональный интерес, по мнению С. П. Крягжде, может иметь три уровня: интерес потребителя, деятеля и собственно профессиональный, в зависимости от его структуры и активности проявления. Для уровня, именуемого «интересом потребителя», характерна созерцательность личности, незначительная ее активность, деятельность, вызванная особенностями объектов или воздействием других лиц. Дальнейшее его развитие зависит от обстоятельств. В случае отсутствия эмоционального подкрепления, связи с общей направленностью личности потребительский интерес гаснет¹.

Главными стимулами появления «интереса деятеля» является осознание успеха, положительное эмоциональное подкрепление деятельности. При наличии склонностей и способностей к избранной деятельности «интерес деятеля» перерастает в собственно профессиональный, который становится одним из компонентов системы ценностных ориентаций и профессиональной направленности личности.

В ходе проведенного нами исследования была предпринята попытка ответить на вопрос, в какой мере становление специалиста в вузе связано с развитием профессионального интереса, а также в какой мере проявляются избирательные профессиональные интересы в познавательной, эмоциональной и волевой активности. Объектом исследования стали студенты старших курсов факультета библиотековедения и библиографии института культуры в количестве 195 человек. Ретроспективно были изучены факторы, под влиянием которых сформировались профессиональные намерения студентов, мотивы выбора профессии, ее привлекательность и ценности. Изучалась динамика профессиональных интересов и причины, приведшие к их регрессу у некоторой части студентов, а также предложения студентов по совершенствованию учебного процесса. Полученные на основе анкетного опроса, наблюдений, бесед материалы были подвергнуты количественному и качественному анализу. Для изучения профессиональных интересов студентов были определены следующие параметры:

1. Профессиональные намерения и планы студентов, связанные с окончанием института: выбор профиля обучения и специализации; решение работать по полученной специальности или же решение поменять ее.

2. Отношение к профессии: оценка престижа профессии; удовлетворенность профессиональным выбором.

3. Отношение к учебе в процессе профессионализации: объективные признаки (участие в научной работе, чтение дополнительной литературы по специальности); субъективные признаки (требования, предъявляемые к профессионализации, удовлетворенность различными сторонами учебного процесса).

Оказалось, что большинство опрошенных студентов приняло решение поступить на библиотечный факультет под влиянием родителей. Интерес к этой профессии у многих сформировался также в процессе общения с библиотечными работниками, однако он не стал ведущим мотивом выбора профессии (3-е ранговое место), пропустив вперед такие мотивы, как «престиж образования» (1-е место) и «желание приобщиться к студенческой жизни» (2-е место), которые сделали учебу в институте культуры для многих респондентов привлекательной. Как показало исследование, оценки престижности выбран-

ной профессии снизились на старших курсах, когда увеличилось число студентов, желающих продлить «беззаботную студенческую жизнь».

Студенты всех курсов считают: для того, чтобы стать хорошим специалистом, вполне достаточно освоить учебную программу. Особенно важное значение они придают повышению общей культуры путем приобщения к литературе, музыке, живописи. Всего несколько человек из 195 опрошенных изучают дополнительную литературу по специальности, принимают участие в научной работе (СНО), посещают ФОП (факультет общественных профессий). Профессиональные интересы большинства студентов библиотечного факультета имеют тенденцию к снижению от младших курсов к старшим. Среди причин, приведших к этому, 75 % опрошенных называют недостаточно высокий уровень организации учебного процесса: преподавание общественных и специальных дисциплин, руководство курсовыми и дипломными работами, нерациональное соотношение лекционных и практических занятий, неудобное расписание, недостаточная обеспеченность литературой. Одной из причин выявленной нами тенденции является также произвольное распределение выпускников и неудовлетворительные бытовые условия жизни студентов.

К числу факторов, активно влияющих на развитие профессионального интереса, студенты относят «взаимоотношения в студенческой группе» и «возможности для организации и проведения свободного времени». Последний фактор оказался особенно значимым для студентов 4-го курса.

Следовательно, студентов библиотечного факультета больше интересует процесс обучения, студенческая жизнь, чем овладение профессией. Такие потребительские интересы, как правило, неустойчивы, поверхностны. Учитывая слабую выраженность интересов и направленность на внешнюю атрибутику профессии, а не на ее содержание, их можно классифицировать как пассивные, непосредственные. Наш вывод подтверждается и тем, что самым значимым и ценным в будущей профессии студенты считают общение с новыми людьми, доступ к литературе, а не возможность наиболее полно проявить свои знания и способности.

Из ответов на вопрос о перспективах профессионального пути следовало, что не все студенты хотят работать по своей специальности после окончания института. Меньше всего желающих посвятить себя библиотечному делу среди первокурсников — 13 %. Их число увеличивается с 16 (на 2-м курсе) до 29 (на 3-м) и вновь уменьшается до 21 % (на 4-м курсе).

Приведенные данные могут быть интерпретированы следующим образом: многие студенты, обучающиеся на библиотечном факультете, совершили выбор профессии случайно, под давлением различных обстоятельств. Затем, в процессе обучения они пришли к выводу, что выбранная профессия им подходит, возможно, соответствует их личностным данным. Уменьшение количества желающих работать по специальности на 4-м курсе могло произойти после прохождения практики, когда студенты столкнулись с реалиями своей будущей профессиональной деятельности, лишенной романтического ореола, который нередко возникает под влиянием профориентационной работы в школе. Очевидно, снижают престижность профессии и материальные соображения, размер заработной платы, на что указывают студенты.

Пути активизации интереса к своей профессии студенты видят в повышении уровня культуры преподавания, в увеличении количества практических занятий, в изучении международного опыта библиотечного дела, в создании живой, творческой атмосферы во взаимоотношениях между студентами и преподавателями, в изменении условий приема в вузы.

Анализ материалов, полученных в ходе исследования, позволил сделать следующие выводы: основным мотивом профессионального самоопределения личности является интерес к профессии. Однако он не всегда занимает ведущее место в мотивации учебной деятельности студентов. Профессиональный интерес осознается личностью как обязательный компонент профессионального самоопределения и профессионализации лишь в том случае, если он сформирован. Когда же такой интерес отсутствует, он не воспринимается как неперемное условие успешного овладения профессией.

Представляется целесообразным разграничить понятия «интерес к профессии» и «профессиональный интерес». Если первый связан с внешней атрибуцией профессии (заработная плата, условия труда, престиж профессии и т. д.), то второй — с ее содержанием, ценностями.

Пройдя путь от непроизвольного внимания, вызванного привлекательностью объекта, любознательности, положительных эмоций до переживания успеха в деятельности, профессиональный интерес может стать объектом

управления, стратегия и тактика которого зависят от конкретных условий обучения и уровня развития этого интереса у студентов. Действенными механизмами управления профессиональным интересом являются ценностные ориентации, связанные с профессиональной деятельностью, раскрытие ее личностного и общественного смысла.

Профессиональный интерес, обусловленный внутренними мотивами личности, такими, как осознание своих способностей, пригодности к выбранной профессии, становится действенным, активным. Являясь ведущим компонентом профессиональной направленности личности, выражающейся в принятии целей и задач деятельности, ее ценностей, профессиональный интерес может выступать при отборе студентов в качестве критерия профессиональной пригодности личности.

¹ См.: Крягжде С. П. Динамика формирования профессиональных интересов. Каунас. 1969; Он же. Эффективность совмещения методов социальной и дифференциальной психологии профессиональных интересов. Вильнюс, 1977. С. 280.